

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Кокунов Алексей Игоревич

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ
СКЛОНЯЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
кандидат юридических наук, доцент
Тихонова Светлана Сергеевна

Нижегород – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Понятие, признаки и способы склоняющего воздействия (склонения) по российскому уголовному законодательству	17
§ 1. Понятие и признаки склоняющего воздействия (склонения) по действующему российскому уголовному законодательству	17
§ 2. Классификация способов склоняющего воздействия (склонения) по действующему российскому уголовному законодательству	41
§ 3. Эволюция дореволюционного и советского российского кодифицированного уголовного законодательства в части запрета склоняющего воздействия	57
ГЛАВА 2. Система запретов склоняющего воздействия (склонения) в Общей и Особенной частях действующего российского уголовного законодательства	79
§ 1. Запрет склоняющего воздействия (склонения) в Общей части действующего российского уголовного законодательства	79
§ 2. Запреты склоняющего воздействия (склонения) в Особенной части действующего российского уголовного законодательства	106
§ 3. Коллизии запретов склоняющего воздействия (склонения), предусмотренных в Общей и Особенной частях действующего российского уголовного законодательства.....	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ	154
ПРИЛОЖЕНИЯ	201
Приложение 1. Схема способов склоняющего воздействия (склонения).....	201
Приложение 2. Результаты анкетирования специалистов из числа профессорско-преподавательского состава научно-образовательных учреждений (2020 г.).....	202
Приложение 3. Результаты анкетирования практических работников (2020 г.)	208

Приложение 4. Результаты анкетирования специалистов из числа профессорско-преподавательского состава научно-образовательных учреждений (2021 г.).....	210
Приложение 5. Таблица рекомендуемых изменений в УК РФ	217

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время законодатель уделяет большое внимание уголовно-правовым запретам склоняющего воздействия (склонения человека к совершению деяний различного вида). Подтверждением этому служат многочисленные изменения, вносимые в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) с момента вступления его в законную силу. Так, за время его действия законодатель дополнил текст уголовного закона статьей 110¹, частью 3 статьи 141, статьей 151², статьей 185⁶, статьей 205¹, частью 1¹ статьи 212, статьей 230¹, частью 1 статьи 281¹, частью 1¹ статьи 282¹, частью 1¹ статьи 282², статьей 361, где в том или ином виде отражается запрет склоняющего воздействия.

С одной стороны, указанные изменения являются следствием распространения некоторых форм общественно опасного поведения и выявления объективной необходимости надлежащего противодействия им. В этом качестве они представляются обоснованной реакцией отечественного законодателя на возникшую социальную потребность в принятии уголовно-правовых мер.

С другой стороны, эти изменения, вносимые без должного теоретического обоснования, а нередко вопреки официальной позиции Верховного Суда РФ и Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, существенно отразились на системности и ясности действующего российского уголовного закона. Изложенное, прежде всего, касается составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ. Появление указанных предписаний создало уголовно-правовые коллизии, обусловленные одновременным наличием запрета подстрекательства к совершению преступления, выраженного в Общей части УК РФ, и запретов склоняющего воздействия, выраженных в Особенной части УК РФ. Распространение коллизий, в свою очередь, аксиоматично свидетельствует о снижении качества уголовного закона и в какой-то степени неизбежно препятствует решению стоящих перед ним практических задач.

Тема исследования представляется актуальной также в своем социальном аспекте. Склоняющее преступное воздействие реализуется в различных сферах общественных отношений (соответствующие запреты рассредоточены по всем шести разделам Особенной части УК РФ и, за редким исключением, не содержат признак специального субъекта). Унификация подходов к использованию терминологии, отражению способов склоняющего воздействия в уголовном законе, определению момента юридического окончания соответствующих преступлений, а также устранение правовых коллизий делает уголовный закон более ясным и интуитивно понятным не только для правоприменителя, но и для непосредственных адресатов уголовно-правовых запретов.

Более того, обоснование и последовательное практическое применение признака результативности склоняющего воздействия позволяет каждому члену общества быть уверенным, что любое склоняющее воздействие может считаться оконченным преступлением не ранее начала совершения склоняемым требуемых от него действий. Следовательно, до этого момента возможен добровольный отказ от доведения преступления (склонения) до конца, исключающий уголовную ответственность. Стимулирование добровольного отказа, которое и в целом играет важную социальную роль, особенно ценно применительно к обсуждаемым преступлениям, поскольку зачастую они не оставляют явных материальных следов, реализуются на почве личных отношений между склоняющим и склоняемым и потому оказываются сокрытыми от правоохранительной системы.

Указанными обстоятельствами определяется актуальность разработки концепции уголовно-правовых запретов склоняющего воздействия и обоснования применимости данной концепции в уголовном законе.

Степень разработанности темы исследования. Уголовно-правовые запреты склоняющего воздействия исследовались дореволюционными учеными – А.В. Лохвицким, В.Д. Набоковым, С.В. Познышевым, Н.С. Таганцевым. В советский период указанная тема разрабатывалась П.С. Дагелем,

Н.Д. Дурмановым, М.И. Ковалевым, Н.Ф. Кузнецовой, А.Н. Трайниным, М.Д. Шаргородским.

Существенный вклад в осмысление института подстрекательства как разновидности склоняющего воздействия внесли современные исследователи З.А. Абакаров, В.П. Алехин, А.А. Арутюнов, Д.А. Безбородов, В.В. Васюков, А.П. Козлов, В.В. Палий, А.И. Рарог, Д.В. Савельев, А.В. Шеслер.

Отдельные вопросы соотношения института подстрекательства к преступлению и запретов склоняющего воздействия, содержащихся в Особенной части уголовного закона, рассматривали в своих диссертационных исследованиях З.А. Абакаров (2006 г.), Н.Н. Маршакова (2006 г.), В.В. Палий (2006 г.), Е.П. Коровин (2008 г.), Т.И. Нагаева (2012 г.), А.К. Субачев (2018 г.).

Исследование проблем провокации преступления как разновидности склоняющего воздействия осуществляли А.Е. Аюсинов, Б.В. Волженкин, И.Э. Звечаровский, В.С. Комиссаров, А.Г. Маркушин, А.А. Мастерков, С.Ф. Милюков, С.Н. Радачинский, Н.А. Сандаковский, П.С. Яни.

Категория «принуждение» была тщательно изучена Е.Г. Веселовым, С.В. Девятовской, В.Г. Зариповым, В.В. Калугиным, Е.В. Кобзевой, Т.Ю. Кобозевой, Е.А. Куманяевой, С.В. Шевелевой.

Вопросы обоснования и построения уголовно-правовых запретов, а также вопросы коллизий в уголовном праве рассматривались А.Ю. Буяковым, А.В. Иванчиным, Л.Л. Кругликовым, А.П. Кузнецовым, С.А. Маркунцовым, К.К. Панько, Ю.Е. Пудовочкиным, А.П. Севастьяновым. Проблемам толкования и совершенствования отдельных уголовно-правовых запретов склоняющего воздействия, предусмотренных в Особенной части УК РФ, посвящены научные труды И.А. Александровой, А.В. Бриллиантова, К.А. Волкова, Д.А. Гнилицкой, Е.И. Елизарова, Н.Г. Иванова, М.В. Ивановой, О.С. Капинус, А.Г. Кибальника, Н.Е. Крыловой, А.И. Морозова, Т.А. Олейниковой, А.В. Осипьян, В.В. Сверчкова, Н.К. Семерневой, А.В. Серебрякова, А.А. Строкова, С.С. Тихоновой, А.В. Ткаченко, Ю.А. Уколовой, А.В. Федорова, В.В. Хилюты, А.А. Цыркалюк, Н.П. Шевченко, Д.И. Эльмурзаева и других специалистов.

В то же время отсутствуют специальные исследования, посвященные системному анализу существующего и перспективных подходов к установлению в Общей и Особенной частях кодифицированного уголовного закона запретов склоняющего воздействия (склонения другого лица к совершению определенного деяния), в связи с чем тему исследования в целом надлежит считать недостаточно разработанной.

Объектом настоящего исследования выступает комплекс общественных отношений, возникающих в связи с разработкой и практической реализацией уголовно-правовых запретов склоняющего воздействия в Российской Федерации.

Предмет исследования составляют нормы российского уголовного законодательства, содержащие запреты склоняющего воздействия, соответствующие правоинтерпретационные акты и материалы судебной практики.

Целью диссертации является разработка концепции запретов склоняющего воздействия в российском уголовном праве и обоснование на её основе предложений по оптимизации действующего уголовного закона РФ и правоприменительной практики.

Достижение указанной цели обеспечивается решением следующих **исследовательских задач**:

1. Формирование перечня уголовно-правовых запретов склоняющего воздействия, предусмотренных действующим уголовным законом, разработка терминологии для обозначения родового понятия данного воздействия и системы его признаков, характеристика соответствующих признаков.

2. Систематизация способов склоняющего воздействия в уголовно-правовой науке.

3. Выявление закономерностей эволюции отечественного кодифицированного уголовного законодательства дореволюционного и советского периодов в части установления запретов склоняющего воздействия.

4. Определение отличительных признаков подстрекательства как разновидности склоняющего воздействия, предусмотренного Общей частью УК РФ.

5. Обоснование возможности использования разработанной системы признаков и способов склоняющего воздействия для конструирования соответствующих составов преступлений в Особенной части УК РФ и для выработки унифицированного подхода к определению момента юридического окончания таких преступлений.

6. Выявление и оценка возможности преодоления коллизий между запретом подстрекательства, установленным в Общей части УК РФ, и запретами склоняющего воздействия, установленными в Особенной части УК РФ.

Правовую основу исследования образуют Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, правоинтерпретационные акты Верховного Суда РФ.

Эмпирическая основа исследования включает:

- результаты изучения судебной практики (включая обзоры) Верховного Суда РФ с начала действия УК РФ до настоящего времени, судебной практики Европейского суда по правам человека за 2005-2022 гг., а также 340 приговоров, вынесенных федеральными судами общей юрисдикции РФ с 1 января 2009 г. по 31 декабря 2020 г. и размещенных в ГАС РФ «Правосудие»;

- итоги анкетирования 100 специалистов в сфере уголовного права из числа профессорско-преподавательского состава научно-образовательных учреждений (70 человек), а также работников органов прокуратуры и Следственного комитета РФ (30 человек), проведенного в электронной форме с использованием Интернет-платформы «Google документы» (<https://docs.google.com>, инструмент «Формы»).

Теоретической основой исследования послужили труды ученых-специалистов в области уголовного права и юридической техники З.А. Абакарова, В.П. Алехина, А.А. Арутюнова, Д.А. Безбородова, В.М. Баранова, А.Г. Блинова, Н.Н. Бугеры, А.В. Бриллиантова, В.В. Васюкова, Е.Г. Веселова, Б.В. Волженкина, К.А. Волкова, Д.А. Гнилицкой, Е.И. Грузинской, С.В. Девятовской,

Е.И. Елизарова, В.Г. Зарипова, И.Э. Звечаровского, М.В. Ивановой, А.В. Иванчина, В.В. Калугина, О.С. Капинус, Е.В. Кобзевой, Т.Ю. Кобзевой, М.И. Ковалева, А.П. Козлова, В.С. Комиссарова, Л.Л. Кругликова, Н.Е. Крыловой, А.П. Кузнецова, Е.А. Куманяевой, Н.А. Лопашенко, Н.Н. Маршаковой, А.А. Мастеркова, С.Ф. Милюкова, А.И. Морозова, Т.И. Нагаевой, Т.А. Олейниковой, В.В. Палий, Ю.Е. Пудовочкина, Б.Т. Разгильдиева, С.Н. Радачинского, Д.В. Савельева, Н.А. Сандаковского, А.П. Севастьянова, А.В. Серебрякова, А.А. Строкова, С.С. Тихоновой, А.В. Ткаченко, Ю.А. Уколовой, В.В. Хилюты, А.А. Цыркалюк, С.В. Шевелевой, Н.П. Шевченко, А.В. Шеслера, Д.И. Эльмурзаева, П.С. Яни и других исследователей.

Методологической основой исследования является всеобщий диалектический метод познания явлений и процессов. Также применялся комплекс общенаучных (системный, структурно-функциональный, формально-логический, исторический и др.), частнонаучных (статистический, социологический, документальный и др.) и частноправовых (формально-юридический, политико-правовой, сравнительно-исторический, правовое моделирование и др.) исследовательских методов. Их применение позволило отразить взаимосвязь теории и практики, формы и содержания объекта диссертационного исследования.

Научная новизна исследования определяется разработкой в результате его проведения концепции запретов склоняющего воздействия в российском уголовном праве. Качественно научной новизны, в частности, обладают введение в научный оборот термина «склонение» для обозначения родового понятия – персонифицированного, ментального, конкретизированного, инициативного, результативного побуждающего воздействия на физическое лицо в целях совершения им определенного деяния; система признаков данного воздействия (склонения); многоуровневая классификация способов склоняющего воздействия (склонения); предложения по концептуальному решению проблем, порожденных

коллизиями между запретом подстрекательства и иными запретами склонения в действующем кодифицированном уголовном законе.

Положения, выносимые на защиту.

1. В науке уголовного права склоняющее воздействие (персонифицированное, ментальное, конкретизированное, инициативное, результативное побуждающее воздействие на физическое лицо в целях совершения им определенного деяния) надлежит обозначать однокомпонентным термином «склонение».

2. Система признаков склоняющего воздействия (склонения) объединяет следующие его объективные и субъективные свойства:

2.1.Объективные признаки склонения: 1) персонифицированность (индивидуальная определенность склоняемого лица); 2) ментальность (воздействие на сознание и волю склоняемого лица); 3) конкретизированность (доведение до сведения склоняемого лица необходимой модели поведения); 4) инициативность (на момент начала воздействия у склоняемого лица должно отсутствовать намерение совершить деяние, к которому его склоняют); 5) результативность (признание данного воздействия юридически окончательным в момент начала реализации склоняемым лицом презентованной ему модели поведения; склонение характеризуется как материальная конструкция, включающая в себя деяние (деяние склоняющего), последствие (деяние склоняемого) и причинную связь между ними).

2.2.Субъективные признаки склонения: 1) прямой умысел; 2) специальная цель – добиться совершения склоняемым лицом деяния в соответствии с презентуемой ему моделью поведения.

3. Систематизация доктринальных представлений о способах склоняющего воздействия (склонения) и об их соотношении требует использования многоуровневой классификации со следующим терминологическим аппаратом:

3.1.Способами склонения являются мотивирование, то есть действие склоняющего лица, в результате которого изменяется объем благ склоняемого лица, и информирование, то есть предоставление информации о варианте

поведения, не связанное с непосредственным влиянием склоняющего лица на объем благ склоняемого лица.

3.2.В зависимости от направленности (негативной или позитивной) мотивирование классифицируется на принуждение и поощрение. Принуждение основано на причинении склоняемому лицу вреда, а поощрение – на предоставлении выгоды. Информирование по аналогичному критерию следует подразделять на предостережение (негативное информирование) и завлечение (позитивное информирование). Предостережение – это информирование о том, что отказ совершить предлагаемое деяние повлечет причинение склоняемому лицу вреда. Завлечение – это информирование о том, что совершение предлагаемого деяния будет выгодно склоняемому лицу (но не в связи с вознаграждением, получаемым от склоняющего лица).

3.3.В зависимости от характера блага, с которым связано воздействие на склоняемое лицо, принуждение, поощрение, предостережение, завлечение могут носить физический, имущественный или психический характер.

3.4.В зависимости от времени реализации принуждение и поощрение может быть реальным (осуществляемым до совершения склоняемым лицом предлагаемого деяния) или условным (осуществляемым при условии совершения или отказа от совершения склоняемым лицом деяния).

4. Недостатки законодательного конструирования уголовно-правовых запретов склоняющего воздействия в кодифицированных источниках отечественного уголовного права дореволюционного и советского периодов характерны и для современного российского уголовного законодательства. К таковым относятся: 1) отсутствие единства терминологии, используемой для обозначения родового понятия склоняющего воздействия и способов данного воздействия; 2) отсутствие унифицированного подхода к определению момента юридического окончания рассматриваемого воздействия; 3) наличие коллизий между запретами склоняющего воздействия, содержащимися в общей и особенной частях кодифицированных уголовно-правовых актов.

5. С учетом разработанной классификации способов склоняющего воздействия (склонения) подстрекатель может быть исчерпывающе определен как лицо, склонившее другое лицо к участию в совершении преступления путем принуждения, поощрения, предостережения или завлечения.

6. Запрет подстрекательства к совершению преступления в российском уголовном законодательстве вступает в коллизию с отдельными запретами склоняющего воздействия, предусмотренными в Особенной части УК РФ (ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361), что следует рассматривать в качестве законодательной ошибки системного характера.

Предложения по совершенствованию действующего уголовного закона и практики его применения

Разработанная концепция уголовно-правовых запретов склоняющего воздействия представляется практически полезной для законотворческой и правоприменительной деятельности, что выражается в следующих рекомендациях:

1. Во все запреты склоняющего воздействия, установленные Особенной частью УК РФ, в которых нет указания на родовое понятие склоняющего воздействия, а присутствуют лишь отдельные способы такого воздействия, наряду с этими способами должен быть введен термин «склонение» (по типовой конструкции: «склонение к ... путем ...»). Так, часть первую статьи 120 УК РФ уместно изложить в следующей редакции: «1. Склонение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное путем физического принуждения».

Подобные изменения реализуемы также в ст. 127¹ (в части вербовки), ст. 133, ч. 3 ст. 141 (в части требования или указания), ч. 1 ст. 147, ст. 149 (в части принуждения к участию в мероприятиях), ст. 163, ст. 179, ст. 240 (в части принуждения к продолжению занятия проституцией), ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 333, ст. 359 (в части вербовки) УК РФ.

Данная законодательная мера предпочтительна, поскольку обозначает для правоприменителя принадлежность каждого такого запрета к запретам склонения и вводит в законодательную конструкцию составов соответствующих преступлений всю ранее представленную систему признаков склонения.

2. С учетом рассмотренного признака результативности склоняющего воздействия предлагается унифицированный подход к определению момента юридического окончания всех соответствующих преступлений в актах официального делегированного толкования и решениях правоприменителей по конкретным уголовным делам.

3. Во всех запретах склоняющего воздействия в целях устранения синонимии термин «вовлечение» подлежит замене на термин «склонение» (ст. 151, ст. 151², ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ).

4. С использованием разработанной классификации способов склонения законодательно закрепленные способы совершения соответствующих преступлений могут быть переформулированы в целях более емкого и точного изложения запретов склоняющего воздействия. В частности, уместно предложить следующие редакции статей уголовного закона:

- части первой статьи 133 УК РФ: «1. Склонение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем имущественного или психического принуждения»;

- части первой статьи 163 УК РФ: «1. Вымогательство, то есть склонение к передаче в будущем чужого имущества или права на чужое имущество, либо к совершению в будущем иных действий имущественного характера путем принуждения»;

- части первой статьи 179 УК РФ: «1. Склонение к совершению сделки или к отказу от ее совершения путем принуждения при отсутствии признаков вымогательства».

Подобный принцип законодательных изменений применим к ст. 120, 127¹ (в части вербовки), ст. 149, ч. 2 ст. 309, ст. 359 (в части вербовки) УК РФ.

5. Поскольку запреты Особенной части кодифицированного уголовного закона не должны подменять собой предписания его Общей части об ответственности за подстрекательство к совершению преступления, представляется необходимым принять следующие законодательные меры: признать утратившими силу ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282² УК РФ; сократить диспозиции ч. 1¹ ст. 205¹ и ч. 1 ст. 281¹ УК РФ до слов «финансирование терроризма» и «финансирование диверсии» соответственно; исключить из ч. 2 ст. 361 УК РФ слова «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение...».

Все вновь вводимые законодателем в Особенную часть УК РФ запреты склоняющего воздействия целесообразно конструировать и интерпретировать в соответствии с изложенными рекомендациями.

Поскольку одна и та же статья Особенной части УК РФ может претерпеть изменения сразу по нескольким обозначенным направлениям, а также ввиду значительного текстуального объема изменений для полного их обзора сформировано приложение 5 к диссертации в виде таблицы.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в рамках разработанной концепции уголовно-правового запрета склоняющего воздействия (склонения) для обозначения родового понятия соответствующего воздействия и системы его признаков в научный оборот введена новая уголовно-правовая терминология; раскрыто содержание признаков склонения; с учетом признака результативности рекомендована унификация подхода к определению момента юридического окончания соответствующих преступлений в доктринальных источниках и актах официального (делегированного) толкования уголовного закона; представлена многоуровневая классификация способов склонения; осмыслены уголовно-правовые аспекты подстрекательства как разновидности склонения; выявлены проблемы, связанные с наличием коллизий между запретом подстрекательства и иными запретами склонения в действующем УК РФ. Данные результаты могут быть использованы как для выработки правотворческих

решений, так и для дальнейшего теоретического обоснования запретов склоняющего воздействия в российском кодифицированном уголовном законе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что автором выработаны конкретные правотворческие решения и правоприменительные рекомендации, которые за счет своей теоретической обоснованности и системности способны повысить качество уголовного закона, точность и справедливость принимаемых правоприменительных решений. Материалы исследования также могут быть использованы в образовательных целях и для повышения уровня квалификации специалистов, работающих в уголовно-правовой сфере.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных результатов обеспечивается постановкой цели и определением задач исследования, применением указанных методов научного познания, а также теоретической, правовой и эмпирической основами исследования.

Диссертация обсуждена на кафедре уголовного права и процесса юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» и рекомендована ей к защите.

Основные положения диссертации отражены в девяти научных статьях (общим объемом 3,46 а.л.), три из которых – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Отдельные положения диссертационного исследования докладывались на научно-практических мероприятиях:

- 1) IX Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения» (Российская правовая академия Минюста России, 13-14 декабря 2013 г.);
- 2) Круглый стол «Мониторинг правоприменения в регионах Российской Федерации: современное состояние и перспективы» в рамках ежегодной научно-практической конференции по мониторингу правоприменения (Национальный

исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 25 марта 2016 г.);

3) Международный научно-практический семинар «Актуальные проблемы международной безопасности и международной защиты прав человека» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 28-29 апреля 2016 г.);

4) Международная научно-практическая конференция «Подходы Европейского Союза и России к трансграничным угрозам безопасности» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 24-26 мая 2018 г.);

5) XXII Международный научно-практический форум «Юртехнетика» (Нижегородская академия МВД России, 23-26 сентября 2020 г.);

6) Международная научно-практическая конференция «Юридическая наука и практика в условиях современных вызовов (к 30-летию юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского)» (25-26 ноября 2021 г.);

7) Международная научно-практическая конференция «Противодействие современным криминальным угрозам: теория и практика» (Нижегородская академия МВД России, 25 ноября 2021 г.).

Результаты исследования также апробированы в образовательной деятельности, в том числе использованы при подготовке учебно-методических разработок по дисциплинам «Уголовное право», «Юридическая техника», «Юридическая техника в уголовном праве», преподаваемым в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского».

Объем и структура диссертации обусловлены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемых источников и приложений.

**ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И СПОСОБЫ
СКЛОНЯЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (СКЛОНЕНИЯ)
ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

**§ 1. Понятие и признаки склоняющего воздействия (склонения)
по действующему российскому уголовному законодательству**

В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Уголовно-правовой запрет (в статическом аспекте¹) понимается в отечественной уголовно-правовой науке преимущественно как уголовно-правовое нормативное предписание, закрепленное в нормах Особенной части УК РФ и конкретизированное в нормах Общей части УК РФ и в ряде случаев в иных нормативных правовых актах, устанавливающее обязанность лица не совершать (воздерживаться от совершения) общественно опасные деяния, признаваемые уголовным законом преступлениями².

Законодательное конструирование уголовно-правовых запретов и, следовательно, применимость признака запрещенности преступления обеспечивается несколькими правовыми средствами:

- состав преступления, которым выражаются запреты совершать преступления определенного вида;
- институт неоконченного преступления, с помощью которого выражаются запреты приготовления и покушения на преступления определенного вида;
- институт соучастия в преступлении, с помощью которого выражаются запреты совместно с другими лицами участвовать в преступлении определенного вида.

¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Понятие уголовно-правового запрета и проблемы его социально-криминологической обусловленности // Современные проблемы уголовной политики: матер. III междунар. науч.-практ. конф. (28 сентября 2012 г.) / под ред. А.Н. Ильяшенко. Т. I. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2012. С. 155.

² Маркунцов С.А. О соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма» // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 128.

Основным средством выражения уголовно-правового запрета выступает состав преступления, поскольку он служит либо единственным и достаточным правовым основанием квалификации деяния как запрещенного уголовным законом (в случае единолично совершенного оконченного преступления), либо обязательной частью такой квалификации (в случае неоконченного преступления и (или) соучастия в преступлении)¹. Юридическая конструкция состава преступления включает как признаки, текстуально отображаемые в нормативном предписании Особенной части кодифицированного уголовного закона, так и признаки, текстуально отображаемые в нормативных предписаниях Общей части. При этом внутренняя правовая отсылка к соответствующим нормативным предписаниям Общей части уголовного закона не используется, объединение признаков состава преступления осуществляется логическим путем.

Неоконченное преступление и соучастие в преступлении, напротив, не может получить юридическую оценку вне связи с конкретным составом преступления. Поэтому институты неоконченного преступления и соучастия в преступлении являются производными средствами выражения уголовно-правового запрета, что, однако, не умаляет их ценности как достижения уголовно-правовой мысли.

Действующий уголовный закон содержит значительное количество запретов, связанных со склонением другого человека к совершению определенного деяния. Помимо общего запрета подстрекательства к совершению умышленного преступления (ч. 4 ст. 33 УК РФ), к таковым можно отнести специальные запреты склоняющего воздействия (склонения), содержащиеся в составах преступлений (30 основных составов преступлений):

- склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ);
- принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ);

¹ См.: Ляпунов Ю., Родина Л. Функции состава преступления // Уголовное право. 2005. № 3. С. 47.

- торговля людьми – в части вербовки человека в целях его эксплуатации (ч. 1 ст. 127¹ УК РФ);
- понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ);
- нарушение изобретательских и патентных прав – в части принуждения к соавторству (ст. 147 УК РФ);
- воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них – в части принуждения к участию в данных мероприятиях (ст. 149 УК РФ);
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ);
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ);
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ);
- вымогательство (ст. 163 УК РФ), а также вымогательство предметов, ограниченных в обороте (ст. 221, 226, 229 УК РФ);
- принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ);
- оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса – в части принуждения или склонения участника или организатора официального спортивного соревнования, а равно члена жюри, участника или организатора зрелищного коммерческого конкурса к оказанию этого влияния (ч. 1 ст. 184 УК РФ);
- содействие террористической деятельности – в части склонения, вербовки, вовлечения лица в совершение определенных в законе преступлений террористического характера (ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ);
- массовые беспорядки – в части склонения, вербовки, вовлечения лица в совершение определенных в законе действий по организации массовых беспорядков (ч. 1¹ ст. 212 УК РФ);

- склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ);
- склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230¹ УК РФ);
- вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ);
- незаконный оборот порнографических материалов или предметов – в части вовлечения несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции (ч. 2 ст. 242 УК РФ);
- содействие диверсионной деятельности – в части склонения, вербовки, вовлечения лица в совершение преступления, предусмотренного статьей 281 УК РФ (ч. 1 ст. 281¹ УК РФ);
- организация экстремистского сообщества – в части склонения, вербовки, вовлечения лица в деятельность экстремистского сообщества (ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ);
- организация деятельности экстремистской организации – в части склонения, вербовки, вовлечения лица в деятельность экстремистской организации (ч. 1¹ ст. 282² УК РФ);
- принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ);
- принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ч. 2 ст. 309 УК РФ);
- принуждение начальника к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ);
- наемничество – в части вербовки наемника (ст. 359 УК РФ);
- акт международного терроризма – в части склонения, вербовки, вовлечения в совершение акта международного терроризма (ч. 2 ст. 361 УК РФ).

Для обозначения родового понятия склоняющего воздействия в действующем УК РФ законодатель использует синонимичные термины «склонение» и «вовлечение», а для обозначения способов склоняющего воздействия – значительное количество терминов, в том числе, синонимичных (например, требование – указание; уговор – предложения; шантаж – угроза

распространения сведений). Данные проблемы носят исторический характер и были свойственны дореволюционным и советским кодифицированным актам уголовного права, что будет подтверждено материалами параграфа 3 настоящей главы исследования.

Несмотря на то, что строение правовых конструкций состава преступления рассмотрено в отечественной уголовно-правовой науке достаточно подробно (в работах М.И. Ковалева,¹ А.И. Марцева,² Ю.Е. Пудовочкина,³ Н.К. Семерневой⁴ и др.), классификационная система способов склоняющего воздействия, которая могла бы стать основой для конструирования запретов склоняющего воздействия, в теории уголовного права не разработана. Отечественный законодатель и уголовно-правовая доктрина не рассматривают склоняющее воздействие в качестве универсального (для Общей и Особенной частей уголовного закона) криминообразующего понятия. Кроме того, несмотря на то, что при конструировании составов преступлений отмечается необходимость соблюдения *стандартов правовой определенности*⁵, признаки данного (склоняющего) воздействия остаются в значительной мере неопределенными, поскольку признаки подстрекательства к совершению преступления и признаки отдельных составов преступления разрабатываются в науке уголовного права изолированно друг от друга. Такой подход в свою очередь приводит к распространению коллизий между запретом подстрекательства и запретами, содержащимися в Особенной части уголовного закона, к дальнейшему увеличению «рисков принятия неэффективных политико-правовых решений»⁶. В правовой науке

¹ Ковалев М.И. Понятие «преступление» в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 195.

² Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 109.

³ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 7.

⁴ Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2010. С. 14.

⁵ См.: Гузеева О.С. Системообразующие конституционные основы уголовного права России и механизмы их реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 12; Попова С.А., Грузинская Е.И. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5-1. С. 45.

⁶ Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. 2018. № 9. С. 19.

законодательные коллизии, возникающие внутри одного документа, носят наименование *контактных*¹ (*внутренних*²). Далее при изложении результатов исследования под коллизиями будут пониматься именно контактные (внутренние) коллизии. В частности, в УК РФ в коллизию с запретом подстрекательства вступают запреты, предусмотренные ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ (примечательно, что 7 из 8 указанных составов преступлений не проектировались при создании современного УК РФ, а введены законодателем уже в период его действия).

Указанное актуализирует потребность в разработке концепции запретов склоняющего воздействия для последующей гармонизации уголовного законодательства и выработки единообразного толкования соответствующих норм в правоприменительной практике³.

Для достижения этой цели необходимо, в первую очередь, определить базовое родовое понятие, которое объединило бы вышеуказанные запреты склоняющего воздействия. На роль такого понятия претендуют «склонение» и «вовлечение». Другие понятия, в частности – «принуждение», «понууждение», «требование», «указание», «обязывание», «вербовка» – отражают лишь отдельные способы склоняющего воздействия.

Далее следует отметить, что термины «склонение» и «вовлечение» являются синонимами, а их одновременное использование в уголовном законе – юридико-техническая ошибка, именуемая синонимией. Подробное обоснование этого вывода изложено в параграфе 2 главы 2 настоящего исследования. При выборе из двух терминов предпочтение следует отдать термину «склонение», поскольку с лексической точки зрения он представляется более удобным для применения,

¹ См.: Сырых Е.В. Техничко-юридические критерии качества закона // Проблемы юридической техники: сб. ст. / отв. ред. В. М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НЮИ МВД России, 2000. С. 177.

² См.: Ошибки в квалификации преступлений: монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: Изд-во РГУП, 2020. С. 316.

³ См.: Баранов В.М., Пшеничнов М.А. Гармонизация правовой системы России: концептуализация категории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2000. № 1. С. 5-6; Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: Норма, 2015. С. 104.

именно он используется законодателем (как современным, так и историческим) в Общей части уголовного закона.

Склонение в настоящем исследовании предлагается понимать как персонифицированное, ментальное, конкретизированное, инициативное, результативное побуждающее воздействие на физическое лицо в целях совершения им определенного деяния.

Признаки склонения.

Склонение обладает совокупностью объективных и субъективных признаков. К объективным признакам относятся: 1) персонифицированность воздействия; 2) ментальность воздействия; 3) конкретизированность воздействия; 4) инициативность воздействия; 5) результативность воздействия. К субъективным признакам следует отнести: 1) прямой умысел; 2) специальную цель – добиться совершения склоняемым деяния в соответствии с презентуемой моделью поведения.

Объективные признаки склонения.

1. Персонифицированность воздействия.

Склонение реализуется в отношении конкретно определенного лица или нескольких лиц, круг которых также должен быть индивидуально определен: «Склонение всегда адресно, оно призвано воздействовать на сознание конкретного человека... Склонение не может быть абстрактным, склонением вообще, склонением неопределенно широкого круга лиц»¹.

Именно характеристика персонифицированного воздействия позволяет отличить склонение от призывов. Термин «призывы» используется законодателем при описании признаков состава преступления для обозначения деяния – в ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, 280¹, 280³, 280⁴, 284², 354 УК РФ, а также для обозначения способа в ст. 110² УК РФ. Призывы также выступают формой психического воздействия на сознание и волю людей с целью побудить их к

¹ Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 80.

совершению определенных действий¹, однако это воздействие не имеет персональной направленности, осуществляется в отношении неопределенного круга лиц, что единогласно отмечается в юридической литературе².

2. Ментальность воздействия.

Склонение всегда предполагает воздействие на сознание и волю склоняемого лица. В связи с этим не является склонением провоцирование рефлекторных реакций, обездвигивание (связывание, запираение), приведение лица в неконтролируемое движение (толчок, сбрасывание с высоты) или в состояние, в котором оно перестает осознавать фактический характер своих действий или руководить ими (в том числе в состоянии глубокого гипноза), поскольку подобные меры не позволяют «склоняемому» принять решение относительно своего поведения.

3. Конкретизированность воздействия.

Склонением следует считать только информационно содержательное воздействие. Это означает, что склоняющий должен презентовать склоняемому необходимую модель поведения или совершить условное действие (бездействие), которое служит сигналом к поведению склоняемого. В последнем случае модель поведения определяется достигнутой ранее договоренностью, сложившейся практикой взаимодействия или общепринятыми представлениями о значении сигнала. Ввиду изложенного не является склонением формирование у лица отношения к кому-либо или чему-либо, приведение лица в эмоциональное состояние с расчетом на его реакцию, а равным образом иное воздействие, если склоняющий не раскрыл перед склоняемым объективную сторону предстоящего деяния.

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 874.

² См., напр.: Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 206; Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. С. 77, 80; Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 185; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 250; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 643.

Сложным видится вопрос о том, насколько конкретно склоняемому должно быть презентовано предстоящее деяние, поскольку выработать в достаточной мере определенное правило, без использования оценочных признаков, невозможно.

Некоторые ориентиры, однако, просматриваются при изучении судебной практики, а также доктринальных источников (на примере отдельных казусов).

Для оценки действий лица как подстрекательских судебная практика предъявляет достаточно высокие требования к содержательности склоняющего воздействия. Например, ввиду неопределенности высказывания не рассматривается как подстрекательство предложение «иди, дай ему», если под влиянием данного предложения лицо причинило тяжкий вред здоровью с использованием бытового предмета в качестве оружия¹. В другом примере Верховный Суд РФ не нашел возможности квалифицировать как подстрекательские действия лица, предложившего другому лицу побить потерпевшего, при том, что в последствии совершены не побои, а разбойное нападение на потерпевшего². В этой связи представляется верным следующее утверждение: «Преступление может быть обрисовано в общих чертах, без отдельных деталей, которые не могли быть предусмотрены подстрекателем, но в любом случае оно должно быть конкретным с точки зрения квалификации по определенной статье Особенной части УК РФ»³.

В учебной литературе при рассмотрении подстрекательства отсутствие признака содержательности иллюстрируется литературным примером воздействия Яго на Отелло в трагедии Шекспира «Отелло»⁴. Также справедливо

¹ Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 75.

² См.: Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9.

³ Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 205.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. Т. 1. С. 88.

отмечается, что не является подстрекательством «рассуждения о прелестях воровской жизни»¹.

Признак конкретизированности воздействия служит одним из критериев, позволяющих отличить склонение от доведения. Значительную практическую важность приобретает данный вопрос в связи с введением в действие ст. 110¹ УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» наряду с изначально действовавшей ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства»². Уголовная ответственность за доведение до самоубийства наступает и в том случае, если субъект, действуя установленными в законе способами, не высказывает и другим образом не обозначает самоубийство как возможную или необходимую модель поведения³.

4. Инициативность воздействия.

Указанный признак означает, что на момент начала воздействия у склоняемого лица отсутствует намерение совершить деяние, к которому его склоняют⁴. Мотивационные процессы трудно поддаются описанию с помощью бинарного подхода, поскольку намерение имеет множество степеней: от предположения до полной готовности. В контексте рассматриваемого понятия намерением следует считать принятое решение и готовность лица привести его в исполнение⁵. Эти формулировки не являются достаточно точным инструментом в руках правоприменителя, однако предложить более определенные критерии не

¹ Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 34.

² См.: Малетина М.А. Соотношение понятий «доведение» и «склонение» в составах о самоубийствах несовершеннолетних по российскому уголовному законодательству // Алтайский юридический вестник. 2018. № 1. С. 95-98.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. М., 2017. Т. 2. С. 54; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. Т. 1. С. 583; Пучнина М.Ю. Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ст. 110-110² УК РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 297.

⁴ См.: Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 16-17.

⁵ См.: Зацепин А.М. Дополнительная квалификация подстрекательства к преступлению // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2015. № 4. С. 25.

представляется возможным. Равным образом невозможно отказаться от данного признака, поскольку он отражает суть побудительной деятельности.

Рассмотренный признак отличает склонение от подкупа и привлечения. Термин «подкуп» используется законодателем при описании признаков состава преступления для обозначения основного деяния – в ч. 1 ст. 309 УК РФ, для обозначения вспомогательного деяния (отражается указанием на «соединенность» с основным деянием) – в п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142 УК РФ, для обозначения способа – в ст. 183, ч. 1 ст. 110¹ УК РФ. Термин «подкуп» также используется в наименовании ст. 200⁵, 200⁷, 204, 204¹, 204², 304 УК РФ (в некоторых статьях также в диспозициях и санкциях), однако описание признаков деяния осуществляется с помощью терминологической конструкции «передача ..., оказание ..., предоставление...», которая по сути раскрывает содержание рассматриваемого термина. Аналогичная конструкция усматривается в диспозициях ч. 1 ст. 184 и 290 УК РФ.

Отличие между склонением и подкупом состоит в том, что подкуп возможен как по инициативе подкупающего, так и по инициативе подкупаемого, а склонение – только по инициативе склоняющего.

Термин «привлечение» используется законодателем в значении воздействия одного субъекта на другой при описании признаков состава преступления, предусмотренного ст. 242² УК РФ: «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов». Для целей применения названной статьи привлечение определяется специалистами как использование хотя бы одного несовершеннолетнего в качестве исполнителя в процессе проведения зрелищного мероприятия порнографического характера¹; деятельность виновного в подборе необходимых кандидатур несовершеннолетних в качестве исполнителей, их соответствующей подготовке, обучении к участию в

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 764.

указанных зрелищных мероприятиях¹. Такое понимание, как и в случае с подкупом, не препятствует признанию преступными действий субъекта по привлечению несовершеннолетнего, если инициатива быть участником зрелищного мероприятия порнографического характера исходила от самого несовершеннолетнего.

Термин «привлечение» используется законодателем также в ст. 200³ УК РФ «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости» и ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела», однако применительно к этим составам преступлений имеет иное смысловое значение, не связанное с воздействием на поведение человека. Таким образом, при использовании в тексте уголовного закона термина «привлечение» наблюдается полисемия.

5. Результативность воздействия.

Указанный признак свидетельствует о моменте юридического окончания склонения, в качестве которого предлагается рассматривать начало реализации склоняемым презентованной ему модели поведения. Если проводить аналогию с признаками состава преступления, то вслед за некоторыми специалистами² склонение допустимо охарактеризовать как материальную конструкцию, включающую в себя деяние (деяние склоняющего), последствие (деяние склоняемого) и причинную связь между ними. Введение предлагаемого признака – непростое исследовательское решение, требующее утвердительных ответов на ряд вопросов: 1) допустимо ли рассматривать деяние, то есть поведенческий акт, в качестве последствий с точки зрения теории уголовного права? 2) не противоречит ли такой подход грамматическому значению слова «склонение»?

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 618.

² См.: Мирозян В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступлений в УК РФ и зарубежных стран // Общество и право. 2009. № 4. С. 142.

3) является ли выбранный момент юридического окончания оптимальным для целей уголовно-правового регламентирования?

Возможность рассматривать поведенческий акт в качестве последствий подтверждается юридической литературой и интерпретационными актами Верховного Суда РФ.

Так, З.А. Абакаров рассматривает действия подстрекаемого лица (а именно, начало действий) в качестве последствий действий подстрекателя, характеризует подстрекательство как материальную конструкцию с причинной связью между указанными объективными явлениями¹.

Некоторые авторы в контексте применения ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» констатируют необходимость наличия причинной связи между оконченным самоубийством (или покушением на него) и поведением виновного, которое детерминирует поступок потерпевшего².

При толковании положений ст. 150, 151 УК РФ А.В. Бриллиантов именуется последствием совершение несовершеннолетним преступления, покушения на преступление, приготовление к преступлению или совершение антиобщественного действия³, Е.П. Коровин оценивает как последствие возбуждение желания у несовершеннолетнего⁴, а Б.А. Мкртычан – возникновение умысла⁵.

В соответствии с п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего

¹ См.: Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7, 15.

² См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 164.

³ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 393.

⁴ См.: Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2008. С. 16.

⁵ См.: Мкртычан Б.А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. Челябинск, 2003. С. 16.

особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹ преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством). Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ либо ст. 151 УК РФ. Таким образом, совершение несовершеннолетним действий, предусмотренных диспозициями указанных статей, рассматривается в качестве последствий деяния субъекта преступления.

Следует признать, что приведенная позиция Пленума Верховного Суда РФ разделяется не всеми специалистами. В частности, Л.В. Иногамова-Хегай полагает, что в приведенном случае имеет место сложное деяние, состоящее из действия самого виновного и действия вовлекаемого (склоняемого)². Интересно суждение В.В. Палий, которая усматривает в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, сложное результирующее действие³.

Тем не менее, представляется верным рассматривать поведенческий акт в качестве последствий действий склоняющего лица, поскольку поведение склоняемого – самостоятельное, внешнее по отношению к действиям склоняющего явление, не находящееся под его непосредственным волевым контролем. По этой причине нельзя считать действия склоняемого составной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (с изм. и доп. от 28.10.2021, № 32) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11., 2021. № 12.

² См.: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: Норма, 2015. С. 105.

³ См.: Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 19.

частью деяния склоняющего. Нет никаких оснований относить их и ко времени, месту, способу, обстановке, орудию или средству совершения преступления, а равным образом считать каким-либо особым, непоименованным признаком объективной стороны состава преступления.

Момент юридического окончания склонения иногда определяется специалистами с учетом особенностей грамматической конструкции предписания¹. Если в ч. 4 ст. 33 УК РФ законодатель использовал термин «склонившее», что свидетельствует о завершенности содеянного, то в прочих запретах (ст. 110¹, 151², 184, 205¹, 212, 230, 230¹, 281¹, 282¹, 282², 361 УК РФ) термин «склонение» якобы предписывает правоприменителю считать действие юридически оконченным с момента начала побуждающего воздействия². Однако в данном случае грамматическому толкованию не следует придавать определяющее значение: «При анализе объективной стороны составов преступлений и определении момента их окончания иногда происходит переоценка информативного значения отглагольного словообразования имен существительных. Так, неверно полагать, что лексическое значение слов «изготовление», «склонение», «вовлечение» предполагает завершенность соответствующих действий, так как эти существительные происходят от глаголов совершенного вида – «изготовить», «склонить», «вовлечь». Не существует особых производных форм от аналогичных глаголов несовершенного вида «изготавливать», «склонять», «вовлекать» (нет слов «изготавливание», «вовлечение» и т.д.) ... Поэтому с лингвистической точки зрения невозможно однозначно установить, с каким моментом закон связывает окончание соответствующего деяния»³.

Слово «склонение» никак нельзя трансформировать без изменения части речи, чтобы однозначно подчеркнуть завершенность или незавершенность

¹ См.: Мирозян В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступлений в УК РФ и зарубежных стран // Общество и право. 2009. № 4. С. 143.

² См.: Ролик А.И. Уголовная ответственность за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ // Наркоконтроль. 2011. № 3. С. 4.

³ Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 136.

деяния. Следовательно, оно может означать как завершенное, так и не завершенное действие. Уместно провести аналогию с термином «вовлечение», который используется законодателем в диспозиции ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и с точки зрения грамматической конструкции идентичен термину «склонение». В соответствии с ранее упомянутым п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетнего» деяние вовлекающего окончено с момента совершения вовлекаемым приготовления к преступлению. До принятия указанного интерпретационного акта момент окончания преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, определялся иначе – с учетом постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»¹ – моментом совершения действий побудительного характера вне зависимости от их успешности. Изложенное также свидетельствует о том, что грамматический анализ сам по себе не является достаточно точным инструментом для определения момента юридического окончания деяния². Единственное требование, которое можно считать бесспорным: результат толкования нормативно-правового предписания не должен явно противоречить грамматическому и лексическому значению соответствующих выражений. Обременение понятия «склонение» признаком результативности, то есть перенос момента окончания на начало совершения деяния склоняемым лицом, этого требования не нарушает.

Таким образом, теоретическая возможность предлагаемого решения существует. Далее необходимо указать причины, по которым данное решение

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (*утратило силу*) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

² См.: Тихонова С.С. Оценка криминальной ситуации в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: влияние на результат делегированного толкования уголовного закона // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование; Академия генеральной прокуратуры РФ, Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры. М., 2009. С. 304.

представляется оптимальным с точки зрения интерпретационной техники в уголовном праве¹.

Первая причина – материальная конструкция уголовно-правовых запретов обеспечивает единообразную дифференциацию уголовной ответственности при экономии текста уголовного закона.

Известно, что *дифференциация уголовной ответственности* представляет собой установленную уголовным законом градацию уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного², а также может быть рассмотрена как деятельность, имеющая свой объект (уголовная ответственность), субъект (законодатель) и сущность³. Однако действующий уголовный закон, в том числе в части запретов склонения другого лица к деянию, не в полной мере отражает данную градацию. Например, склонение к потреблению наркотических средств наказывается в соответствии с санкциями ст. 230 УК РФ вне зависимости от того, употребил склоняемый наркотическое средство или не употребил. Некоторые специалисты полагают это несправедливым и предлагают считать данное преступление оконченным с момента потребления⁴. Кроме того, имеются предложения определять юридическое окончание преступления моментом попытки потребления⁵ или моментом дачи согласия на потребление¹, что, вероятно, также

¹ См.: Соловьев О.Г. К вопросу об интерпретационной технике в уголовном праве // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1(27). С. 45-48.

² См.: Гальперин И.М. Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 70-71; Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности): монография. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1993. С. 183-185

³ См.: Каплин М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 111.

⁴ См.: Кузнецов В.И. К вопросу об объективной стороне склонения к потреблению наркотиков // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. С. 56; Щукин А.М. О совершенствовании законодательства об ответственности за склонение к потреблению наркотических веществ, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1 (2). С. 19.

⁵ См.: Нуркаева Т.Н. Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ: проблемы квалификации и совершенствования законодательства // Вестник Башкирского университета социальных технологий. 2009. № 3. С. 70.

следует признавать специфическими последствиями, поскольку они выходят за рамки действий склоняющего и полностью неподконтрольны ему. Ряд авторов воздерживается от категоричных рекомендаций относительно момента юридического окончания склонения к потреблению наркотических средств, указывая, что для юридического окончания не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог². Данная рекомендация дублирует разъяснение, содержащееся в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»³.

Принятие материальной конструкции состава преступления представляется наиболее верным решением, поскольку при таком подходе безрезультатное побудительное воздействие рассматривается лишь как покушение на преступление, что снижает степень наказуемости. Аксиоматично утверждение о том, что степень уголовной репрессии должна находиться в прямой зависимости от степени реализации лицом своего преступного умысла. Это становится возможным благодаря институту неоконченного преступления и соответствующим нормам института назначения наказания. Дифференциация осуществляется единообразно, поскольку действует норма ст. 66 Общей части УК РФ. Вне зависимости от вида преступления срок или размер назначаемого наказания не может превышать $\frac{3}{4}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ. По существу, предложения ранее указанных авторов о более позднем моменте юридического окончания преступления, нежели совершение действий

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 3 т. / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 3. С. 126.

² См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 295; Уголовное право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серegiной, С.И. Улезько. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 95.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (с изм. и доп. от 16.05.2017, № 17) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8; 2017. № 7.

склоняющим лицом, заслуживает поддержки, но его следует распространить в целом на криминообразующее понятие «склонение», не ограничиваясь толкованием ст. 230 УК РФ.

Существует и другой способ дифференциации ответственности – введение квалифицирующих признаков. Так, на примере запрета, предусмотренного ст. 230 УК РФ, законодатель в силах решить обозначенную проблему, дополнив часть вторую или третью квалифицирующим признаком «повлекшее употребление склоняемым лицом наркотического средства, психотропного вещества или их аналога». Однако этот способ имеет недостаток: он требует в каждом случае дополнять уголовный закон новыми предписаниями, что в конечном счете повлечет значительное увеличение объема текста уголовного закона. Дифференциация ответственности, осуществляемая за счет конструирования материальных составов преступлений с расчетом на действие норм о смягчении наказания за неоконченное преступление, позволяет более «экономно» использовать нормативно-правовой ресурс.

Вторая причина – материальная конструкция уголовно-правовых запретов расширяет возможности для добровольного отказа от доведения преступления до конца. По смыслу ст. 31 УК РФ добровольный отказ возможен до момента юридического окончания преступления¹. Необходимо учитывать социально-правовое назначение института добровольного отказа от преступления, которое заключается в стимулировании прекращения действий по созданию условий для совершения преступления, а также действий (бездействия), непосредственно направленных на его совершение². Использование законодателем материального состава преступления обеспечивает оптимальный временной отрезок для принятия лицом решения о добровольном отказе, создавая тем самым дополнительную гарантию реализации данной нормы.

¹ См.: Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 570.

² См.: Звечаровский И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 46.

Следовательно, материальный состав преступления служит важным средством обеспечения качества уголовного закона¹. Выдвигаемое предложение о материальной конструкции уголовно-правовых запретов склоняющего воздействия также согласуется с общими условиями выбора «материального приема» при конструировании состава преступлений, определенными А.В. Иванчиным².

Кроме того, необходимо указать причины, по которым в качестве момента юридического окончания склонения выбран именно момент начала совершения склоняемым деяния, а не иной момент, связанный с деятельностью склоняемого: принятие решения совершить деяние, внешнее выражение согласия, приготовление к совершению деяния, окончание совершаемого деяния, наступление последствий деяния склоняемого.

Теоретически общественная опасность побудительного воздействия отражается уже в принятии склоняемым решения совершить определенное деяние под воздействием склоняющего. Однако данное обстоятельство, относящееся к психической деятельности лица, трудно доказуемо и практически «неуловимо» в отрыве от внешнего выражения согласия. В свою очередь, внешнее выражение согласия также не служит надежным критерием результативности склонения, поскольку согласие может быть декларативным, без реальной готовности склоняемого реализовать предложенную ему модель поведения.

Приготовление к деянию, фактическое завершение деяния и наступление последствий деяния склоняемого лица, которые также претендуют считаться моментом юридического окончания склонения, не включают в себе указанных выше проблем, однако они не являются надежными индикаторами общественной опасности. Например, при понуждении к действиям сексуального характера вред объекту уголовно-правовой охраны причиняется преимущественно в момент

¹ См.: Кокунов А.И. Материальный состав преступления как средство обеспечения качества уголовного закона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 105-108.

² См.: Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Проспект, 2020. С. 178-179.

начала действий сексуального характера – приготовление к действиям, продолжительность самих действий, факт их завершения и возможные последствия принципиального значения для оценки результативности действий склоняющего не имеют. В иных случаях, например, при склонении к самоубийству, завершенность имеет значение, но существенный перепад общественной опасности содеянного происходит ранее – в момент совершения склоняемым действий, непосредственно направленных на самоубийство. Именно эти действия принципиальным образом свидетельствуют об успешности склонения. Думается, по этой причине самоубийство и покушение на самоубийство, как правило, указываются совместно в диспозициях статей Особенной части уголовного закона (ст. 110, ч. 4, 5 ст. 110¹ УК РФ).

Таким образом, начало совершения деяния склоняемым лицом представляется оптимальным моментом юридического окончания склонения, поскольку оно объективировано (доказуемо) и в то же время подчеркивает момент возникновения общественной опасности, не «затягивая» фиксацию деяния как оконченного преступления. Соответственно, составы преступлений, предусматривающие склонение лица к деянию, надлежит признавать материальными. При этом под началом совершения деяния подразумевается непосредственная реализация склоняемым презентованной модели поведения, а не действия preparatory характера. Если проводить аналогию со стадиями совершения преступления, то моментом юридического окончания склонения следует считать начало исполнения (покушения), а не приготовления. Но эту терминологию допустимо использовать только с оговоркой, поскольку деяние склоняемого лица – в отличие от деяния склоняющего – не обязательно является преступлением. Деяние склоняемого лица может быть и административным проступком (например, применительно к ст. 230, 240 УК РФ), и социально негативным деянием, не влекущим ответственности (например, 110¹ УК РФ), и социально нейтральным (например, ст. 133 УК РФ) или даже социально полезным деянием (например, ст. 120, 179 УК РФ).

Поскольку начало совершения склоняемым деяния предлагается считать последствием действий склоняющего, необходимо оговорить наличие причинной связи, установление которой имеет в данном случае определенную специфику. Причинная связь между воздействием склоняющего и деянием склоняемого может быть констатирована только при соблюдении требования инициативности: если до воздействия у склоняемого не было соответствующего намерения, но после воздействия он приступил к реализации презентованной ему модели поведения, то воздействие склоняющего – причина действий склоняемого. Иные критерии причинности в отношениях склонения неприменимы, поскольку детерминация происходит на уровне психического взаимодействия между субъектами и не имеет явных объективных признаков. Этот вывод основан, в том числе, на результатах исследований А.П. Козлова¹.

Субъективные признаки склонения.

Склонение предполагает прямой умысел и специальную цель – добиться совершения склоняемым деяния в соответствии с презентуемой моделью поведения.

Наличие прямого умысла и специальной цели отличает склонение от доведения, допускающее по отношению к последствиям в виде самоубийства или покушения на самоубийство косвенный умысел, а по мнению некоторых специалистов – и неосторожность².

Вышеизложенным исчерпываются признаки склоняющего воздействия. Однако прежде чем перейти к рассмотрению способов склоняющего воздействия уместно остановиться на некоторых вопросах, касающихся уточнения предмета и пределов настоящего исследования.

¹ См.: Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 48-49, 138-139; Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 74-75.

² См.: Воронин Ю.А., Лалац В.В. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 7 (266). С. 47; Уколова Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства // Российский следователь. 2007. № 12. С. 21; Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 86.

Прежде всего следует вернуться к соотношению склоняющего воздействия и призывов. Как упоминалось ранее, призывы не обладают признаком персонифицированности воздействия и потому не являются склонением. Но при более тщательном анализе к призывам также трудно отнести и признаки инициативности и результативности. Если воздействие осуществляется в отношении неопределенного круга лиц, то практически невозможно установить, у каких из этих лиц на момент начала воздействия отсутствует намерение совершить деяние, к которому призывают, а у каких лиц подобное намерение уже сформировано вне зависимости от призывов. Это, в свою очередь, делает затруднительным установление причинной связи между призывами и деяниями лиц, воспринимавших призывы. Тем более вряд ли целесообразно юридическое окончание призывов ставить в зависимость от последующих действий лиц из неопределенного круга. В том числе в этом свете представляется обоснованной общепризнанная позиция, в соответствии с которой призывы окончены в момент их осуществления вне зависимости от дальнейшего поведения лиц, воспринимавших призывы¹. Таким образом, отсутствие первого из рассмотренных признаков (персонифицированность воздействия) фактически исключает возможность констатировать в деянии признаки инициативности и результативности. Призывы, несмотря на видимое сходство со склоняющим воздействием (и то, и то, несомненно, по своей природе является побуждением), в действительности довольно сильно отличаются от склонения по набору конкретных признаков. Поэтому попытки концептуально объединить призывы и склонение, выработать общие рекомендации по конструированию и толкованию

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (с изм. и доп. от 28.10.2021, № 32) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8; 2021. № 12; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (с изм. и доп. от 03.11.2016, № 41) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4; 2017. № 1; Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. 2013. № 1. С. 10; Евдокимов К.Н. Вопросы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (ст. 280 УК РФ) // Российский следователь. 2022. № 7. С. 32.

данных запретов не выглядят перспективными, и уголовно-правовые запреты призывов не входят в непосредственный предмет настоящего исследования.

Другой вопрос, который справедливо возникает на основе презентованных признаков склонения и перечня запретов склоняющего воздействия – насколько изложенное относится к иным деяниям, которые не попали в перечень, но очевидно могут быть опосредованы склоняющим воздействием? Таковыми, например, являются: воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ), воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ч. 1-3 ст. 205¹ УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ). Так, несомненно, подкуп или дачу взятки (если они происходят по инициативе подкупающего или взяткодателя), во многих случаях можно рассматривать как склонение к получению предмета подкупа или взятки. В соответствующих запретах просматривается «подкуп-склонение» и «подкуп – не склонение». Однако практическая целесообразность данного деления сомнительна. Разделять единый уголовно-правовой запрет на несколько самостоятельных запретов имеет смысл лишь тогда, когда есть четкое понимание необходимости в установлении различных уголовно-правовых последствий совершения деяний, предусмотренных вновь образовавшимися запретами. При этом такая необходимость должна быть в достаточной мере явной, насущной, чтобы превосходить издержки внедрения (трудозатраты законодателя и правоприменителя на перестройку соответственно правового регулирования и практики применения закона, а также неизбежные риски любого нового опыта). В случае с перечисленными и иными деяниями, которые могут опосредоваться склоняющим воздействием, но все же запрещены законодателем в ином качестве (не как склонение), подобной «уважительной» необходимости в перестройке положений уголовного закона не наблюдается. По этой причине указанные запреты также не входят в непосредственный предмет настоящего исследования.

Основные выводы по параграфу

Действующий отечественный кодифицированный уголовный закон содержит запреты склоняющего воздействия (склонения):

- запрет подстрекательства к совершению преступления, изложенный в Общей части УК РФ (ч. 4 ст. 33 УК РФ);

- 30 запретов, предусмотренных Особенной частью УК РФ, что находит отражение в ч. 1 ст. 110¹, ст. 120, ч. 1 ст. 127¹, ст. 133, ст. 147, ст. 149, ст. 150, ст. 151, ст. 151², ст. 163, ст. 179, ч. 1 ст. 184, ч. 1, 2 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ст. 221, ст. 226, ст. 229, ст. 230, ст. 230¹, ст. 240, ч. 2 ст. 242, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 333, ст. 359, ч. 2 ст. 361.

Для обозначения родового понятия склоняющего воздействия в уголовном законодательстве целесообразно использовать однокомпонентный термин «склонение». Склонение предлагается понимать как персонифицированное, ментальное, конкретизированное, инициативное, результативное побуждающее воздействие на физическое лицо в целях совершения им определенного деяния.

Склонение обладает совокупностью объективных и субъективных признаков. К объективным признакам относятся: 1) персонифицированность воздействия; 2) ментальность воздействия; 3) конкретизированность воздействия; 4) инициативность воздействия; 5) результативность воздействия. К субъективным признакам следует отнести: 1) прямой умысел; 2) специальную цель – добиться совершения склоняемым деяния в соответствии с презентуемой моделью поведения.

§ 2. Классификация способов склоняющего воздействия (склонения) по действующему российскому уголовному законодательству

Представление о возможных способах склонения можно получить на основе имеющихся в литературе сведениях о способах подстрекательства. Согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

В доктрине прослеживается несколько подходов к рассмотрению способов подстрекательства.

Первый подход – перечисление способов, указанных в законе, и способов, которые относятся к категории «другие», при этом перечень, остается открытым: «Все способы перечислить невозможно, поскольку они многообразны и применяются в зависимости от конкретной ситуации, свойств и особенностей конкретного лица, склоняемого к совершению преступления»¹. Данный подход является простой интерпретацией закона, наиболее распространен² и оправдан для целей юридического образования и правоприменения.

Второй подход – одноуровневая классификация. В литературе встречаются два классификационных критерия. Первый – характер воздействия, на основе которого различают принуждение и убеждение³, интеллектуальное и физическое воздействие⁴. Второй – форма воздействия: склонение осуществляется устно, письменно или путем совершения действий⁵. Как правило, авторы проводят классификации на индуктивных началах, то есть рассматривают перечень известных способов и объединяют их в классификационные группы по выбранному критерию. Однако некоторые специалисты приходят к аналогичным выводам дедуктивным путем: «Внутренний механизм связи подстрекателя и исполнителя заключается в том, что подстрекатель своими действиями всегда вызывает решимость у исполнителя на совершение преступления двумя

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. Т. 1. С. 87.

² См., напр.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 52; В.В. Сверчков. Уголовное право: учебник для СПО. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 147; Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 184.

³ См.: Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 32; Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2008. С. 17; Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегиной, С.И. Улезько. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 205.

⁴ См.: Курс уголовного права. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина. М., 2016. С. 307.

⁵ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 240.

основными способами: убеждение либо принуждение. Однако главное заключается не в продолжении этого перечня средств подстрекательства, а в том, что подстрекательство должно быть всегда там, где лицо возбудило в другом решимость совершить конкретное преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ»¹.

Третий подход – многоуровневая классификация. Указанный подход продемонстрировал А.П. Козлов². Прежде всего, ученый в качестве способов склонения различает принуждение и убеждение. Принуждение включает в себя физическое насилие (причинение вреда здоровью или телесной неприкосновенности, или имущественного вреда подстрекаемому или близким лицам), психическое насилие (угроза в любой форме, или применение реального показательного насилия к третьим лицам) и требование (воздействие, основанное на зависимости склоняемого от склоняющего, выраженное в форме приказа или поручения). Убеждение включает в себя совет (основан на интересе склоняемого), просьбу или предложение (основаны на интересе склоняющего) и обещание выгод (имущественных, служебных, вступление в половую связь или иных выгод).

В настоящем исследовании предлагается подход к классификации способов склонения, который в некоторой части основан на предложениях А.П. Козлова, поскольку именно такой подход в большей степени отвечает требованиям системности³. Графическое исполнение классификации представлено в приложении 1.

В качестве первого критерия классификации предлагается выбрать наличие непосредственного влияния на объем благ склоняемого лица. При этом под благом понимается любая полезность (предмет, явление, продукт труда) как

¹ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006. С. 158.

² См.: Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 132-136.

³ См.: Кокунов А.И. Классификация способов склонения к деянию // Представительная власть - XXI век. 2017. № 5-6. С. 28-33.

источник удовлетворения потребности человека¹. На основе указанного критерия различается мотивирование, то есть действие склоняющего, в результате которого изменяется объем благ склоняемого, и информирование, то есть предоставление информации о варианте поведения без непосредственного влияния на объем благ со стороны склоняющего. В частности, такие способы как предложение и совет относятся к информированию, при этом различие между ними состоит в преобладании интереса одного из лиц: предложение основано преимущественно на интересах склоняющего, а совет – на интересах склоняемого. Убеждение (уговор) является длящейся формой предложения или совета и предполагает соответствующее неоднократное воздействие на склоняемого². К информированию, вероятно, следует отнести и просьбу, хотя данное понятие представляется не слишком удачным для выражения способа склонения, поскольку оно может касаться различных отношений. Просьба – это зачастую постановка себя в зависимость, удовлетворение просьбы – одолжение, позволяющее рассчитывать на встречное предоставление выгоды. С другой стороны, отказ выполнить просьбу может ухудшить отношения и повлечь негативные последствия. Иногда просьба выступает вежливой формой приказа. Поэтому просьба в зависимости от обстоятельств дела может относиться и к мотивированию в его наименее интенсивных проявлениях. В нейтральном варианте (когда нет ни очевидной зависимости, ни обиды, ни скрытой угрозы) просьба равносильна предложению и является информированием.

Мотивирование подлежит классификации в зависимости от направленности (негативная или позитивная) на принуждение и поощрение. Принуждение всегда основано на причинении вреда, лишении склоняемого каких-либо благ, уже имеющихся или очевидно причитающихся ему исходя из сложившихся отношений (например, удержание обязательных выплат). Принуждение понятийно сближается с такой категорией, как «насилие» (при условии его

¹ Экономическая теория: учебник и практикум для академического бакалавриата / Г.А. Маховикова, Г.М. Гукасян, В.В. Амосова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 33.

² См.: Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2008. С. 84.

употребления в широком смысле)¹, однако применение насилия может и не преследовать цели побудить к чему бы то ни было. Поощрение, напротив, основано на предоставлении каких-либо благ, то есть вознаграждении в любой форме.

Информирование по аналогичному критерию может быть разделено на предостережение (негативное информирование) и завлечение (позитивное информирование). Предостережение – это информирование о том, что отказ совершить предлагаемое деяние повлечет причинение склоняемому какого-либо вреда (указанный вред должен исходить не от склоняющего лица). Примером предостережения может выступать совет легализовать денежные средства, приобретенные лицом в результате совершения преступления, в целях избежать уголовной ответственности за совершение этого преступления. Завлечение – это информирование о том, что совершение предлагаемого деяния будет выгодно склоняемому, но не в связи с вознаграждением, получаемым от склоняющего лица. Например, лицо предлагает своему знакомому совершить хищение и разделить между собой похищенное.

Принуждение, поощрение, предостережение и завлечение в зависимости от характера блага, с которым связано воздействие, может быть подразделено на физическое, имущественное или психическое.

Физическое принуждение – это принуждение, связанное с причинением вреда здоровью, причинением боли или иным нарушением физической неприкосновенности склоняемого лица или иного лица в целях воздействия на поведение склоняемого. Имущественное принуждение предполагает уничтожение или повреждение имущества, удержание причитающихся выплат. Психическое принуждение может выражаться в оскорблениях, издевательствах, распространении сведений, которые склоняемый стремится сохранить в тайне, уничтожении или повреждении предметов, представляющих неимущественную ценность.

¹ См.: Максуров А.А. Уголовная ответственность за психическое насилие в России и за рубежом. М: РУСАЙНС, 2023. 82 с.

Физическое поощрение – это поощрение, основанное на удовлетворении физиологических потребностей склоняемого или иного лица в целях воздействия на поведение склоняемого (например, оказание медицинской помощи, предоставление необходимых продуктов питания, вступление в половую связь). К имущественному поощрению относится предоставление какого-либо имущества, выполнение работ, оказание услуг. Психическое поощрение выражается в лести, восхвалении, предоставлении интересующей информации, передаче предметов, представляющих для лица немущественную ценность, в совершении действий, удовлетворяющих немущественные социальные потребности лица (например, принятие в коллектив, приглашение на мероприятие).

Психическое принуждение или поощрение констатируется также в том случае, если склоняющий в качестве способа воздействия выбирает меры организационного характера, например, угрожает увольнением склоняемого лица с работы, или, наоборот, обещает повышение по службе. Указанные меры косвенно отражаются на имущественном положении склоняемого лица, однако определяющим признаком все же представляется изменение социального статуса лица. Что же касается привлечения склоняемого лица к дисциплинарной ответственности или применения к нему мер поощрения по службе, то такое склонение в зависимости от содержания мер следует относить к психическому принуждению (например, выговор), имущественному поощрению (награждение подарком) или психическому поощрению (например, объявление благодарности). Ни Трудовой кодекс Российской Федерации¹ (далее – ТК РФ), ни специальные законы, регулирующие трудовые отношения, не предполагают такой меры дисциплинарной ответственности, как штраф или депремирование. Напротив, выплата премии является мерой поощрения (ст. 191 ТК РФ, ч. 1 ст. 41.6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»², п. 4 ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. от 19.12.2022, № 545-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3; 2022. № 52, ст. 9375.

² Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (с изм. и доп. от 29.12.2022, № 581-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2023. № 1 (ч. I), ст. 39.

Следственном комитете Российской Федерации»¹). В то же время, если исходя из сложившихся трудовых отношений премия выплачивается регулярно вне зависимости от достижения каких-либо результатов и фактически выступает дополнением к заработной плате, то депремирование работника необходимо считать имущественным принуждением.

Следует отметить, что в некоторых случаях достаточно трудно разграничить имущественное поощрение с физическим или психическим. Причина заключается в сопоставимости многих форм поощрения с услугами. Например, оказание медицинской помощи или вступление в половую связь может быть одновременно охарактеризовано как услуга, представляющая имущественную ценность. С другой стороны, услуги массажа, посещение сауны, экстремальные виды досуга также приносят пользу для здоровья и (или) физическое удовлетворение, и в этом качестве претендуют на отнесение к физическому поощрению. В подобных случаях для определения вида склонения стоит обращаться к контексту совершения тех или иных действий. Если содержание поощрения выступает частью некой систематической деятельности склоняющего лица, при прочих обстоятельствах имеет формально определенную экономическую ценность (например, стоимость проведения медицинской операции, стоимость услуг по организации досуга), и склоняемый воспринимает поощрение, прежде всего, как освобождение от необходимости оплачивать действия склоняющего, такое поощрение целесообразно относить к имущественному. В противном случае, при отсутствии хотя бы одного из трех обозначенных признаков, поощрение надлежит считать физическим или психическим – в зависимости от того, какие потребности преимущественно удовлетворяются: физиологические или социальные.

Заслуживает внимания вопрос о том, к какому виду поощрения следует относить предоставление склоняемому наркотических средств, если последний страдает зависимостью от их потребления. С одной стороны, потребление

¹ Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2022, № 621-ФЗ) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 15; 2023. № 1 (ч. I), ст. 68.

наркотических средств удовлетворяет физиологическую потребность лица, с другой стороны – причиняет вред его здоровью. При оценке подобных способов склонения, определяющим признаком, вероятно, выступает отношение к явлению самого склоняемого лица, а не абстрактное представление о пользе для человека. Если склоняемое лицо желает привести себя в состояние наркотического опьянения, значит, достижение этой цели представляется благом, удовлетворяющим его физиологическую потребность, а передача наркотических средств может считаться физическим поощрением. Однако, помимо сказанного, наркотическое средство как предмет незаконного оборота представляет имущественную ценность. Поэтому разрешать вопрос о принадлежности рассматриваемого способа к физическому или имущественному поощрению целесообразно на основе критериев, которые были сформулированы ранее применительно к услугам.

Физическое предостережение – это информирование склоняемого о том, что отказ совершить предлагаемое деяние повлечет причинение вреда его здоровью, причинение боли либо иное нарушение физической неприкосновенности склоняемого или другого лица, чьи интересы принимаются во внимание склоняемым. Имущественное предостережение – информирование о том, что отказ совершить деяние причинит вред имущественной сфере склоняемого или ранее указанного иного лица. Психическое предостережение – информирование о том, что отказ совершить деяние повлечет нанесение вреда чести, достоинству, деловой репутации, иным личным нематериальным ценностям склоняемого или другого лица, чьи интересы принимаются во внимание склоняемым (помимо здоровья и физической неприкосновенности).

Аналогичным образом определяется физическое, имущественное и психическое завлечение, но с учетом позитивной направленности последствий совершения деяния склоняемым лицом.

Далее, принуждение и поощрение (и, соответственно, каждый их обозначенный ранее вид – в зависимости от характера блага) подразделяется на реальное и условное.

Реальное принуждение – это причинение вреда (физического, имущественного, психического) в целях побудить склоняемого к совершению определенного деяния, а условное принуждение – это угроза причинения такого вреда в случае отказа от совершения деяния.

В частности, насилие как способ склонения представляет собой реальное физическое принуждение. Угроза применения насилия по смыслу рассматриваемой классификации признается условным физическим принуждением, а не психическим принуждением, как это следовало бы из классического понимания термина «психическое принуждение»¹. Причина заключается не в ошибочном толковании термина, а в том, что критерии разделения способов принуждения на виды сформулированы в изложенной классификации несколько иным образом. В рамках классического подхода одновременно учитываются два различных параметра – характер блага, с которым связано воздействие, и расположение воздействия во времени – в настоящем (реальное применение) или в будущем (угроза). Следовательно, в классическом понимании физическое принуждение представляет собой реальное нарушение физической неприкосновенности принуждаемого, а психическое по сути включает в себя все остальное принуждение. В предлагаемом подходе упомянутые два критерия разведены, что позволяет достичь большей точности, но приводит к расхождению с преобладающим в доктрине толкованием.

Шантаж – понимаемый как «угроза распространения позорящих, а равно иных сведений, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких, независимо от того, являются ли они

¹ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 100; Уголовное право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. О.С. Капинус. М., 2017. С. 327; Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. // О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России // Психология и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 170; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 63.

действительно таковыми для данного лица, соответствуют или нет истине»¹ – относится к условному психическому принуждению.

Такой способ как приказ (а равным образом, требование и поручение), является условным принуждением: «приказ можно считать способом склонения к совершению преступления, при этом он сам по себе как властное распоряжение является наиболее действенным способом такого воздействия»². Приказ предполагает возможность и намерение склоняющего возложить на склоняемого ответственность за неисполнение приказа. Характер ответственности может быть различным в зависимости от сложившихся отношений между субъектами: физическая расправа, лишение имущества, юридическая ответственность, распространение порочащих сведений, и т.п. – что находит отражение в ранее рассмотренном классификационном критерии (характер блага, на основе которого реализуется воздействие).

Реальное поощрение – это предварительное вознаграждение в каком-либо виде (физическое, имущественное, психическое), а условное поощрение – обещание вознаграждения в будущем, при условии совершения планируемого деяния.

К условному поощрению в числе прочего следует отнести одобрение ранее совершенного кем-либо деяния или одобрение некоего гипотетического образца поведения. М.И. Ковалев справедливо заметил, что существует две разновидности одобрения: одобрение существующего намерения и одобрение ранее совершенного деяния³. Одни специалисты полагают, что одобрение ни в одной своей разновидности не является способом склонения⁴. Другие утверждают, что одобрение существующего намерения не выступает склонением и допускают

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 1037.

² Соломоненко И.Г. Соучастие в исполнении незаконного приказа // Российская юстиция. 2000. № 5. С. 41.

³ См.: Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 144.

⁴ См.: Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 137.

возможность склонения путем одобрения ранее совершенного деяния¹. С последним утверждением следует согласиться. Не должны признаваться склонением никакие действия, если к моменту их совершения намерение лица уже сформировано (нет признака инициативности). Однако если одобрение получает не существующее намерение склоняемого, а уже совершенные кем-либо действия, намерения иного лица или образец поведения, то подобное одобрение может быть условным поощрением. Например, склоняющий в присутствии склоняемого целенаправленно выражает готовность относиться с уважением, симпатией к человеку, или вознаградить человека, если он совершит определенное деяние.

Необходимо отметить, что при определении способа склонения (физическое, имущественное, психическое) принимается во внимание характер самих действий склоняющего, а не лицо, чьи ценности (блага) затрагиваются. Например, насилие, примененное к близкому лицу (по отношению к склоняемому), является реальным физическим принуждением, несмотря на то, что самому склоняемому причиняется не физический вред, а вред его психическим ценностям (благополучие близкого человека). С психологической точки зрения такой подход, вероятно, ошибочен. Однако для целей уголовного права принципиально значимо обеспечить с помощью разрабатываемых понятий возможность группировать деяния по степени их общественной опасности – для последующего установления запрета и наказания. И поэтому с точки зрения уголовного права не столько важно в отношении кого осуществляется воздействие (именно склоняемого или близкого к нему лица – опасность действий склоняющего ориентировочно одинаковая), сколько характер этих действий (например, физическое принуждение практически наверняка опаснее, чем имущественное принуждение).

Разработанную классификацию можно представить в следующем виде.

I. Мотивирование:

¹ См.: Алехин В.П. Подстрекатель в террористической деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 138.

1) принуждение:

а) физическое принуждение:

- реальное физическое принуждение;
- условное физическое принуждение;

б) имущественное принуждение:

- реальное имущественное принуждение;
- условное имущественное принуждение;

в) психическое принуждение:

- реальное психическое принуждение;
- условное психическое принуждение;

2) поощрение:

а) физическое поощрение:

- реальное физическое поощрение;
- условное физическое поощрение;

б) имущественное поощрение:

- реальное имущественное поощрение;
- условное имущественное поощрение;

в) психическое поощрение:

- реальное психическое поощрение;
- условное психическое поощрение;

II. Информирование:

1) предостережение:

а) физическое предостережение;

б) имущественное предостережение;

в) психическое предостережение;

2) завлечение:

а) физическое завлечение;

б) имущественное завлечение;

в) психическое завлечение.

В классификации отсутствуют смешанные способы, что абсолютно верно с точки зрения правил построения классификаций. Однако при рассмотрении конкретной ситуации может создаваться видимость смешения способов, в связи с чем требуются дополнительные пояснения.

Прежде всего, надлежит учитывать возможность применения нескольких самостоятельных способов: одновременно или последовательно. Например, применение насилия (реальное физическое принуждение) и оскорбление склоняемого (реальное психическое принуждение); угроза уничтожением имущества (условное имущественное принуждение) и шантаж (условное психическое принуждение). Если каждый из способов может быть в полной мере реализован по отдельности, значит применяется несколько самостоятельных способов, и смешение отсутствует.

В другом случае, применяя насилие к склоняемому, склоняющий одновременно повреждает его имущество (например, пачкает и рвет его одежду), не желая наступления данных последствий, относясь к ним безразлично. Поскольку повреждение одежды служит побочным результатом действий, то оно не может быть включено в содержание способа воздействия и не подлежит оценке при определении вида склонения. Способом склонения выступает реальное физическое принуждение.

Ценность представленного подхода заключается в создании системы, которая, позволяет оперировать соотносимыми понятиями различного объема. Благодаря этому в законодательной практике появляется возможность более емко описывать признаки преступления, создавая соответствующие императивные охранительные юридические конструкции,¹ что продемонстрировано во второй главе настоящего исследования.

Следует обратиться к некоторым формам склонения, которые иногда относят к способам склонения, но в действительности они таковыми не являются:

¹ См.: Чевычелов В.В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 180 с.

обман, притворное старание удержать от совершения деяния, умолчание и бездействие.

Обман поименован законодателем в числе способов совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110¹ УК РФ. Кроме того, довольно часто обман рассматривается как способ подстрекательства¹. Ряд авторов при этом разграничивают обман как способ склонения и обман как предпосылка фактической ошибки склоняемого лица: «обман как способ склонения может иметь место только в том случае, если лицо вводится в заблуждение лишь относительно тех обстоятельств, которые не связаны непосредственно с признаками состава преступления (например, обман в сумме вознаграждения или касательно условий безопасности при совершении деяния)»², «обман как способ склонения к совершению преступления может касаться обстоятельств, которые не влияют на осознание исполнителем того, что он совершает именно преступление, например при совершении кражи сообщение о том, что похищаемое имущество не находится под охраной»³. Кроме того, обман имеет место, если угроза (условное принуждение) не приведена в исполнение, несмотря на отказ склоняемого, или условное поощрение не было в дальнейшем реализовано, несмотря на выполнение склоненным поставленных условий, или склоняемому была предоставлена ложная информация. Однако в любом из перечисленных случаев обман как таковой не выступает способом склонения: «обманом вне иных действительных способов подстрекательства нельзя склонить к конкретному преступлению»⁴. Обман может лишь сопутствовать принуждению, убеждению или информированию, а также в некоторых случаях влиять на уголовно-правовую оценку содеянного.

¹ См., напр.: Курс уголовного права. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина. М., 2016. С. 307; Сверчков В.В. Уголовное право: учебник для СПО. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 147; Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 342.

² Серебряков А.В. К вопросу об обмане как способе вовлечения в совершение преступлений террористического характера // Общество и право. 2010. № 5. С. 130.

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М., 2013. С. 133.

⁴ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 137.

Относительно притворного старания удержаться от совершения деяния А.А. Арутюнов утверждал следующее: «Мы констатируем практическую невозможность доказать (хотя это уже другая сторона медали), что притворное старание субъекта удержаться от совершения преступления выражало его волю и явилось в свою очередь руководством к действию для последнего»¹. Приведенное утверждение представляется верным, что не исключает теоретической возможности подобного склонения в том случае, если на момент воздействия намерение склоняемого еще не сформировано (упреждающее притворное старание удержаться). Однако само по себе притворное старание удержаться, как и обман, не является способом склонения, а лишь указывает на сокрытие истинного намерения склоняющего.

При рассмотрении вопроса об умолчании и бездействии некоторые специалисты ссылаются на утверждение Н.С. Таганцева: «При исключительной обстановке известное лицо, благодаря ряду предшествующих условий, из умолчания может вывести прямой приказ к действию; при такой обстановке молчание является волею выражающим актом»². Высказывается и противоположное мнение: «подстрекательство не может быть безмолвным. Молчание есть бездействие, а бездействуя, склонить к совершению преступления нельзя. Невозможно установить (и, самое главное, доказать!), что молчание выражает волю подстрекателя, а исполнитель воспринял молчание как руководство к действию, согласился с ним и совершил преступление»³; «склонение может выражаться только в виде действия»⁴. Следует согласиться с Н.С. Таганцевым и отметить, что им очень точно определен ряд необходимых условий, при которых умолчание считается склонением. Действительно, если сложившиеся отношения между субъектами подразумевают, что молчание, допущенное в определенный момент при определенных обстоятельствах, есть

¹ Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 210.

² Цит. по: Алехин В.П. Подстрекатель в террористической деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 138.

³ Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 209.

⁴ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 52.

руководство к действию, то такое молчание носит побудительный характер и не имеет существенных отличий от активных действий. Конечно, обстоятельства подобного деяния трудно доказуемы, на что указывал А.А. Арутюнов, но все же могут быть установлены показаниями самих соучастников и иных лиц, осведомленных о сложившихся отношениях между соучастниками. Тем не менее, умолчание и бездействие, а равным образом высказывание, письменное сообщение и т.п., не могут считаться способами склонения, поскольку это лишь форма передачи информации или – как указывает Н.Г. Иванов – приемы, с помощью которых осуществляется внешнее выражение склонения¹.

Основные выводы по параграфу

Способы склонения подлежат классификации. В качестве первого критерия классификации целесообразно выбрать наличие непосредственного влияния на объем благ склоняемого лица. На основе указанного критерия различается мотивирование, то есть действие склоняющего, в результате которого изменяется объем благ склоняемого, и информирование, то есть предоставление информации о варианте поведения без непосредственного влияния на объем благ склоняемого со стороны склоняющего.

Мотивирование подлежит классификации в зависимости от направленности (негативная или позитивная) на принуждение и поощрение. Принуждение основано на причинении вреда. Поощрение, напротив, основано на предоставлении каких-либо благ, то есть на вознаграждении в любой форме.

Информирование по аналогичному критерию разделяется на предостережение (негативное информирование) и завлечение (позитивное информирование). Предостережение – это информирование о том, что отказ совершить предлагаемое деяние повлечет причинение склоняемому вреда, но не со стороны склоняющего. Завлечение – это информирование о том, что совершение предлагаемого деяния выгодно склоняемому, но не в связи с вознаграждением, получаемым от склоняющего.

¹ См.: Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 32.

Принуждение, поощрение, предостережение и завлечение в зависимости от характера блага, с которым связано воздействие, может быть подразделено на физическое, имущественное или психическое.

Кроме того, принуждение и поощрение (и каждый их вид, обозначенный ранее в зависимости от характера блага) подразделяется на реальное и условное. Так, реальное принуждение – это причинение вреда в целях побудить склоняемого к совершению определенного деяния, а условное принуждение – это угроза причинения вреда в тех же целях. Соответственно, реальное поощрение – это предварительное вознаграждение, а условное поощрение – обещание вознаграждения в будущем, при условии совершения планируемого деяния.

Не являются способами склонения обман, притворное старание удержать от совершения деяния, умолчание и бездействие.

§ 3. Эволюция дореволюционного и советского российского кодифицированного уголовного законодательства в части запрета склоняющего воздействия

Как отмечает А.В. Малько, «все больше становится очевидным, что законодательство не может развиваться вне четкой и обоснованной концептуальной основы»,¹ включающей в т. ч. изучение исторических аспектов его развития.

Поскольку в рамках настоящего исследования представляет интерес построение логически цельной системы запретов склоняющего воздействия в кодифицированном уголовном законе, целесообразно обратиться к дореволюционным и советским *кодифицированным* законодательным актам.

Первым таким документом является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года² (далее – Уложение 1845 года).

¹ Малько А.В. Глава 4. Концепция правовой политики в современной России как доктринальный документ // Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности: монография / под общ. ред. Р.В. Пузикова, Я. Зелинского. Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2016. С. 116.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.; 16 см.

Согласно ст. 15 Уложения 1845 года *подговорщиками* или *подстрекателями* признавались лица, которые, «не участвуя сами в совершении преступления, употребляли просьбы, убеждения или подкуп и обещания выгод, или обольщения и обманы, или же принуждения и угрозы, дабы склонить к оному других». Таким образом, термины «подговорщик» и «подстрекатель» использовались как синонимы, обозначающие одно и то же понятие (также см. ст. 126, 265, 271, 287 Уложения 1845 года), близкое по содержанию к современному понятию *подстрекателя*. Так, и в Уложении 1845 года, и в УК РФ:

во-первых, оговаривается непринятие подстрекателем участия в совершении преступления, т. е. непринятие непосредственного участия в совершении преступления – в его исполнении;

во-вторых, для определения функции соучастника данного вида используется смыслообразующее слово «склонить»;

в-третьих, для уточнения способов выполнения соответствующей функции дается их перечень (исчерпывающий, включающий такие способы, как просьба, убеждение, подкуп, обещание выгод, обольщение, обман, принуждение, угрозы – в ст. 15 Уложения 1845 года; примерный (открытый), включающий уговор, подкуп и угрозы – в ч. 4 ст. 33 УК РФ).

В статьях разделов Уложения 1845 года, фактически выступающих его особенной частью, содержались следующие законодательные конструкции составов склоняющего воздействия, которые, опираясь на языковую основу законодательного текста,¹ уместно распределить на классификационные группы по двум критериям: 1) наличие указания на специальный субъект, 2) наличие ограничений по способам склоняющего воздействия.

Конструкции составов склоняющего воздействия без указания на специальный субъект и без ограничения способов склонения (группа 1, подгруппа 1):

¹ Власенко Н.А. Язык права: монография. Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1997. С. 16-17; Он же. Языковые и графические средства законодательной техники // Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. С. 147.

(1) «отвлечение через подговоры, обольщения или иными средствами кого-либо от христианской веры православного или другого исповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную не христианскую» (ст. 190);

(2) «сворачивание из православного в иное христианское исповедание» (ст. 195);

(3) склонение к преступлению против жизни, здоровья и чести государя императора (ст. 265);

(4) склонение к бунту (ст. 271);

(5) склонение к неповиновению власти без вооруженных и насильственных проявлений (ст. 287);

(6) склонение к переселению за границу (ст. 357);

(7) «тот, кто из корыстных или иных зловредных видов будет побуждать какое-либо лицо или целые общества к начатию или продолжению явно противозаконных исков» (ст. 1165);

(8) «подговор посредством лживых обещаний и уверений или иным каким-либо образом крепостных дворовых людей или крестьян к побегу от своих помещиков» (ст. 1173);

(9) «подговор жителей Российской империи посредством лживых обещаний и уверений или иным образом к недозволенному законом переходу по одиночке или семействами, частями селений или целыми селениями с одного места жительства на другое» (ст. 1174);

(10) «тот, кто на улице, площади или в ином публичном месте при собрании более или менее многолюдном будет каким бы то ни было образом возбуждать к ссорам, дракам или иного вида буйству и вообще к нарушению должного порядка и тишины» (ст. 1225);

(11) «тот, кто склонит другого к самоубийству» (ст. 1946);

(12) «возбуждение к поединку в случае, если от того действительно последовал поединок» (ст. 1973).

Конструкции составов склоняющего воздействия без указания на специальный субъект, но с ограничением способов склонения (группа 1, подгруппа 2):

(1) «тот, кто в проповеди или сочинении будет усиливаться привлекать или свращать православных в иное, хотя христианское вероисповедание, или же еретическую секту, или раскольнический толк» (ст. 197);

(2) «составление и распространение письменных и печатных объявлений, воззваний, сочинений и изображений, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению верховной власти» (ст. 273);

(3) «те, кто будет составлять или распространять письма или же какие-либо сочинения, или публично говорить речь или распускать ложные слухи с намерением возбудить к противодействию или сопротивлению властям» (ст. 296);

(4) «вымогательство, которое, в числе прочего, включает требование подарков, непредусмотренной законом платы, услуг, прибыли, иных выгод» (ст. 406);

(5) «вызов на поединок» (ст. 1970);

(6) «обольщение не состоящей в замужестве обещанием на ней жениться, если виновный не исполнит своего обещания» (ст. 2006);

(7) «угрозы с целью принудить угрожаемого к какому-либо противозаконному деянию» (ст. 2039);

(8) «тот, кто через насилие или угрозы такого рода и в таких обстоятельствах, что угрожаемый или угрожаемая могли и должны были считать себя в опасности, принудит кого-либо ко вступлению с собою в брак» (ст. 2041);

(9) «обман в целях склонения к противоположному желанию супружеству» (ст. 2042);

(10) «тот, кто принудит священника к совершению брака вопреки правилам или запрещениям церкви и правительства» (ст. 2065);

(11) «принуждение своих детей к браку или пострижению в монашество» (ст. 2078);

(12) «лицо, которое силою или угрозами заставит кого-либо написать, выдать, подписать какое-либо на себя обязательство или, напротив, истребить акт, служащий доказательством его права на собственность, или заставит согласиться на какую-либо невыгодную для него имущественную сделку или на отречение от своего права или иска, или же на иное невыгодное условие» (ст. 2198, 2199);

(13) «тот, кто из корыстных или иных личных видов через сообщение с умыслом кому-либо заведомо ложных известий о каких-либо мнимых происшествиях или обстоятельствах побудит другого к невыгодной имущественной сделке, либо вовлечет в невыгодные или по крайней мере весьма неудобные для него предприятия или обороты» (ст. 2200).

Конструкции составов склоняющего воздействия с указанием на специальный субъект, но без ограничения способов склонения (группа 2, подгруппа 1):

(1) «лиходатели, избалованные в склонении лиц, состоящих на государственной или общественной службе, похитить, скрыть, истребить или изменить документ, относящийся к служебным делам» (ст. 391, 392, 413);

(2) «начальник, который прикажет или угрозами, или обольщением или иным образом склонит или побудит подчиненного сделать в круге действий его по службе что-либо противное законам» (ст. 434);

(3) «следователь, который будет угрозами и другими противозаконными действиями принуждать обвиняемого к признанию, или свидетеля – к даче показаний» (ст. 462);

(4) «лица, которые будут побуждать несовершеннолетних или малолетних к непотребству и другим порокам, имея надзор за ними» (ст. 1285);

(5) «супруг, который, употребляя во зло свою власть или доверие другого супруга, побудит или принудит супруга к какому-либо противозаконному делу или действию» (ст. 2076).

Конструкции составов склоняющего воздействия с указанием на специальный субъект и с ограничением способов склонения (группа 2, подгруппа 2):

(1) «родители, опекуны или иные лица, облеченные какой-либо властью, которые через явное, соединенное с жестокостью злоупотребление властью, побудят подчиненного или вверенного в попечение лица к самоубийству» (ст. 1947);

(2) «является преступлением деяние, если несовершеннолетняя, хотя и достигшая четырнадцати лет от роду, девица обольщена своим опекуном, учителем или иным лицом, имеющим по званию своему или особым обстоятельствам надзор за нею, большую или меньшую степень власти над нею» (ст. 2007);

(3) «родители через употребление во зло своей властью или посредством преступных внушений вовлекшие умышленно несовершеннолетних детей своих в какое-либо преступление, хотя бы они сами в том преступлении непосредственного участия не принимали» (ст. 2079);

(4) «опекун, избалованный в принуждении опекаемого ко вступлению в брак или в монашество» (ст. 2092);

(5) «опекун, который через употребление во зло своей власти или посредством преступных внушений и обольщений, вовлечет в преступление подопечного» (ст. 2093).

Таким образом, запреты склоняющего воздействия в Особенной части Уложения 1845 года были весьма многочисленны и относились к различным сферам уголовно-правовой охраны, при этом отсутствовало единство терминологии, используемой для обозначения родового понятия склоняющего воздействия, а также для обозначения способов такого воздействия. Склоняющее воздействие обозначалось терминами «склонение», «вовлечение», «привлечение», «возбуждение», «подговор», «требование», «приказ», «принуждение», «вызов», «обольщение», «отвлечение», «сворачивание» и т. д., и отметить превалирующий термин представляется затруднительным.

В Уложении 1845 года законодателем не был обеспечен и унифицированный подход к определению момента юридического окончания

преступлений – разновидностей склоняющего воздействия. Так, в Уложении 1845 года содержатся:

1) запреты склоняющего воздействия с моментом юридического окончания на стадии совершения склоняющих действий (например, «наказывается тот, кто будет привлекать или совращать православных в иное вероисповедание» – ст. 197);

2) запреты результативного воздействия (например, «возбуждение к поединку в случае, если от того действительно последовал поединок» – ст. 1973);

3) запреты, сконструированные таким образом, который допускает вариативное понимание момента юридического окончания соответствующих деяний (например, «принуждение своих детей к браку или пострижению в монашество» – ст. 2078).

Поскольку наряду с запретом подстрекательства к совершению преступления, установленным в ст. 15 раздела I «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» Уложения 1845 года, в ст. 2093 содержался запрет вовлечения опекуном подопечного в совершение преступления, можно утверждать о существовавшей коллизии соответствующих запретов.

Несмотря на то, что в настоящее время Конституционный суд РФ предписывает учет в практике уголовного законодательства принципа *формальной определенности закона*, который предполагает «точность и ясность законодательных предписаний» и «выступает... в законодательской... деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания»,¹ проблема отсутствия унифицированного подхода к определению момента юридического окончания преступлений – разновидностей склоняющего воздействия продолжает оставаться актуальной, как и проблема существования коллизий между запретом подстрекательства в общей части кодифицированного уголовного закона и

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СЗ РФ. 2008. № 24, ст. 2892.

отдельными запретами склоняющего воздействия, установленными в его особенной части (см. параграф 3 главы 2 настоящей работы).

Указанные проблемы не нашли своего разрешения и в новой редакции Уложения 1845 (редакция 1885 года)¹, при подготовке которой юридико-технический подход к изложению запретов склоняющего воздействия в целом не претерпел существенных изменений.

Вторым отечественным источником уголовного права, подлежащим изучению в рамках настоящего исследования, является Уголовное Уложение 1903 года² (далее – Уложение 1903 года), признаваемое представителями уголовно-правовой науки высшим дореволюционным достижением законотворчества в области уголовного права³.

Согласно ст. 51 Уложения 1903 года в преступном деянии, «учиненным несколькими лицами, согласившимися на его совершение или действовавшими заведомо сообща», соучастниками признавались в числе прочих «те, которые подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии». Таким образом, несмотря на признаваемый уже в тот период развития отечественной отраслевой юридико-технической науки «принцип определенности изложения уголовно-правового материала»,⁴ законодатель отказался от определения *подговорщика* и *подстрекателя*, представленного в ст.15 Уложения 1845 года, в частности, от использования термина «склонить» и от указания способов подстрекательского воздействия. В какой-то мере подобное решение стало возможным благодаря развитию уголовно-правовой доктрины, обеспечивающей интерпретационную поддержку более лаконичным законодательным формулировкам. Например,

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов. 1916. 521 с.

² Уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. изд. СПб., 1903. - [2], XIII, 204, III с.; 22.

³ См.: Баумштейн А.Б. Кодификация концептуальных начал уголовного права в Уголовном уложении 1903 года // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: матер. VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 20.

⁴ Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. юстиции в Государственном совете и журналов - особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного совета. СПб.: Гос. тип., 1904. С. 1-2.

С.В. Познышев разъяснял, что «подстрекателем является тот, кто сознательно воспитывал, т. е. возбуждал, поддерживал или укреплял в другом решимость действовать преступным образом; подстрекатель может действовать как с прямым умыслом, так и с эвентуальным (косвенным) – с осознанием значительной вероятности, что своим воздействием он вызовет со стороны объекта воздействия определенное поведение»¹ (последнее утверждение не находит поддержки в современной доктрине). В научной дореволюционной литературе уже рассматривались проблемы допустимости уголовной ответственности провокатора, действующего в интересах государственной власти, соотношение понятий подстрекателя и провокатора². Краткие комментарии относительно соучастия в преступлении, в том числе, о сущности и значении подстрекательства давались даже в энциклопедиях³. Кроме того, получает развитие теория свободы воли лица, необходимая для понимания сущности побуждающего воздействия⁴.

В статьях разделов Уложения 1903 года, фактически выступающих его Особенной частью, содержались следующие законодательные конструкции составов склоняющего воздействия, которые, опираясь на языковую основу законодательного текста,⁵ уместно распределить на классификационные группы по двум критериям: 1) наличие указания на специальный субъект, 2) наличие ограничений по способам склоняющего воздействия.

Запреты склоняющего воздействия в разделах Уложения 1903 года, выполнявших функции особенной части, содержались многочисленные законодательные конструкции составов склоняющего воздействия, которые, можно классифицировать таким же образом, как в случае с Уложением 1845 года,

¹ Познышев С.В. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 386-395.

² См.: Набоков В.Д. Уголовная ответственность агента-провокатора // Еженедельная юридическая газета «Право». 1909. № 7. С. 426-435.

³ См.: Практическая энциклопедия: юридические сведения / под ред. М.Ф. Ходасевича, М.Н. Гернета. М.: Книгоиздательство «Польза», 1906. С. 245-247.

⁴ См.: Сквозников А.Н. О свободе воли и способности к вменению в российской юридической науке в XIX – начале XX веков // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 1. С. 87-92.

⁵ Власенко Н.А. Язык права: Монография. Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1997. С. 16-17; Он же. Языковые и графические средства законодательной техники // Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. С. 147.

то есть используя два критерия: 1) наличие указания на специальный субъект, 2) наличие ограничений по способам склоняющего воздействия.

Конструкции составов склоняющего воздействия без указания на специальный субъект и без ограничения способов склонения (группа 1, подгруппа 1):

(1) «совращение путем, в числе прочего, принуждения христианина в веру нехристианскую» (ст. 82), «православного в иное христианское вероисповедание» (ст. 83), «православного в существующее или вновь проповедываемое расколоучение или секту» (ст. 84), «инородца русского подданного нехристианского вероисповедания в другую нехристианскую веру» (ст. 86), «из одного вероисповедания в другое», если это деяние не подпадает под ранее указанные статьи (ст. 87);

(2) «возбуждение в различных формах к беспорядкам и противодействию власти и существующему строю» (ст. 129-131);

(3) «подстрекательство к неявке на военную службу в установленный срок» (ст. 190);

(4) «подстрекательство к побегу со службы» (ст. 191);

(5) «подстрекательство к отступлению от условий поединка во вред противнику» (ст. 486);

(6) «подстрекательство к вызову или принятию вызова на поединок, или к возобновлению поединка, если поединок последовал» (ст. 487).

Конструкции составов склоняющего воздействия без указания на специальный субъект, но с ограничением способов склонения (группа 1, подгруппа 2):

(1) «принуждение посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы к совершению богослужения или обряда, воспрещенных или недозволенных правилами вероисповедания, к которому принадлежит принуждаемый, или к участию в таком богослужении или обряде» (ст. 80);

(2) «произнесение, чтение публично проповеди, речи или сочинения, распространение или публичное выставление сочинения или изображения,

возбуждающее к переходу православных в иное вероисповедование, расколоучение или секту с целью совращения православных» (ст. 90);

(3) «наказывается подговоривший устроить публичное скопище с целью выразить неуважение верховной власти, порицание образу правления или порядку наследия престола, либо заявить сочувствие бунту, измене или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя» (ст. 121);

(4) «наказывается подговоривший устроить скопище, которое оказало насильственное противодействие государственным вооруженным подразделениям, захватило, разграбило или разрушило объекты, представляющие для общества или государства особую значимость, освободило содержащихся под стражей с применением насилия или повреждением мест заключения либо использовало взрывчатое вещество, снаряды» (ст. 123);

(5) «принуждение служащего к неисполнению им его обязанностей или злоупотреблению его полномочиями посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы» (ст. 145);

(6) «покушение принудить служащего к учинению преступления или тяжкого преступления неисполнением его обязанностей или злоупотреблением служебными полномочиями посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы» (ст. 146);

(7) «принуждение лица, от исполнения служебных обязанностей которого зависит безопасность железнодорожного движения, судоходства и мореплавания, к неисполнению его обязанностей посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы» (ст. 148);

(8) «покушение склонить посредством взятки служащего к учинению преступления в связи с неисполнением им обязанностей или злоупотреблением служебными полномочиями» (ст. 149);

(9) «покушение склонить посредством взятки члена сословного или общественного собрания к подаче голоса в свою пользу или пользу другого лица, либо против другого лица» (ст. 150);

(10) «подговор российских подданных к неразрешенному переселению в пределах России или за границу» (ст. 265);

(11) «наказывается виновный, который принудил посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы либо злоупотреблением родительской, опекунской или иной властью к выполнению или допущению чего-либо, нарушающего права и обязанности принуждаемого, или к отказу от осуществления прав или от исполнения обязанностей» (ст. 507);

(12) «покушение принудить путем насилия над личностью или наказуемой угрозой, злоупотреблением родительской, опекунской или иной властью учинить преступление или тяжкое преступление» (ст. 508);

(13) «принуждение рабочих путем насилия над личностью или наказуемой угрозой к учинению стачки (прекращение работы на предприятии, деятельность которого представляет общественную значимость), к присоединению к такой стачке или к продолжению такой стачки» (ст. 509);

(14) «наказывается виновный в том, что склонил лицо женского пола промышлять непотребством посредством насилия над личностью, угрозой убийством, весьма тяжким или тяжким телесным повреждением потерпевшей или члену ее семьи, либо посредством обмана или злоупотребления властью, пользуясь беспомощным положением или зависимостью такого лица от виновного» (ст. 526);

(15) «принуждение с целью доставить себе или другому имущественную выгоду к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку посредством телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы» (ст. 590);

(16) «побуждение лица, заведомо неспособного сознавать свойства и значения учиненной сделки или распоряжения или руководить своими поступками, или недостигшего гражданского совершеннолетия ко вступлению в невыгодную для него сделку по имуществу или к иному невыгодному для него распоряжению имуществом, воспользовавшись его неведением или неопытностью» (ст. 611, п. 1);

(17) «побуждение к вступлению в невыгодную сделку или к иному невыгодному по имуществу распоряжению посредством лживых обещаний или иных уловок, воспользовавшись для этого отсутствием у потерпевшего ясного понимания свойств и значения такой сделки или распоряжения» (ст. 611, п. 2);

(18) «побуждение слепого подписать документ, заведомо не соответствующий воле подписавшего, под видом ей соответствующего во вред его имуществу или имущественным интересам подписавшего или другого лица» (ст. 612);

Конструкции составов склоняющего воздействия с указанием на специальный субъект, но без ограничения способов склонения (группа 2, подгруппа 1):

(1) «наказывается участник публичного скопища, подстрекавший к ослушанию полицейской власти в ответ на требование разойтись» (ст. 120);

Конструкции составов склоняющего воздействия с указанием на специальный субъект и с ограничением способов склонения (группа 2, подгруппа 2):

(1) «принуждение лица, не достигшего двадцатиоднолетнего возраста, злоупотребляя родительской или опекунской властью, ко вступлению в брак, если брак последовал» (ст. 420);

(2) «принуждение опекаемого или подопечного, не достигшего двадцати одного года, ко вступлению в брак, если брак последовал» (ст. 422);

(3) «вынуждение служащим посредством притеснения или угрозы притеснением или иного злоупотребления служебным полномочием исполнения для себя или другого безвозмездно или за несоразмерно низкое вознаграждение заведомо необязательной работы или заведомо неследующей натуральной повинности» (ст. 665);

(4) «домогательство посредством злоупотребления служебными полномочиями или несовместимыми с правосудием мерами сознания обвиняемого или показаний свидетеля или сведущего лица при производстве дел

гражданских или дел об уголовной или дисциплинарной ответственности» (ст. 676).

Представители отечественной правовой науки указывают, что для эффективного разрешения современных проблем законотворческой техники необходимо систематическое накопление и изучение юридико-технических недостатков законодательства¹. Рассмотрение вышеприведенных нормативных предписаний Уложения 1903 года позволяет сделать выводы об отсутствии в них *понятийно-терминологической определенности*² в части формулировки запретов склоняющего воздействия, каковое отсутствовало и в Уложении 1845 года. Так, склоняющее воздействие обозначается в Уложении 1903 года «побуждением», «склонением», «возбуждением», «домогательством», «совращением»; в качестве способов склоняющего воздействия фигурируют: «принуждение», «насилие», «угрозы», в т. ч. «угроза убийством», «угроза весьма тяжким или тяжким телесным повреждением», угроза «притеснением», «подговор», «вынуждение», «обман», «притеснение».

В качестве недостатка кодификационной техники, нашедшей отражение в Уложении 1903 года, можно выделить и отсутствие унифицированного подхода к определению момента юридического окончания преступлений – разновидностей склоняющего воздействия. Так, в Уложении 1903 года содержатся: 1) запреты склоняющего воздействия с моментом юридического окончания на стадии совершения склоняющих действий (например, «покушение склонить посредством взятки служащего к учинению преступления» – ст. 149); 2) запреты результативного воздействия (например, «наказывается виновный в том, что склонил лицо женского пола промышлять непотребством» – ст. 526); 3) запреты, сконструированные таким образом, который допускает вариативное понимание момента юридического окончания соответствующих деяний (например,

¹ См.: Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. С.10; Ушаков А.А. О методике юридической техники: к вопросу о принципах и приемах изучения // Ученые записки Пермского университета. 1963. №104. С.108.

² См.: Законотворчество в Российской Федерации: науч.-практ. и учеб. пособие / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000. С. 60.

«принуждение с целью доставить себе или другому имущественную выгоду к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку» – ст. 590).

Как и нормативные предписания Уложения 1845 года, нормативные предписания Уложения 1903 года, содержащие запреты подстрекательства и отдельные запреты склоняющего воздействия, характеризовались коллизией. Так, Уложением 1903 года запрещалось отступление от условий поединка во вред противнику (абз. 1 ст. 486), подстрекательство к такому отступлению (абз. 3 ст. 486) и одновременно с этим действовал общий запрет подстрекательства к совершению преступлений (ст. 51 главы 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще»).

Первый советский Уголовный кодекс РСФСР 1922 года¹ в ст. 16 Общей части определял подстрекателей, как «лиц, склонивших к совершению преступления», не включая в определение указания на способы склоняющего воздействия, как и Уложение 1903 года. Запреты склоняющего воздействия находили отражение и в Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, однако по сравнению с запретами, содержащимися в уголовных уложениях Российской империи, были весьма немногочисленны:

- принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны, производящей следствие или дознание (ст. 112);

- принуждение при взимании сборов в пользу церковных и религиозных организаций (ст. 122);

- подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали (ст. 148);

¹ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

- понуждение женщины ко вступлению в половую связь лицом, в отношении коего женщина является материально или по службе зависимой (ст. 169а);

- принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия (ст. 170);

- вымогательство, т. е. требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество, или же совершение каких-либо действий под страхом учинения насилия над личностью или истребления его имущества (ст. 194);

- подстрекательство к уклонению военнослужащего от несения военной службы или от участия в боевых действиях путем причинения себе какого-либо повреждения или путем иного обмана (ст. 206).

Формулировка приведенных положений Уголовного кодекса РСФСР 1922 года позволяет сделать вывод о том, что лишь единожды законодатель запрещал результативное склоняющее воздействие – подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали (ст. 148). Законодательная формулировка остальных запретов препятствует получению четкого и однозначного представления о моменте юридического окончания соответствующих деяний, допуская вариативное толкование.

Кроме того, в нормативном материале Уголовного кодекса РСФСР 1922 года обнаруживается следующая коллизия между запретом подстрекательства и запретом, изложенным в Особенной части уголовного закона: статьей 206 УК РСФСР 1922 года запрещается уклонение военнослужащего от несения военной службы или от участия в боевых действиях *и подстрекательство к данному деянию* (что и так является запрещенным в силу положений Общей части).

Совокупность указанных недостатков сохраняется, как было отмечено выше, и в действующем кодифицированном уголовном законе.

В соответствии со ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года¹ подстрекателями считались лица, склонившие к совершению преступления. Таким образом, в данной статье была воспроизведена легальная дефиниция подстрекателя, содержащаяся в ст. 16 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. В Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1926 года запреты склоняющего воздействия были сформулированы следующим образом:

- принуждение представителя власти к выполнению явно незаконных действий, сопряженное с насилием над личностью представителя власти (ст. 73);
- принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего допрос лица (ст. 115);
- подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали (ст. 141);
- понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой (ст. 154);
- принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции (ст. 155);
- понуждение детей к занятию нищенством (ст. 158);
- вымогательство, т. е. требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного свойства под страхом насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества (ст. 174);
- подстрекательство военнослужащего к уклонению от военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения или симуляции такового

¹ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

(глухоты, немоты, слепоты, душевной болезни и т.п.) или путем подлога документов (ст. 193⁹);

- принуждение лица, находящегося при исполнении обязанностей по военной службе, к нарушению этих обязанностей (ст. 193⁴).

Обзор приведенных положений позволяет утверждать, что, несмотря на происходившие в государстве политические, экономические и другие процессы, законотворческая практика конструирования запретов склоняющего воздействия в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года была аналогична законотворческой практике, выразившейся в решениях, отраженных в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Как и в прежнем кодифицированном уголовном законе советского периода подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками, считался оконченным, если самоубийство или покушение на него последовали (ст. 141). Конструкция остальных запретов склоняющего воздействия допускала вариативное понимание момента юридического окончания соответствующих деяний. УК РСФСР 1926 года также содержал единственную коллизию между запретом подстрекательства, изложенным в Общей части закона, и запретом подстрекательства военнослужащего к уклонению от военной службы (ст. 193⁹).

Последний советский кодифицированный уголовный закон – Уголовный кодекс РСФСР 1960 года¹ вновь определял подстрекателя как лицо, склонившее к совершению преступления (ст. 17 Общей части). В Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года содержались следующие запреты склоняющего воздействия:

- понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой (ст. 118);

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

- понуждение к совершению подлога или подделки избирательных документов (документов референдума), соединенное с подкупом, обманом, применением насилия либо угрозой его применения, а также уничтожением имущества или угрозой уничтожения имущества, а равно совершенное путем злоупотребления должностным лицом своим служебным положением (ст. 133);

- принуждение к участию в митинге, демонстрации, шествии, пикетировании либо в ином публичном мероприятии, проводимых в соответствии с законом, совершенное после наложения административного взыскания за такие же нарушения (ст. 133²);

- принуждение журналистов к распространению либо отказу от распространения информации с целью ограничения свободы печати или других средств массовой информации (ст. 140¹);

- принуждение к соавторству (141);

- требование передачи чужого имущества или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой оглашения позорящих сведений о лице или его близких, в собственности, ведении или под охраной которых находится это имущество, либо под угрозой насилия над этим лицом или его близкими, или под угрозой повреждения или уничтожения имущества этого лица или его близких (ст. 148);

- принуждение к даче показаний путем применения угроз или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие (ст. 179);

- понуждение свидетеля, потерпевшего или эксперта к даче в суде либо при производстве предварительного следствия или дознания ложных показаний или ложного заключения, совершенное путем угрозы убийством, насилием, истреблением имущества этих лиц или их близких, а равно подкуп свидетеля, потерпевшего или эксперта с целью дачи ими ложных показаний или ложного заключения (ст. 183);

- принуждение представителя власти или представителя общественности, выполняющего обязанности по охране общественного порядка, к выполнению

явно незаконных действий, совершенные с насилием или с угрозой применения насилия, кроме случаев, указанных в статье 191¹ данного кодекса (ст. 191).

- принуждение работника милиции или народного дружинника, а также военнослужащего путем насилия или угрозы применения насилия к выполнению явно незаконных действий (191¹).

- принуждение военнослужащего, сотрудника органа внутренних дел, а равно должностного лица, осуществляющего таможенный, иммиграционный, санитарно-карантинный, ветеринарный, фитосанитарный, автогрузовой и иные виды контроля, или иного лица при исполнении ими обязанностей по охране государственной границы Российской Федерации к выполнению явно незаконных действий путем насилия или угрозы применения насилия (191⁴);

- вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического существования (210);

- вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, не являющихся наркотическими, влекущих одурманивание (210²);

- склонение к потреблению наркотических средств (ст. 224²);

- вовлечение несовершеннолетних в группу, деятельность которой, проводимая под предлогом проповедования религиозных вероучений, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или половой распущенностью (ст. 227, отменена законом от 18.10.1991);

- принуждение женщины к вступлению в брак или продолжению брачного сожителства, а равно похищение ее для вступления в брак (ст. 233);

- принуждение начальника к нарушению обязанностей военной службы (ст. 240).

Таким образом, в отличие от прежнего советского уголовного законодательства в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года был значительно увеличен объем запретов склоняющего воздействия. Среди способов

склоняющего воздействия значились: «принуждение», «угроза применения насилия», «применение насилия», «понуждение», «угроза уничтожением имущества», «требование», «уничтожение имущества», «истребление имущества», «угрозы», «угроза убийством», «угроза повреждением имущества», «угроза оглашения позорящих сведений», «подкуп», «обман». При этом все запреты склоняющего воздействия были сконструированы таким образом, что допускали вариативное понимание момента юридического окончания соответствующих деяний. Кроме того, в УК РСФСР 1960 года вновь усматривалась одна коллизия – между запретом подстрекательства, изложенным в Общей части закона, и запретом вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 210). Это свидетельствует об отсутствии высокого уровня концептуальной проработанности вводимых в последний советский кодифицированный уголовный закон запретов склоняющего воздействия.

Проблемы уголовно-правового регламентирования склоняющего воздействия, прослеживающиеся в рассмотренных исторических источниках, характерны и для современного уголовного законодательства. Среди них необходимо отметить:

1) отсутствие единства терминологии, используемой для обозначения родового понятия склоняющего воздействия, а также для обозначения способов такого воздействия;

2) отсутствие унифицированного подхода к определению момента юридического окончания склоняющего воздействия;

3) наличие коллизий между запретами склоняющего воздействия, содержащимися в Общей и в Особенной частях кодифицированных актов уголовного законодательства.

Основные выводы по параграфу

Перечисленные недостатки законодательного конструирования запретов склоняющего воздействия в дореволюционных и советских кодифицированных уголовных законах фактически «унаследованы» УК РФ. Неудачные в юридико-техническом плане решения законодателя до настоящего времени, выражаясь

словами В.М. Баранова, «активно заимствуются, тиражируются, постоянно воспроизводятся».¹ В результате, как указывает Д.А. Корецкий, «многократное неосуждаемое повторение» приводит к возникновению «новой нормальности»², каковой в рамках настоящего исследования можно признать сохранение и тиражирование в УК РФ коллизий запретов подстрекательства и отдельных запретов склоняющего воздействия. Однако данные недостатки не являются объективно неустранимыми: разработка концепции склоняющего воздействия позволяет в перспективе оптимизировать процесс уголовного законотворчества и повысить качество нормативного материала, используемого правоприменителем – что представлено в следующей главе настоящего исследования.

¹ Баранов В.М. Инновационные юридические проекты в фокусе неудач (innovation failures): доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 89.

² Корецкий Д.А. Уголовно-правовое законотворчество в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 31.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ЗАПРЕТОВ СКЛОНЯЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (СКЛОНЕНИЯ) В ОБЩЕЙ И ОСОБЕННОЙ ЧАСТЯХ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. Запрет склоняющего воздействия (склонения) в Общей части действующего российского уголовного законодательства

Подстрекательство к совершению умышленного преступления является видом склонения. Одновременно с этим подстрекательство является одной из функций соучастников (одним из видов соучастия¹) и потому обладает рядом дополнительных признаков, происходящих из особенностей соучастия.

1. Лицо склоняется к совершению умышленного преступления (к участию в совершении умышленного преступления) – уточняет признак конкретизированности склонения.

Формулировка «лицо склоняется к совершению преступления» достаточно точна для тех случаев, когда подстрекательское воздействие осуществляется в отношении исполнителя, деяние которого содержит все признаки состава преступления. В остальных случаях необходимо различать преступление как результат совместной деятельности соучастников и преступление как деяние соучастника в соответствии со своей функцией (организатора, подстрекателя или пособника), при этом последнее не содержит всех признаков состава преступления и может получить уголовно-правую оценку только с применением института соучастия. С учетом изложенного подстрекательство – это склонение лица к участию в совершении преступления в соответствии с одной или несколькими функциями соучастников.

При оценке подстрекательского воздействия следует учитывать, что преступность деяния определяется не только диспозициями статей Особенной части УК РФ, но и иными предписаниями уголовного закона.

Общепризнанным в доктрине является правило, в соответствии с которым только субъект преступления выступает соучастником преступления. В то же

¹ См.: Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 15-17.

время судебная практика содержит решения, несколько дискредитирующие данное правило¹. Верховный Суд РФ допускает вменение квалифицирующего признака, характеризующего совершение преступления группой лиц, в отношении единственного привлекаемого к ответственности лица, несмотря на то, что все прочие лица, фактически принимавшие участие в совершении запрещенного законом деяния, не отвечали признакам субъекта преступления.

Одни специалисты относятся к указанным решениям критически². Другие полагают подход теоретически обоснованным. Так, Ю.Е. Пудовочкин отмечает, что «ключевой признак, на основании которого действия субъекта преступления и лица, не подлежащего уголовной ответственности, могут быть оценены по правилам соучастия, состоит в совместности их действий. Когда лицо, обладающее признаками субъекта, совместно с лицом, не являющимся субъектом преступления, выполняет полностью или частично объективную сторону преступления, субъект преступления совмещает в себе статус исполнителя и посредственного причинителя; он несет ответственность и за самостоятельно выполненные действия, и за действия, совершенные несубъектом»³.

Сторонники обсуждаемого подхода также указывают, что совершение преступления группой лиц понятийно выходит за рамки соучастия, поэтому соответствующий квалифицирующий признак может вменяться и при отсутствии признаков соучастия⁴.

¹ См., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.12.2000 № 1048п2000пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.12.2000 № 740п99 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8; Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 604П04пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4; Определение Верховного Суда РФ от 18.05.2006 № 35-о06-14 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=30046#0> (дата обращения: 31.01.2023).

² См.: Саблина М.А. Посредственный исполнитель в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2016. № 3. С. 41-44.

³ Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовая оценка факта совершения преступления двумя лицами // Российское правосудие. 2018. № S1. С. 171-172.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. Т. 1. С. 348-349; Макаров С.Д. Квалификация соучастия в преступлении с ненадлежащим субъектом // Российский судья. 2005. № 8. С. 22-25.

В целом дискуссия по этому вопросу ведется довольно давно, и привести какие-либо новые достойные аргументы достаточно трудно. Остается поддержать авторов, аргументированно утверждающих, что совершение преступления группой лиц есть форма соучастия, вне соучастия группа лиц не существует в уголовном праве¹. В то же время факт совершения преступления совместно с лицом, не подлежащим ответственности, может приниматься во внимание при назначении наказания, в том числе (в относимых случаях) посредством учета обстоятельства, отягчающего наказания, предусмотренного п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В силу изложенного подстрекательство может быть совершено в отношении физического вменяемого лица, достигшего 14-летнего возраста. Наличие повышенных возрастных требований и специальных признаков субъекта преступления зависит от конкретного состава преступления и от функции склоняемого лица: исходя из содержания ч. 4 ст. 34 УК РФ исполнитель должен обладать специальными признаками субъекта преступления, однако отсутствие данного признака не препятствует привлечению лица к ответственности за участие в качестве организатора, подстрекателя либо пособника.

Не является подстрекательством склонение к совершению деяния при наличии для склоняемого обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе физического или психического принуждения: «Утрата свободы воли «исполнителем» преступления в юридическом смысле этого слова (т.е. через применение ст. 40 УК РФ) превращает подстрекателя в посредственного причинителя вреда, т.е. в исполнителя преступления»². По этой причине специалисты выражают единогласное мнение о том, что подстрекательское воздействие всегда преодолимо, то есть реализуется при сохранении склоняемым способности действовать добровольно, по своему усмотрению³. Утрата этой

¹ См.: Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. С. 55-66; Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 127-128.

² Шевелева С.В. Свобода воли и соучастие в преступлении // Современное общество и право. 2014. № 1 (14). С. 40.

³ См., напр.: Алехин В.П. Подстрекатель в террористической деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 137; Бытко С.Ю., Курочка Е.В. О некоторых спорных вопросах соучастия //

способности может произойти только в результате принуждения, а не поощрения или информирования. Однако далеко не всякое принуждение оказывает настолько сильное влияние на волевые процессы.

Действующий уголовный закон не содержит терминов «преодолимое принуждение» и «непреодолимое принуждение». Принято считать, что правовые последствия непреодолимого принуждения для принуждаемого лица сформулированы в ч. 1 ст. 40 УК РФ (безусловным образом исключает преступность его деяния), а преодолимого – в ч. 2 ст. 40 УК РФ (исключает преступность его деяния лишь при соблюдении условий крайней необходимости, в противном случае выступает обстоятельством, смягчающим наказание, предусмотренным п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ)¹.

Однако признак, позволяющий отличить преодолимое принуждение от непреодолимого, с достаточной ясностью не сформулирован ни в уголовном законе, ни в доктрине уголовного права, что порождает правовую неопределенность и препятствует формированию единой правоприменительной практики.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 40 УК РФ, непреодолимым считается физическое принуждение, в силу которого лицо утратило возможность руководить своими действиями. Уместно принять во внимание утверждение С.В. Шевелевой о том, что свобода воли человека включает в себя объективный компонент (доступные варианты поведения) и субъективный компонент (осознание наличия этих вариантов и способность принять решение о реализации определенного варианта поведения)². Это утверждение позволяет

Правовая культура. 2008. № 2. С. 123; Мирозян В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступлений в УК РФ и зарубежных стран // Общество и право. 2009. № 4. С. 144; Серебряков А.В. К вопросу об обмане как способе вовлечения в совершение преступлений террористического характера // Общество и право. 2010. № 5. С. 130.

¹ См., напр.: Рабаданов А.С. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 4. С. 114; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 61.

² См.: Шевелева С.В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // Lex Russia. 2014. № 7. С. 853.

систематизировать встречающиеся в литературе подходы к толкованию приведенной нормы уголовного закона¹.

Одни специалисты связывают непреодолимость только с отсутствием объективного компонента свободы воли. Терминологически данный подход может быть оформлен различно, например указанием на то, что лицо «полностью лишено возможности руководить своими действиями»². В рамках рассматриваемого подхода непреодолимое принуждение фактически сводится к такому воздействию, при котором лицо помимо своей воли превращается в неуправляемый движущийся объект либо обездвиживается и физически не в состоянии совершить действие, являющееся для него обязанностью (путем связывания, запираания, введения в организм веществ). Так, наиболее распространенный в литературе пример непреодолимого принуждения – толчок, в результате которого лицо разбивает антикварную вазу³, а также связанный или усыпленный охранник, не принявший меры к предотвращению хищения имущества с охраняемого объекта⁴.

Согласно данным проведенного анкетирования, большинство опрошенных научных работников склонно считать принуждением воздействие, в результате которого лицо лишается объективной возможности действовать, например, связывание, запираание (83,3%), а также воздействие на лицо как на физический объект, в результате которого лицо приводится в состояние неконтролируемого движения (80%). В то же время справедливо замечено, что «такие случаи встречаются крайне редко, в литературе все случаи такого рода придуманы»⁵. Это замечание само по себе ставит под сомнение уместность данного подхода. Кроме того, во всех подобных случаях «принуждаемый» не совершает деяние

¹ См.: Кокунов А.И. Преодолимое и непреодолимое принуждение в уголовном праве: критерии разграничения // Представительная власть - XXI век. 2017. № 2-3. С. 19-22.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 100.

³ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 457.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 62.

⁵ Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 458.

в уголовно-правовом смысле данного термина, в связи с чем не несет уголовную ответственность, исходя из понятия преступления. При таком подходе необходимость в наличии непреодолимого принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, вообще отсутствует¹.

Другие специалисты, помимо объективного компонента, обращают внимание, по крайней мере, на часть субъективного компонента – осознание наличия вариантов поведения. В качестве примера можно рассмотреть следующий подход: «Свобода воли принуждаемого лица может быть блокирована полностью, если: а) к принуждаемому лицу было применено такое воздействие, которое лишает его свободы как таковой; б) принуждаемое лицо находится в «измененном сознании» (например, в силу насильственного введения в организм наркотических или одурманивающих веществ); в) принуждаемое лицо по существу превращается в неуправляемый движущийся объект (например, при сбрасывании с высоты)»². Первое и третье обстоятельство среди указанных соответствует дефекту объективного компонента свободы воли и не относится к принуждению по ранее изложенным причинам. Что же касается второго обстоятельства, в нем усматривается иной смысл, хотя значение использованного термина «измененное сознание» не вполне определено. Воздействие указанных авторами веществ на организм человека имеет широкий диапазон и в каждом случае сопровождается изменением сознания в различном качестве и степени. Если в результате внешнего воздействия лицо перестало осознавать фактический характер своих действий, то подобное воздействие также невозможно отнести к принуждению, поскольку осуществляется оно не вопреки, а помимо воли лица. В остальных случаях на фоне действия веществ может иметь место принуждение, в том числе и непреодолимое, а также убеждение или информирование, оценку

¹ См.: Кобзева Е.В. О физическом и психическом принуждении как обстоятельстве, исключающем преступность деяния // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября - 1 октября 2019 г.). Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. С. 172.

² Теслицкий И.В., Луценко Е.Г. Преодолимость психического принуждения и уголовная ответственность // Общество и право. 2010. № 1. С. 151-152.

которым следует давать с учетом действия этих веществ. Изложенное справедливо и для оценки воздействия путем внушения в состоянии гипноза, характеризующемся различной глубиной сна и степенью осознанности действий¹.

Существует точка зрения, в соответствии с которой принуждение непреодолимо при отсутствии объективного или субъективного компонента свободы воли. Например, в случае непосредственной угрозы убийством принуждаемый объективно имеет возможность действовать вопреки требованию, осознает эту возможность, но по причине испытываемого страха не способен принять решение действовать вопреки требованию. Этот подход разделяют многие специалисты, о чем свидетельствуют диссертационные исследования². Значительная часть авторов учебной литературы формально не разделяет подобный подход, однако, исходя из приводимых ими примеров, допускают его применение. Например, непреодолимым принуждением предлагается считать применение пыток с целью узнать у лица государственную или коммерческую тайну³ (реальное физическое принуждение, но объективно не лишает принуждаемое лицо иных вариантов поведения и не препятствует их осознанию), а также угрозу применения оружия, в результате которой водитель передает преступнику государственный автомобиль (физическое условное принуждение)⁴. О.С. Капинус усматривает «принуждение, лишаящее гражданина возможности управлять собой» (вероятно, стоит рассматривать как синоним непреодолимого принуждения), в следующем событии: «Грабители остановили автомобиль,

¹ См.: Чечель Г.И., Седых Л.В. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом // Уголовное право. 2009. № 3. С. 56; Шевелева С.В. Границы свободы воли человека при психическом принуждении в виде гипноза // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч.-практ. конф. Курск: Изд-во ЮЗГУ, 2015. С. 88.

² См.: Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 173; Девятковская С.В. Физическое или психическое принуждение в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. Ростов-н/Д, 2011. С. 151; Калугин В.В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 110.

³ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 62.

⁴ См.: Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006. С. 194.

вытащили из кабины водителя, избили его, забрали находящиеся в машине ценности, а затем приказали перевезти похищенное в заранее обусловленное место»¹. В то же время в приведенном примере у лица сохраняется объективная возможность действовать вопреки требованиям принуждаемых лиц. Кроме того, далее отмечается, что угроза убийством или совершения действий, опасных для жизни или здоровья потерпевшего или его близких, может приобретать значение непреодолимой силы².

Последний из обозначенных подходов в наибольшей степени отвечает задачам уголовного права, поскольку позволяет дать адекватную уголовно-правовую оценку деяния принуждаемого лица с учетом принципа вины³, справедливости, а также целей наказания. Однако он противоречит положениям ч. 1 ст. 40 УК РФ (*в общепринятом истолковании*), потому что данная норма содержит указание только на физическое принуждение (*реальное применение насилия – в общепринятом истолковании*). Ряд специалистов считает необходимым пересмотреть это положение уголовного закона⁴.

Большинство опрошенных в ходе исследования научных работников (66,7%), а равным образом практических работников (86,7%) не видит целесообразным сохранение законодательного требования о том, что только физическое принуждение может быть непреодолимым. Интересно заметить, что возможность непреодолимого «психического» принуждения фактически признана в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от

¹ Уголовное право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. О.С. Капинус. М., 2017. С. 326.

² См.: Там же. С. 328.

³ См.: Григорьева Л.В. Перспективы развития института физического и психического принуждения как обстоятельства, исключаящего преступность деяния // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 119-120; Кобзева Е.В. О физическом и психическом принуждении как обстоятельстве, исключаящем преступность деяния // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября - 1 октября 2019 г.). Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. С. 173.

⁴ См.: Калугин В.В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 22-23; Чечель Г.И., Седых Л.В. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом // Уголовное право. 2009. № 3. С. 55.

25.06.1974 № 2 (в ред. от 15.12.1987) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних»¹. Согласно п. 3б указанного акта, если материалами дела установлено, что преступление совершено несовершеннолетним в результате применения к нему физического или психического насилия со стороны взрослых лиц, суду следует обсудить вопрос о том, не исключает ли это обстоятельство уголовную ответственность несовершеннолетнего. Приведенная рекомендация основана на представлении о наличии субъективного предела волевого сопротивления принуждению, превышение которого делает привлечение лица к уголовной ответственности за совершенное деяние несправедливым и нецелесообразным.

Если принять ранее предложенное понимание термина «физическое принуждение» (принуждение, связанное с причинением вреда здоровью, причинением боли или иным нарушением физической неприкосновенности склоняемого лица или иного лица в целях воздействия на поведение склоняемого – в том числе, угроза причинения такого вреда), то положение ч. 1 ст. 40 УК РФ вполне будет способно обеспечить справедливый подход. В частности, все выше приведенные примеры непреодолимого принуждения станут отвечать такому пониманию.

В то же время подобное решение расширит пределы усмотрения правоприменителя, в связи с чем окажется необходимой так называемая «рабочая формула»² – для определения грани между возможностью и невозможностью принуждаемого лица руководить своими действиями. В общем виде искомый критерий может формулироваться следующим образом: несоответствие психофизиологических качеств принуждаемого лица характеру и интенсивности принуждающего воздействия. Схожая формулировка обнаруживается в ч. 2 ст. 28

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25.06.1974 № 2 (в ред. от 15.12.1987) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» (*утратило силу*) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrif.ru/documents/own/7670/> (дата обращения 31.01.2023).

² См.: Шевелева С.В. Проекция психологических конструкций на толкование свободы воли в уголовном праве // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 144.

УК РФ. Указанная норма вызывает преимущественно негативный отклик представителей науки как новелла, не нашедшая реального применения¹. Однако заложенный в ней критерий представляется довольно удачным для целей разграничения преодолимого и непреодолимого принуждения. Конкретизация критерия должна быть осуществлена по двум направлениям: относительно принуждающего воздействия и относительно психофизиологических качеств принуждаемого лица. Характер принуждения определяется ценностью, которой реально причиняется или может быть причинен вред (жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность принуждаемого или его близких). Интенсивность принуждения зависит от того, реально ли причиняется вред или имеет место угроза (в свою очередь непосредственная или предполагающая отсроченную реализацию), от силы и длительности воздействия. Психофизиологические качества определяются, прежде всего, возрастом и состоянием здоровья, полом, особенностями познавательной, эмоционально-волевой (темперамент и характер) и мотивационной сферы личности. Дальнейшая конкретизация рассматриваемого критерия представляется затруднительной. Какие-либо формально определенные рекомендации могут оказаться неуместными для применения в конкретной ситуации. Так, с учетом несовершеннолетнего возраста и характера принуждаемого лица даже угроза причинения вреда здоровью средней тяжести может оказаться непреодолимым принуждением: «подростком угроза может восприниматься как не оставляющая места альтернативе, взрослый же может оценивать аналогичную угрозу как гораздо менее значимую»². Но в большинстве случаев подобное принуждение все же является преодолимым. Разрешать подобные вопросы целесообразно с учетом мнения специалистов – судебных психологов³.

¹ См.: Теслицкий И.В. Невиновное причинение вреда по психофизиологическому основанию // Уголовное право. 2008. № 3. С. 50-53; Шумихин В.Г. Невиновное причинение вреда // Уголовное право. 2007. № 4. С. 72.

² Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 223.

³ Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 306.

Таким образом, принуждение следует признавать непреодолимым, если оно является физическим, и в результате его применения лицо лишается субъективной возможности реализовать иной вариант поведения в силу несоответствия своих психофизиологических качеств характеру и интенсивности принуждающего воздействия. Воздействие, в результате которого лицо лишается объективной возможности действовать иным образом или перестает осознавать фактический характер своих действий, следует выводить за пределы понятия «принуждение». Такое лицо не совершает волевое деяние и не несет уголовную ответственность, исходя из понятия преступления.

Кроме того, нет необходимости изменять текст ч. 1 ст. 40 УК РФ: для достижения справедливого регулирования достаточно принять иное понимание термина «физическое принуждение» – то, которое обосновывается в настоящем исследовании.

В ч. 2 ст. 40 УК РФ законодатель указывает на физическое принуждение, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, и психическое принуждение – что в теории объединяется понятием «преодолимое принуждение». Категория имущественного принуждения законодателем не используется. Учитывая, что в ч. 2 ст. 40 УК РФ по сути речь идет обо всем ином принуждении, не поименованном в ч. 1 ст. 40 УК РФ, представляется рациональным не детализировать в ч. 1 ст. 40 УК РФ принуждение по видам. Рассматриваемое положение может быть сформулировано так: «Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате иного принуждения решается с учетом положений статьи 39 настоящего Кодекса».

Некоторое внимание заслуживает вопрос об оценке принуждения, применяемого к лицам, исполняющим свои служебные обязанности. «Одни и те же обстоятельства могут быть признаны непреодолимыми для гражданских лиц и преодолимыми для военнослужащих, к которым предъявляются повышенные требования (например, караульный, имея боевое оружие, под угрозой убийством

пропускает на охраняемый объект преступников)»¹. К похожим выводам пришел и Международный трибунал по Югославии, не признавший достаточным основанием для исключения уголовной ответственности угрозу расправы над военнослужащим и его семьей в случае отказа от убийства представителей мирного населения². Указанному подходу трудно дать однозначную оценку. С одной стороны, понятно стремление государства добиться безоговорочного выполнения военнослужащими (а равно сотрудниками правоохранительных органов) своих функций в экстремальных условиях. С другой стороны, в таком подходе усматривается объективное вменение, поскольку уголовная ответственность возлагается без учета психического отношения лица к содеянному: ведь военнослужащий, как и любое другое лицо, обладает субъективным пределом волевого сопротивления принуждению. Возможно, этот предел выше, чем у «среднестатистического» гражданина, но он всегда присутствует. Несправедливо возлагать на кого бы то ни было безграничную обязанность сохранять контроль над своими действиями под любым принуждением.

2. Юридическое окончание совместно совершаемого преступления – дополняет признак результативности склонения.

Указанный признак связан с моментом юридического окончания подстрекательства. В доктрине существует несколько подходов, в соответствии с которыми подстрекательство считается оконченным:

- с момента начала побудительного воздействия на подстрекаемое лицо³;
- с момента получения согласия подстрекаемого лица участвовать в совершении преступления¹;

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный). Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М., 2013. С. 92.

² См.: Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключющие ответственность в современном международном уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 126.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 59.

- с момента начала участия подстрекаемого лица в совершении преступления²;

- с момента юридического окончания совместно совершаемого преступления, то есть при условии успешной деятельности исполнителя³.

В судебной практике вопрос разрешается с учетом норм ч. 5 ст. 34 УК РФ в пользу последнего из перечисленных вариантов⁴. Большинство респондентов (76,7%) из числа опрошенных практических работников также выбрало последний из предложенных вариантов.

Последний подход представляется наиболее правильным, поскольку градация на стадии совершения преступления по смыслу главы 6 УК РФ осуществляется только в отношении совместно совершаемого преступления, а не в отношении деятельности отдельных соучастников. «Тот факт, что подстрекатель выполнил все необходимые действия, склонив исполнителя к совершению преступления, сам по себе не является достаточным аргументом в пользу уголовно-правовой оценки его поведения как подстрекательства к оконченому преступлению, если деятельность исполнителя пресечена или иным образом прервана помимо его воли. Кстати, в некоторых случаях (а именно – при оконченом покушении) не только подстрекатель, но и исполнитель совершает все действия, которые с его точки зрения должны были привести к наступлению

¹ См.: Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 33-34.

² См., напр.: Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 21-22; Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М., 2013. С. 133.

³ См., напр.: Саркисян В.Г. К вопросу о моменте окончания подстрекательства к совершению преступления // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3-6. С. 104; Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегиной, С.И. Улезько. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 205; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С. 466.

⁴ См., напр.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 31.10.2018 № 85-АПУ18-4СП; Постановление Верховного Суда РФ от 14.07.2017 № 128П17; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.07.2015 № 30-АПУ15-6; Определение Верховного Суда РФ от 11.12.2007 по делу № 89-Д07-32; Определение Верховного Суда РФ от 11.09.2007 № 11-Д07-93; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.03.2005 № 83-О05-5.

преступного результата, но содеянное исполнителем, безусловно, расценивается как неоконченное преступление, поскольку этот результат не наступил»¹.

Тот факт, что подстрекательство имеет более поздний момент юридического окончания по сравнению со склонением, не ставит под сомнение принадлежность подстрекательства к видам склонения, поскольку установление более позднего момента окончания служит дополнительным, а не исключаящим (противоречащим) признаком по отношению к признаку результативности склоняющего воздействия. Так, подстрекательство, оконченное с момента юридического окончания совместно совершаемого преступления, в любом случае обладает признаком результативности, то есть включает в себя начало реализации склоняемым презентованной ему модели поведения. Невозможна лишь обратная ситуация – более ранний момент окончания какого-либо вида склонения, чем определено признаком результативности склонения. Следовательно, теоретически, при наличии к тому оснований, законодатель может установить более поздний момент юридического окончания отдельного уголовно-правового запрета склонения, например, посредством прямого указания в диспозиции статьи Особенной части УК РФ на последствия, расположенные далее на временной оси (например, полное завершение действий склоняемым или выполнение им определенной части запланированных действий). Однако в действующем уголовном законодательстве подобные составы преступлений отсутствуют, и необходимость в их существовании в настоящее время не усматривается.

3. Двухсторонняя субъективная связь между подстрекателем и подстрекаемым – конкретизирует признак склонения: наличие прямого умысла.

Для подстрекательства характерно требование: «лицо, которое склоняется к совершению преступления, должно действовать в свою очередь сознательно, умышленно»². Оно проистекает из соответствующего признака соучастия,

¹ См.: Плаксина Т.А. Неудавшееся подстрекательство // Уголовное право. 2011. № 4. С. 48.

² Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 206.

который именуется в литературе единым умыслом¹, общим умыслом², совместным умыслом³, а также двухсторонней субъективной связью⁴. Подстрекатель должен осознавать наличие подстрекателя (однако может не знать его лично: его имени, как он выглядит), побудительный характер его воздействия, фактический характер совместно совершаемого преступления и собственного участия в его совершении.

Таким образом, подстрекательство обладает тремя дополнительными по отношению к склонению признаками: 1) склонение к участию в совершении умышленного преступления; 2) юридическое окончание совместно совершаемого преступления; 3) двухсторонняя субъективная связь между подстрекателем и подстрекаемым.

Затрагивая вопрос о возможной корректировке легального определения подстрекателя, следует обратить внимание на способы подстрекательства. Оставлять перечень способов в том виде, в котором он закреплен в ч. 4 ст. 33 УК РФ не имеет смысла, поскольку он неисчерпывающий. Дополнить и тем самым закрыть данный перечень невозможно. Однако предложенная ранее классификация способов склонения позволяет в исчерпывающем виде отразить способы склонения, а значит – и подстрекательского воздействия. Содержание ч. 4 ст. 33 УК РФ может выглядеть следующим образом: «Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к участию в совершении преступления путем принуждения, поощрения, предостережения или завлечения.»

Теоретически допустимо закрепить в уголовном законе всю классификацию способов склонения в детализированном виде, как это представлено в параграфе 2

¹ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. О.С. Капинус. М., 2017. С. 201.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. М., 2017. Т. 1. С. 138.

³ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 65.

⁴ См.: Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 18; Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. С. 76.

главы 2. Однако подобное решение противоречило бы структурно-стилистическим началам действующего уголовного закона. Для Общей части УК РФ характерно довольно сжатое изложение уголовно-правового материала и малый удельный вес предписаний-дефиниций. Предлагаемая классификация способов, изложенная в полном формате с должной нормативной расшифровкой, по своему объему окажется сопоставима с институтом соучастия в целом, в то время как речь идет лишь об одном из видов соучастников. Подобный дисбаланс в детализации уголовно-правового регулирования недопустим. Поэтому предлагаемые правовые конструкции могут быть введены в текст уголовного закона только в рамках новой кодификации при условии иного структурно-стилистического подхода.

С темой подстрекательства тесно связано понимание провокации в российском уголовном праве. Провокация в общеупотребительном значении считается «предательским поведением, подстрекательством кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия»¹. В современной юридической литературе понятие «провокация» используется для описания различных деяний, в том числе, обладающих признаками склонения. Представляется возможным выделить 2 вида провокации-склонения.

1. Служебная провокация преступления.

Специалисты в области уголовного права и процесса рассматривают провокацию преимущественно именно в этом виде – в контексте оперативно-розыскной деятельности как неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов при осуществлении проверочной закупки или оперативного эксперимента, в ходе которых допущено склонение лица к совершению преступления. При этом провокация дискредитирует деятельность правоохранительных органов и исключает возможность привлечь спровоцированное лицо к уголовной ответственности за данное преступление. Это обуславливает высокую практическую значимость проблемы, которая

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1964. С. 597.

обозначалась еще в дореволюционной правовой доктрине¹. Подобную разновидность провокации в настоящем исследовании предлагается именовать служебной.

Существует ряд преступлений, выявление, пресечение, раскрытие и последующее расследование которых становится возможным преимущественно благодаря проведению оперативно-розыскных мероприятий: проверочной закупки – в целях выявления сбыта наркотических средств (ст. 228¹ УК РФ), оперативного эксперимента – в целях выявления получения взятки или предмета коммерческого подкупа (ст. 290, 292², 204 УК РФ)².

Провокация считается грубым нарушением порядка осуществления оперативно-розыскной деятельности и запрещена в силу взаимосвязанных положений абз. 4 ч. 8 ст. 5, ч. 2 ст. 5, ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»)³. Однако сложившаяся правоприменительная практика не предполагает привлечение оперативного сотрудника к уголовной ответственности, поскольку данные действия совершаются «в интересах службы»⁴.

В научной литературе указывается, что оперативный сотрудник не может нести уголовную ответственность за подстрекательство к совершению преступления, поскольку в случае служебной провокации отсутствует единство умысла как обязательный признак соучастия: провоцируемое и провоцирующее

¹ См.: Набоков В.Д. Уголовная ответственность агента-провокатора // Еженедельная юридическая газета «Право». 1909. № 7. С. 426-435; Познышев С.В. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 391.

² См.: Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неиспользованные возможности Уголовного кодекса России в противодействии коррупции // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: матер. межвед. круглого стола / под ред. Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. 2016. С. 121-129; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 4 (40). С. 46-47.

³ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 28.12.2022, № 638-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349, 2023. № 1 (ч. I), ст. 16.

⁴ См.: Тищенко А.В. Провокация и необходимость ее закрепления в уголовном законодательстве России как обстоятельства, смягчающего наказание // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 166.

лицо преследуют различные цели¹. Сформулированный в том или ином виде, это наиболее распространенный аргумент². Думается, такое объяснение не вполне состоятельно. Единство умысла как признак соучастия предполагает совпадение лишь ближайшей, формальной цели. Применительно к рассматриваемому типу ситуаций эта цель заключается в совершении провоцируемым субъектом определенного деяния. Мотивы, а равно, конечные цели действий провоцируемого и провоцирующего лица могут различаться. Кроме того, если следовать указанной логике рассуждений, то единство умысла должно было бы отсутствовать при любой провокации преступления, поскольку служебная провокация в этом аспекте никакой специфики не имеет.

Следует согласиться с тем, что служебная провокация не является подстрекательством к совершению преступления, однако причина этого представляется иной. Единственное обстоятельство, не позволяющее признать служебную провокацию подстрекательством, заключается в том, что деяние провоцируемого субъекта реализуется под контролем правоохранительных органов и при нормальном развитии событий не причиняет действительный вред общественным отношениям. Лицо склоняется не к совершению преступления, которому свойственна общественная опасность, а к его имитации, схожей с преступлением лишь по внешним признакам. Провоцирующее лицо заведомо осведомлено об этом, что исключает для него также и субъективную предпосылку уголовной ответственности.

Однако вопрос об уголовно-правовых последствиях деяния провоцирующего лица не исчерпывается соотношением данного деяния с подстрекательством. В доктрине обращалось внимание на необходимость привлечения оперативных сотрудников к уголовной ответственности за

¹ См.: Черепяхин В.А. Некоторые проблемы понятия провокации // Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (51). С. 227.

² См.: Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 12.

служебную провокацию по ч. 1 ст. 286 УК РФ¹. Деяние оперативного сотрудника в этом случае предлагается расценивать как действие, совершенное при исполнении служебных обязанностей, которое никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать. Категоричность обозначенной рекомендации вызывает сомнения. Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 286 УК РФ преступлением признаются действия должностного лица, явно выходящие за пределы его полномочий. Однако разграничение служебной провокации и правомерных действий оперативного сотрудника нельзя считать очевидным – этот вопрос на понятийном уровне становился предметом обсуждения в Европейском суде по правам человека², позиция которого в дальнейшем принята и дополнительно интерпретирована Верховным Судом РФ³. Поэтому далеко не во всех случаях служебную провокацию допустимо рассматривать как действия, явно выходящие за пределы должностных полномочий. Вопрос о привлечении к уголовной ответственности оперативного сотрудника за служебную провокацию должен решаться индивидуально, исходя из совокупности обстоятельств: наличие и полнота первичной оперативной информации, результаты проверки первичной информации, характер и интенсивность провоцирующего воздействия. Представляется, что в большинстве случаев разумной и достаточной мерой

¹ См.: Ровнейко В.В. Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. № 2-2. С. 146.

² Постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2005 «Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7; Постановление Европейского суда по правам человека от 26.10.2006 «Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11; Постановление Европейского суда по правам человека от 04.11.2010 «Дело «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) // Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 4.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (с изм. и доп. от 16.05.2017, № 17) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8; 2017. № 7; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (с изм. и доп. от 24.12.2019, № 59) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9; 2020. № 3; Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 года) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.

воздействия в отношении сотрудников, допустивших провокацию, служит дисциплинарная ответственность.

Последствия служебной провокации для провоцируемого лица представляются в большей степени определенными. Сложившаяся правоприменительная практика однозначно исходит из того, что лицо, подвергшееся служебной провокации, не подлежит уголовной ответственности. Однако причины данного подхода требуют тщательного исследования.

В соответствии с п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» получение должностным лицом взятки в результате провокации со стороны оперативных сотрудников не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние, поскольку в содеянном отсутствует состав преступления. Данное утверждение вызывает вопрос: какой именно признак состава преступления отсутствует в содеянном в случае провокации? Ответить на него затруднительно. Абсолютно справедливо утверждение О.С. Капинус: «С точки зрения УК, равно как и с позиции теоретических уголовно-правовых представлений, общественно опасное деяние, совершенное под влиянием провокационных действий сотрудников правоохранительных органов, содержит все признаки состава преступления»¹. Представляется, в случае провокации содеянное полностью соответствует понятию фактической ошибки: провоцируемое лицо умышленно совершает действия, которые формально содержат признаки состава преступления, не осознавая, что на самом деле его действия не причиняют реальный вред общественным отношениям и не должны признаваться оконченным преступлением. Содеянное подлежит квалификации как покушение на преступление. То обстоятельство, что фактическая ошибка допущена в контексте служебной провокации, для квалификации значения не имеет, но может иметь значение при решении вопроса о назначении наказания.

¹ Капинус О.С. Практика Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 69.

Ввиду изложенного на первый взгляд представляется логичным предложение О.С. Капинус ввести в главу 8 УК РФ положение о провокации как об обстоятельстве, исключающем преступность деяния¹. Однако реальных криминологических оснований к такому решению не усматривается. Деяние спровоцированного лица не является ни общественно полезным, ни социально допустимым, ни малозначительным. Спровоцированное лицо в объективных действиях проявляет свой преступный умысел, хоть и возникший под влиянием сотрудников правоохранительных органов. Этого достаточно для возложения ответственности с точки зрения уголовного права.

Тем не менее привлечь спровоцированное лицо к уголовной ответственности оказывается невозможным по процессуальным причинам, ввиду абсолютной недоказуемости события преступления и вины спровоцированного лица. Провокация является нарушением закона, поэтому результаты провокационной деятельности не могут быть интегрированы в уголовный процесс как допустимые доказательства. При этом речь идет не только об актах, справках и отчетах, которые составляются оперативными сотрудниками по результатам проведения оперативно-розыскного мероприятия и рассматриваются в уголовном процессе как иные документы, но и о сопутствующих доказательствах: протоколах осмотра предметов (например, денежных купюр), самих вещественных доказательствах, показаниях свидетелей – оперативных сотрудников и понятых. Фактически провокация приводит к недопустимости всех доказательств по уголовному делу, с помощью которых устанавливается событие преступления и вина лица в его совершении.

Недоказуемость формально, исходя из действующего процессуального законодательства, не служит основанием для постановления оправдательного приговора или прекращения уголовного дела, а равным образом для отказа в возбуждении уголовного дела. Правоприменитель, осознавая абсолютную невозможность доказывания по уголовному делу, вынужден все же принимать одно из перечисленных решений, но выбирать при этом процессуальное

¹ См.: Капинус О.С. Указ. соч. С. 69-70.

основание из имеющихся в ст. 24, ч. 2 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в п. 34 постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснил, что в подобных случаях необходимо ссылаться на отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ). Теоретически это не совсем верно, поскольку требует установления межотраслевых связей и адекватного уголовно-правового обоснования, которое, как указано ранее, отсутствует. Однако практического значения данная проблема не имеет, поскольку как бы ни было сформулировано искомое основание в процессуальном законе, в соответствии с презумпцией невиновности (ст. 14 УПК РФ) оно должно носить реабилитирующий характер. Правовые последствия для спровоцированного лица одинаковы вне зависимости от того, будет ли правоприменитель ссылаться на отсутствие состава преступления, отсутствие события преступления или на некое новое самостоятельное основание прекращения уголовного дела.

2. Частная провокация преступления.

Второй вид провокации – склонение другого лица к совершению преступления, осуществляемое вне контроля со стороны правоохранительных органов в целях последующего использования факта совершения преступления во вред склоняемому лицу. Подобное деяние в настоящем исследовании предлагается именовать частной провокацией.

Отличие частной провокации от служебной, как усматривается из определения, состоит в отсутствии контроля правоохранительных органов над действиями провоцирующего лица на момент склоняющего воздействия.

Если провоцирующее лицо заранее заручилось поддержкой правоохранительных органов (что может выражаться в руководстве предстоящим процессом склонения или просто в подтвержденной готовности задержать спровоцированное лицо в нужный момент), то имеет место служебная

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 18.03.2023, № 81-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921; 2023. № 12, ст. 1894.

провокация. Гражданин в таком случае становится участником противоправного воздействия, санкционированного сотрудниками правоохранительного органа, которые при наличии к тому оснований должны нести дисциплинарную ответственность за нарушение правовых основ оперативно-розыскной деятельности.

Если провоцирующее лицо информирует правоохранительные органы о преступлении после успешного склонения лица к его совершению, то деяние провоцирующего необходимо рассматривать как частную провокацию, даже в случае заблаговременного уведомления, позволяющего правоохранительным органам пресечь преступление. При таких обстоятельствах вероятность доведения преступления спровоцированным лицом до конца невелика, что сближает содеянное со служебной провокацией. Тем не менее, на момент склонения оперативный контроль правоохранительных органов над событиями отсутствует. Это позволяет утверждать, что провоцируемое лицо склоняется все же к реальному преступлению, способному причинить вред общественным отношениям, и потому дает основание считать действия провоцирующего лица подстрекательством к преступлению.

Оценка провокации как разновидности подстрекательства довольно распространена среди ученых и иногда приводится в учебной литературе¹. Ее следует признать обоснованной, но только в отношении частной провокации преступления. По всей видимости, именно для частной провокации справедливо правило, сформулированное в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 8 июня 1946 г., в соответствии с которым лицо, спровоцировавшее другое лицо на совершение преступления, хотя и с целью последующего изобличения, должно отвечать, как за подстрекательство к совершению преступления².

¹ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 241; Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 33.

² См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 08.06.1946 // Судейская практика Верховного Суда СССР. 1946. М., 1948. Вып. 6 (XXX).

Одно из наиболее распространенных возражений относительно признания провокации преступления разновидностью подстрекательства – указание на различие в целях провоцирующего и провоцируемого лица, и связанное с этим отсутствие единства умысла, что по мнению ряда авторов делает неприменимым к рассматриваемым отношениям понятие соучастия¹. Оценка подобных доводов была дана ранее в связи со служебной провокацией. Единство умысла как признак соучастия предполагает совпадение лишь ближайшей, формальной цели – в данном случае – совершение провоцируемым лицом определенного преступления. Вызывает поддержку в этом вопросе утверждение А.А. Арутюнова: «Цель провокатора – последующее изобличение спровоцированного лица – для квалификации содеянного значения не имеет. Как не имеет, кстати говоря, значения для квалификации действий спровоцированного лица и, например, совершение последним кражи для того, чтобы в последующем накормить своих детей»². На возможное различие целей и мотивов подстрекателя и подстрекаемого указывали и другие специалисты³.

Довольно серьезная проблема, связанная с частной провокацией преступления, усматривается в некорректном уголовно-правовом регулировании условий добровольного отказа подстрекателя от преступления.

В соответствии с ч. 4 ст. 31 УК РФ подстрекатель к преступлению не подлежит уголовной ответственности, если он своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратил доведение преступления исполнителем до конца. Верно замечание А.П. Козлова о том, что приведенное положение уголовного закона не отвечает требованиям справедливости: подстрекатель освобождается от ответственности, в то время как

¹ См.: Кугушева С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации // Российский следователь. 2005. № 10. С. 25; Радачинский С.Н. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 62-63.

² Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 230.

³ См., напр.: Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2008. С. 18.

лицо им склоненное, ответственность несет¹. В контексте частной провокации преступления это позволяет провоцирующему лицу с помощью правоохранительной системы государства причинять вред практически без риска наступления в отношении себя какой-либо юридической ответственности. Указанная проблема неоднократно отмечалась специалистами². Большинство опрошенных респондентов, как из числа научных (66,7%), так и из числа практических работников (86,7%), считает некорректным, несправедливым данное нормативное положение.

Участие подстрекателя в совершении преступления заключается в привлечении соучастника любого вида. Исходя из этого, на подстрекателя возможно распространить правовые последствия добровольного отказа от преступления в следующих случаях:

1) подстрекатель отказался от своего преступного намерения до того, как ему удалось получить согласие подстрекаемого на совершение преступления;

2) подстрекатель получил согласие подстрекаемого, но после этого добился от него добровольного отказа от доведения преступления до конца;

3) подстрекатель получил согласие подстрекаемого, который начал реализовывать свою функцию в совершении совместного преступления (при условии, что совместно совершаемое преступление еще не окончено), но добился от подстрекаемого добровольного отказа от доведения преступления до конца и, кроме того, самостоятельно или с помощью иных лиц устранил результаты действий ранее склоненного им лица, если такие результаты могут быть использованы иными соучастниками для доведения преступления до конца.

Последняя формулировка как наиболее полным образом отражающая условия добровольного отказа подстрекателя может быть использована в уголовном законе. Так, ч. 4 ст. 31 УК РФ уместно изложить в следующей редакции: «Организатор преступления не подлежит уголовной ответственности,

¹ См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 320-322.

² См.: Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 24; Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 231.

если он своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратил доведение преступления исполнителем до конца. Подстрекатель к преступлению не подлежит уголовной ответственности, если он добился от подстрекаемого добровольного отказа от доведения преступления до конца и устранил результаты его действий, которые могут быть использованы иными соучастниками для доведения преступления до конца. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.»

Еще один дискуссионный вопрос – причинение какого именно вреда провоцируемому лицу является целью провокатора? В.Д. Иванов, В.А. Черепяхин утверждают, что «целью со стороны провокатора является не просто желание наступления для спровоцированного им лица каких-либо вредных последствий, а именно привлечение его к уголовной ответственности»¹. Вероятно, это наиболее распространенный случай, однако теоретически провокатор может преследовать и иную цель, например, подрыв деловой репутации провоцируемого, ухудшение его отношений с определенными лицами. Поэтому логичным представляется мнение А.А. Мастеркова, который не вводит каких-либо формальных ограничений и признает провокацией преступления вовлечение другого лица в совершение преступления с целью наступления вредных для этого лица последствий².

Основные выводы по параграфу

Подстрекательство как разновидность склонения обладает рядом дополнительных признаков: 1) склонение к участию в совершении умышленного преступления; 2) юридическое окончание совместно совершаемого преступления; 3) двухсторонняя субъективная связь между подстрекателем и подстрекаемым.

При оценке подстрекательского воздействия необходимо учитывать, что преступность деяния подстрекаемого лица определяется не только диспозициями статей Особенной части УК РФ, но и иными предписаниями уголовного закона.

¹ Иванов В.Д., Черепяхин В.А. Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 30.

² См.: Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. С. 16.

В частности, не является подстрекательством склонение к совершению деяния при наличии для склоняемого обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе физического или психического принуждения (ст. 40 УК РФ). Воздействие, в результате которого лицо лишается объективной возможности действовать иным образом или перестает осознавать фактический характер своих действий, следует выводить за пределы понятия «принуждение». Такое лицо не совершает волевое деяние и не может нести уголовную ответственность, исходя из понятия преступления. Принуждение следует признавать непреодолимым, если в результате его применения лицо лишается субъективной возможности реализовать иной вариант поведения в силу несоответствия своих психофизиологических качеств характеру и интенсивности принуждающего воздействия.

Предписание ч. 4 ст. 33 УК РФ с учетом разработанной классификации способов склонения целесообразно изложить следующим образом: «Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к участию в совершении преступления путем принуждения, поощрения, предостережения или завлечения».

В современной юридической литературе понятие «провокация» используется для описания различных деяний, в том числе, обладающих признаками склонения. Целесообразно выделить 2 вида провокации-склонения:

- неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой допущено склонение лица к совершению преступления (служебная провокация преступления);

- склонение другого лица к совершению преступления, осуществляемое вне контроля со стороны правоохранительных органов в целях последующего использования факта совершения преступления во вред склоняемому лицу (частная провокация преступления).

§ 2. Запреты склоняющего воздействия (склонения)

в Особенной части действующего российского уголовного законодательства

Предлагаемый во второй главе набор признаков и классификация способов склонения позволяет выработать качественно иной подход к конструированию уголовно-правовых запретов склонения в Особенной части уголовного законодательства. Этот подход складывается из трех составляющих: 1) выбор склонения как единственного родового понятия для обозначения склоняющего воздействия; 2) введение термина «склонение» во все запреты склоняющего воздействия, установленные Особенной частью УК РФ, в которых в настоящее время нет указания на родовое понятие склоняющего воздействия; 3) форматирование указанных законодателем способов совершения преступления в статьях Особенной части УК РФ, запрещающих склоняющее воздействие.

Необходимо отметить, что одна и та же статья Особенной части УК РФ может претерпеть изменения сразу по нескольким из указанных направлений. В то же время рассматривать составляющие нужно последовательно. Поэтому для возможности обозрения всех презентуемых изменений в статьях Особенной части УК РФ сформировано приложение 5 к диссертации в виде таблицы.

Предлагаемые далее в исследовании изменения уголовного закона, несомненно, базируются на идеях применения юридической техники, точнее законодательной техники как ее разновидности, которую «характеризует система правил и приемов подготовки наиболее совершенных по форме и структуре проектов нормативных актов, обеспечивающих полное и точное соответствие формы нормативных предписаний их содержанию, доступность, простоту и обозримость нормативного материала, исчерпывающий охват регулируемых вопросов»¹. Данные рекомендации не имеют своей прямой, основной целью изменять границы уголовно-правовых запретов или наказуемость соответствующих деяний (хотя и приводят к подобным корректировкам, которые носят «оттачивающий» характер и предполагают тонкую настройку параметров

¹ Попова С.А., Грузинская Е.И. Генезис юридической техники: понятие, приемы, средства и конструкции // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 4-1. С. 364-366.

уголовно-правового регулирования по сравнению с методами уголовной политики).

Тем не менее было бы грубой ошибкой полагать, что работа в этом направлении имеет лишь декоративное значение. В теории российского права эффективность рассматривается как один из показателей качества закона¹. По мнению А.В. Иванчина, «эффективность применения правовой нормы, конечно же, зависит от законодательной техники, от того, насколько искусно выработаны содержание и форма данной нормы»². К показателям эффективности уголовного закона Н.А. Лопашенко относит именно «качественную сформулированность уголовно-правовой нормы»³. М.Б. Кострова фокусирует внимание на языковых параметрах уголовного законодательства, отмечая, что «без надлежащей языковой формы... эффективное применение невозможно»⁴. Е.И. Грузинская и С.А. Попова также полагают, что «закон, имеющий несовершенную форму выражения и изложения норм права (ошибки в техникоюридическом конструировании), не может действовать эффективно, т. е. поставленная законодателем цель не будет достигнута»⁵. Таким образом, принципы и приемы юридической техники, получившие заслуженное признание в научном сообществе, позволяют повлиять на качество уголовного закона.

I. Выбор склонения как единственного родового понятия для обозначения склоняющего воздействия.

Законодатель наряду с термином «склонение» использует в Особенной части УК РФ термин «вовлечение» для обозначения родового понятия склоняющего воздействия (ст. 150, 151, 151², ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹

¹ См.: Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник. М., 2005. С. 186.

² Иванчин А.В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 125.

³ Лопашенко Н.А. Эффективность уголовного наказания: понятие, виды, критерии и показатели // Проблемы уголовного права и криминологии: матер. выездного заседания секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию высших учебных заведений РФ (11-14 сентября 2013 г.) / отв. ред. Г.О. Петрова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. С. 63.

⁴ Кострова М.Б. Теоретическая модель языковой формы нового Уголовного кодекса России // Lex Russica. 2016. Том СІХ, № 12. С. 88.

⁵ Попова С.А., Грузинская Е.И. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5-1. С. 45.

ст. 212, ст. 240, ч. 2 ст. 242, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ). При этом формулировка «склонение, вербовка или иное вовлечение», встречающаяся в большинстве из указанных предписаний (ст. 151², ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ), однозначно относит склонение к одной из возможных разновидностей вовлечения¹. Однако какие признаки отличают склонение от вовлечения и какие еще виды вовлечения, помимо склонения и вербовки, существуют, остается неясным. Не усматривают отличия в значении уголовно-правовых терминов «склонение» и «вовлечение» 26,7% опрошенных научных работников, 56,7% практических работников (опрос 2020 год; приложение 2, 3).

В 2021 году проведено дополнительное анкетирование научных работников (приложение 4) с постановкой, в числе прочих, следующего вопроса: «Имеются ли значимые для применения закона отличия между понятием «склонение» (например склонение к потреблению наркотических средств, ст. 230 УК РФ) и понятием «вовлечение» (например вовлечение в занятие проституцией, ст. 240 УК РФ)?». 40% респондентов указало, что отличия имеются, и они четко понимают, в чем они заключаются; 35% – уверено в отсутствии отличий; 25% – выбрало ответ «наверное, да, но в чем именно состоят отличия, указать затрудняюсь».

В научной литературе встречаются различные предложения по разграничению склонения и вовлечения.

1. Вовлечение предполагает побуждение к совместным действиям вовлекающего и вовлекаемого, а склонение – к самостоятельному поведению склоняемого: «Использование отечественного законодательного опыта свидетельствует о том, что термин «склонение» законодатель использует преимущественно для обозначения действий, побуждающих к совершению другим наказуемых деяний, в совершении которых сам подстрекатель участия не

¹ См., напр.: Кашкаров А.А. Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 2. С. 146-147.

принимает»¹. Указанный критерий не основан на нормах действующего уголовного законодательства. Найти ему рациональное применение довольно трудно, поскольку существенных криминально значимых различий между подобными видами склоняющего воздействия не усматривается. Например, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 230 УК РФ, не имеет принципиального значения, потреблял ли наркотическое средство сам склоняющий вместе со склоняемым, или он только побуждал склоняемого к потреблению наркотического средства, воздержавшись от личного участия в потреблении наркотических средств. Выглядят более опасными действия вовлекающего в случае, если он вовлекает другое лицо (несовершеннолетнего) в совершение преступления группой лиц, участником которой сам является. Однако не менее опасны и действия склоняющего, который склоняет лицо (несовершеннолетнего) в совершение преступления группой лиц, если сам склоняющий не входит в состав группы лиц. Поэтому разделить обозначенную точку зрения не представляется возможным.

2. Вовлечение предполагает побуждение к совершению правонарушения, а склонение – к совершению преступления². Данный критерий не основан на тексте закона и также выглядит малоубедительным, поскольку вид правонарушения, к которому склоняется лицо никак не влияет на характеристики самого побуждающего воздействия. Если принять эту позицию, то придется признать, что законодатель использует различные термины исключительно в «декоративных» целях: один термин – в сочетании с указанием на правонарушение, другой термин – в сочетании с указанием на преступление, без какого-либо различия в сути деяния побуждающего лица.

3. Понятие «склонение» по своему содержанию уже понятия «вовлечение», поскольку не предполагает возможности использования виновным физического

¹ Нагаева Т.И. Общий и специальный виды подстрекательства к совершению преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 4. С. 101; см. также: Нагаева Т.И. Формы и виды преступного деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: М., 2012. С. 33.

² См.: Нагаева Т.И. Общий и специальный виды подстрекательства к совершению преступления... С. 101; Нагаева Т.И. Формы и виды преступного деяния... С. 33.

или психического насилия в отношении склоняемого лица и тем самым отражает меньшую интенсивность воздействия¹. Если признать верным данную трактовку, то необходимо считать, что подстрекательство, а также склонение к самоубийству (ст. 110¹ УК РФ), склонение к потреблению наркотических средств (ст. 230 УК РФ), склонение к использованию субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230¹ УК РФ) не может осуществляться за счет физического или психического насилия. Подобный вывод недопустим, поскольку существенно и безосновательно уменьшает объем указанных уголовно-правовых запретов.

4. Различие между вовлечением и склонением заключается в моменте юридического окончания: «... «вовлечение» означает результативное действие, в отличие от слова «склонение», означающего также безуспешное воздействие, ... предполагает не только психологическое воздействие, но и фактическое совершение указанных действий»². Указанный вывод отчасти подкрепляется разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Исходя из п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», вовлечение является окончанным с момента совершения лицом деяния, покушения на деяние или хотя бы приготовления к деянию, в которое оно вовлекалось. Согласно п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и

¹ См.: Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2008. С. 79; Травников А.В. Вовлечение в преступления экстремистской направленности // Российский судья. 2021. № 9. С. 42-43.

² Бугера Н.Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 37-38; Верховя Е.А., Грищенко А.В. Правоприменительные проблемы в вопросах склонения к употреблению наркотических средств и психотропных веществ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4 (27). С. 35; Соловьев В.С. Вербовка, вовлечение, склонение: проблемы толкования и применения уголовно-правовых терминов // Современные проблемы уголовной политики: матер. VI междунар. науч.-практ. конф. (25 сентября 2015 г.). Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2015. С. 219-223.

ядовитыми веществами», для признания преступления окончательным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, то есть совершило деяние, к которому склонялось. Тем не менее, данная позиция также не позволяет ответить на вопрос о том, какова реальная цель разграничения склонения и вовлечения. Получается, законодатель использует два понятия, обозначающих одно и то же умышленное деяние, лишь с разным моментом юридического окончания. Не ясно, почему тогда вместо склонения не использовать конструкцию покушения на вовлечение или, наоборот, вместо вовлечения сконструировать состав с использованием термина «склонение», дополнив его указанием на последствия. Например, запрет, предусмотренный ст. 151 УК РФ мог бы выглядеть так: «Склонение несовершеннолетнего к систематическому употреблению (распитию) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, к занятию бродяжничеством или попрошайничеством, повлекшее совершение им указанных действий, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Рассматриваемый подход также не проясняет смысл законодательной формулировки «склонение, вербовка или иное вовлечение». Наоборот, если считать, что вовлечение – это результативное склонение, то вовлечение следует считать видовым понятием, а склонение – родовым. Таким образом, принять обозначенную позицию не представляется возможным.

5. Вовлечение, в отличие от склонения, не предусматривает признака содержательности воздействия. В некоторых диссертационных исследованиях отмечается, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления включает в себя, помимо прочего, неконкретизированное вовлечение, т.е. психологическую обработку несовершеннолетнего, привитие ему преступного образа жизни, вербовку в ряды преступного мира, т.е. не презентацию определенной модели поведения, а формирование субъективного отношения к чему-либо или кому-либо¹. Данное толкование в большей степени соответствует

¹ См.: Иванова М.В. Ответственность и наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 28-30; Олейникова Т.А.

нормам ст.210 утратившего силу Уголовного кодекса РСФСР 1960 года «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность»¹. Ранее подобный подход был уместен, поскольку термин «преступная деятельность» допускает довольно широкое толкование. Деятельность – это специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру и самому себе, выражающаяся в целесообразном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания². Следовательно, ранее действовавший уголовный закон запрещал не только вовлечение в совершение конкретного преступления, но вовлечение в сопутствующие социальные отношения, в том числе формирование субъективного отношения к чему-либо или кому-либо. Однако это не означает, что сам по себе термин «вовлечение» может обозначать неконкретизированное побудительное воздействие. Подобное толкование бесосновательно расширило бы пределы действия запрета, в связи с чем с ним нельзя согласиться³.

6. Вовлечение, в отличие от склонения, не предусматривает признака целенаправленности и допускает косвенный умысел вовлекающего к последствиям в виде совершения вовлекаемым какого-либо деяния⁴. В силу изложенного криминализируется вредоносное поведение лица, которое, не имея цель склонить другое лицо к совершению деяния, тем не менее сознательно

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2005. С. 44; Строков А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 70; Ткаченко А.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 30; Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 92.

¹ Чучаев А.И., Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления: спорные вопросы трактовки // Российский следователь. 2006. № 9. С. 20.

² Большой энциклопедический словарь // GUFOME. Словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/bes/ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ> (дата обращения: 31.01.2023); Социологический словарь // GUFOME. Словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/social/ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ> (дата обращения: 31.01.2023).

³ См.: Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 63.

⁴ См.: Иванова М.В. Ответственность и наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 31-32.

допускает, что в результате его поведения у другого лица может сформироваться умысел на совершение данного деяния. Подобная трактовка в целом не находит явного опровержения в литературе и судебной практике. Авторы учебной литературы и комментариев при рассмотрении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, преимущественно указывают на прямой умысел¹. Однако данный вывод, вероятно, обусловлен лишь тем, что авторы в принципе не считают поведение вовлекаемого лица (совершение преступления, покушения или приготовления к преступлению) последствием с точки зрения теории уголовного права, полагают, что состав преступления формальный, и, следовательно, вообще не рассматривают возможность косвенного умысла в субъективной стороне данного состава преступления. Действительно, совместимость (сочетаемость) преступлений с формальным составом только с прямым умыслом выступает одной из технико-юридических структурных закономерностей уголовного права². Поэтому приведенные свидетельства прямого умысла не являются достаточным поводом отвергнуть рассматриваемый подход. Причина, по которой он неприемлем, заключается в другом. Детерминация поведения человека – трудная задача, решение ее, как правило, сопряжено с неопределенностью и умозрительными допущениями. Устанавливать уголовную ответственность за нецеленаправленное воздействие на поведение человека – исключительная мера. Законодатель применяет ее лишь в одном случае – при конструировании состава преступления против жизни, предусмотренного ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Это, вероятно, оправдано, с учетом характера деяния и последствий, объекта преступного посягательства, а также исчерпывающего перечня способов. Например, не так

¹ См., напр.: Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 161; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 3 т. / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 127; Уголовное право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серegiной, С.И. Улезько. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 195; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 393.

² См.: Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 52.

сложно установить причинную связь между жестоким обращением и самоубийством потерпевшего. И это действительно опасное деяние. Однако в запретах вовлечения подобные «сдерживающие» факторы отсутствуют: перечень способов во всех составах преступлений открытый, более того, в диспозиции ст. 150 УК РФ преступление, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний, не определено. Целесообразно ли возлагать уголовную ответственность на лицо, которое, например, жалуясь на тяжелое материальное положение, побудило тем самым несовершеннолетнего сына совершить кражу, не желая, но сознательно допуская такой результат? И как тогда доказывать причинную связь и наличие именно косвенного умысла, а не легкомыслия или небрежности? Подобных примеров можно смоделировать множество. Исключение признака целенаправленности из понятия «вовлечение» приведет к неконтролируемому расширению пределов уголовной ответственности, что нельзя признать допустимым¹.

7. Вовлечение, в отличие от склонения, не предусматривает признака инициативности, то есть предложение о совершении действий может исходить от вовлекаемого, а само вовлечение выражаться в укреплении решимости или предоставлении возможности действовать². Думается, подобное понимание не соответствует побудительному смыслу уголовно-правового запрета. Кроме того, следует учесть факт использования законодателем понятия «привлечение»: «привлечение к совершению преступления» (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ) «привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя» (ст. 242² УК РФ). Привлечение понимается как принятие мер к участию другого лица в соответствующем мероприятии³, использование другого лица в процессе их

¹ См.: Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 63.

² См.: Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 49.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. М., 2017. Т. 3. С. 196.

проведения¹, поиск и отбор кандидатур, подготовка к участию в соответствующем мероприятии². Именно понятие «привлечение» отражает не только склоняющее воздействие, но и фактическое предоставление возможности лицу действовать.

Следует отметить, что ни одно из приведенных предложений не нашло своего подтверждения при изучении 340 приговоров, вынесенных федеральными судами общей юрисдикции РФ в период с 01 января 2009 г. до 31 декабря 2020 г. в отношении осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

В целом, попытки обнаружить различия между склонением и вовлечением, безусловно, заслуживают внимания, однако соответствующие доктринальные предложения выглядят искусственно, поскольку усложняют толкование закона без какой-либо пользы для решения задач уголовно-правового регулирования. Это приводит к выводу о том, что реальные отличия между понятиями «склонение» и «вовлечение» отсутствуют, а их одновременное использование в уголовном законе следует считать юридико-технической ошибкой – синонимией. Подобная оценка, в свою очередь, находит подтверждение в литературе³. Устранение указанной юридико-технической ошибки предполагает, что термин «вовлечение» должен быть заменен на термин «склонение» при конструировании

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. Т. 2. С. 198.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 618; Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. М., 2014. С. 484.

³ См.: Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 113; Голоднюк М.Н., Лазарев Э.Б. Дискуссионные вопросы понятия «вовлечение» как конструктивного признака ст. 150 УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 59; Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М., 2015. С. 106; Ключенко Л.Н. К вопросу об унификации терминологии, обозначающей психическое насилие, в уголовном праве // Российский следователь. 2013. № 9. С. 27; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 755, 760; Тихонова С.С. К вопросу о соблюдении логического закона тождества при конструировании уголовно-правовых предписаний // Международные юридические чтения: сб. тр. ежегод. науч.-практ. конф. (25 апреля 2008 г.). Омск: Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 2008. С. 159; Чучаев А.И., Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления: спорные вопросы трактовки // Российский следователь. 2006. № 9. С. 21.

всех запретов в тексте уголовного закона (включая наименования статей). Например, ст. 151 УК РФ может быть поименована как «Склонение несовершеннолетнего к совершению антиобщественных действий», а диспозиция ч. 1 ст. 151 УК РФ изложена следующим образом: «1. Склонение несовершеннолетнего к систематическому употреблению (распитию) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, к занятию бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Для предписаний ст. 151², ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ это означает исключение слов «иное вовлечение».

II. Введение термина «склонение» во все запреты склоняющего воздействия.

Следующая законодательная перспектива – введение термина «склонение» во все запреты склоняющего воздействия, установленные Особенной частью УК РФ, в которых в настоящее время нет указания на родовое понятие склоняющего воздействия, а присутствуют лишь отдельные способы такого воздействия. Например, в ч. 1 ст. 147 УК РФ вместо слов «принуждение к соавторству» следует использовать слова «склонение к соавторству путем принуждения». Данный принцип изменений применим также к ст. 120, ст. 127¹ (в части вербовки), ст. 133, ст. 147 (в части принуждения к соавторству), ст. 149 (в части принуждения к участию в мероприятиях), ст. 163, ст. 179, ст. 240 (в части принуждения к продолжению занятия проституцией), в части ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 333, ст. 359 (в части вербовки) УК РФ.

Подобное правотворческое решение необходимо для того, чтобы обозначить для правоприменителя принадлежность каждого такого запрета к запретам склонения и одним термином ввести в конструкцию составов преступлений всю ранее представленную систему признаков склонения. В числе прочего, учитывая признак результативности склонения, в структуру всех таких составов преступлений должно входить общественно-опасное последствие – начало совершения склоняемым доведенной до него модели поведения. Но это

последствие не требует самостоятельного словесного отражения в диспозициях статей Особенной части УК РФ (по типу «склонение к ..., повлекшее ...»), поскольку невозможно кратко и органично для текста закона описать рассматриваемые последствия. Данный признак состава преступления необходимо выводить из самого термина «склонение» путем толкования. Следовательно, для всех составов преступлений в УК РФ, запрещающих склоняющее воздействие, унифицируется подход к определению момента юридического окончания преступлений, что в полной мере соответствует рекомендации, обозначенной Л.Л. Кругликовым: «Думается, необходимо было поставить вопрос еще резче: требуется унификация в определении момента окончания преступления, особенно при использовании законодателем отглагольных имен существительных»¹.

III. Форматирование способов совершения преступления в статьях Особенной части УК РФ.

Благодаря разработанной классификации способов склонения появляется научно обоснованная возможность отформатировать (переформулировать, сократить, полностью или частично исключить) указанные законодателем способы совершения преступления во многих статьях Особенной части УК РФ, запрещающих склоняющее воздействие.

Склонение к совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ) и вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ).

Действующим уголовным законом запрещается склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ). Перечень законодательно закрепленных способов склонения к совершению самоубийства является открытым и в большей части совпадает с перечнем

¹ Кругликов Л.Л. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики», представленную Решетниковой Д.В. на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.08) // Уголовное право. 2013. № 3. С. 120-125.

способов подстрекательства, определенных в ч. 4 ст. 33 УК РФ. Как было указано ранее, подобный примерный перечень удлиняет правовое предписание без какой-либо потенциальной пользы для применения нормы. Поскольку классификацию способов склонения предлагается в общем виде отразить в предписании ч. 4 ст. 33 УК РФ, необходимость дублировать их в ст. 110¹ УК РФ отсутствует.

Аналогичным образом подлежит исключению примерный перечень способов склоняющего воздействия («путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом») в ч. 1 ст. 151² УК РФ.

Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ).

Законодатель запрещает принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. В понятийной системе разработанной классификации подобное принуждение именуется физическим. Соответственно ч. 1 ст. 120 УК РФ может быть сформулирована так: «Склонение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное путем физического принуждения».

Тот же принцип применим к запрету, предусмотренному ст. 333 УК РФ.

Торговля людьми и наемничество (в части вербовки, ст. 127¹, 359 УК РФ).

Верховный Суд РФ под вербовкой понимает поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека; при этом для получения согласия потерпевшего могут быть использованы, например, обещание вознаграждения, шантаж, обман или злоупотребление доверием; окончена вербовка с момента получения согласия вербуемого (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека,

незаконном лишении свободы и торговле людьми»¹). Схожее и практически единогласное толкование термина «вербовка» содержится в научной литературе².

Анализ данного толкования приводит к выводу о том, что вербовка отвечает всем признакам склонения и может быть реализована различными способами (как поощрением и завлечением, так и принуждением, предостережением). Специфика вербовки заключается в склонении к выполнению какой-либо работы на временной или постоянной основе. В связи с этим целесообразно отказаться от термина «вербовка» и переформулировать соответствующие запреты с использованием термина «склонение»:

ч. 1 ст. 127¹ УК РФ: «1. Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно склонение человека к выполнению какой-либо работы в целях дальнейшей его эксплуатации, либо перевозка, передача, укрывательство или получение человека в тех же целях»;

ч. 1 ст. 359 УК РФ: «1. Склонение человека к выполнению работы в качестве наемника, либо обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях».

Понуждение к действиям сексуального характера.

Уголовный закон запрещает понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (ст. 133 УК РФ). Термин «понуждение» используется законодателем также для обозначения цели (ст. 206 УК РФ).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

² См., напр.: Егорова Л.Ю. Объективная сторона - один из важнейших признаков состава преступления - торговли людьми // Российский следователь. 2005. № 3. С. 24-25; Костенко Н.И. Роль мирового сообщества и России в противодействии торговле людьми // Международное право и международные организации. 2016. №1. С. 36; Кулакова Н.Г., Харьковский Е.Л. Ответственность за торговлю людьми по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Российский следователь. 2005. № 8. С. 39.

В первую очередь следует согласиться с мнением о синонимичности слов «понуждение» и «принуждение»¹. Каких-либо существенных интерпретационных отличий между ними установить невозможно: «Понуждение является формой психического насилия и не может быть выражено в форме обещаний предоставить какие-либо блага»². Не усматривают отличия в значении уголовно-правовых терминов «принуждение» и «понуждение» 43,3% опрошенных научных работников, 66,7% практических работников.

Синонимию следует считать юридико-техническим недостатком законодательства и по возможности принимать меры к ее устранению³. Из двух терминов для использования в тексте уголовного закона необходимо выбрать один. Слово «принуждение» очевидно более употребимо, как с точки зрения частоты использования в тексте закона, так и с точки зрения лексической универсальности – в связи с отсутствием архаично-просторечного оттенка, свойственного слову «понуждение». Следовательно, в названии и диспозиции ст. 133 УК РФ, а также в диспозиции ст. 206 УК РФ целесообразно заменить термин «понуждение» термином «принуждение»⁴.

В соответствии с действующей редакцией ст. 133 УК РФ способами понуждения к действиям сексуального характера являются шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего. Указанный перечень способов, во-первых, слишком длинный для восприятия нормативного предписания, во-

¹Зателепин О.К. Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы их квалификации // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 1. С. 2; Кобозева Т.Ю. Социально-правовая характеристика принуждения в уголовном праве России // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 78; Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций. Н. Новгород: Деком, 2008. С. 118.

² Коновалов Н.Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 217.

³ См.: Колоколов Я.Н. В поисках критериев эффективности аутентического толкования // Бюллетень нотариальной практики. 2010. № 6. С. 30; Кострова М.Б. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Уголовное право. 2001. № 4. С. 41; Кузнецова Н.Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. 1973. № 9. С. 29-33; Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций. Н. Новгород: Деком, 2008. С. 117-119.

⁴ См.: Девятковская С.В. Физическое или психическое принуждение в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. С. 9.

вторых, не распространяет запрет на некоторые общественно опасные формы понуждения к действиям сексуального характера¹. Так, понуждение к действиям сексуального характера путем реального уничтожения или сокрытия имущества формально не образует состав преступления. Кроме того, имуществом не признаются документы, которые могут представлять немалую ценность для потенциального потерпевшего (например, бухгалтерская документация, служебная отчетность, научная рукопись). Поэтому угроза уничтожения документов также не является способом совершения рассматриваемого преступления. В то же время применение подобных способов представляет не меньшую опасность, чем применение законодательно закрепленных способов² (в терминах, предлагаемых А.В. Иванчиным³, М.А. Кауфманом⁴, А.А. Максуровым⁵, – имеет место пробел в уголовном законе). С использованием разработанной классификации способов склонения появляется возможность описать объективную сторону преступления указанием на имущественное или психическое принуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера. Именно в таком виде запрет становится логически завершенным, поскольку в нем отражаются два существенных признака: 1) склонение основано на причинении вреда; 2) оно не связано с нарушением физической неприкосновенности потерпевшего – и игнорируются все несущественные признаки: за счет каких именно действий (в пределах обозначенного способа) причиняется вред или выражаются угрозы. Указанные способы охватывают уничтожение, повреждение, изъятие, сокрытие имущества принуждаемого или предметов, представляющих для него неимущественную

¹ См.: Гнилицкая Д.А. Уголовно-правовые и социокриминологические аспекты ответственности за понуждение женщины к действиям сексуального характера: статья 133 УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. С. 100.

² См.: Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 130.

³ См.: Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Проспект, 2020. С. 141.

⁴ См.: Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 71, 105

⁵ См.: Максуров А.А. Пробелы в уголовном законодательстве: теория и практика установления и устранения. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 25.

ценность, удержание причитающихся ему выплат или иное причинение имущественного ущерба, оскорбления, издевательства, распространение сведений, которые принуждаемый желает сохранить в тайне, причинение принуждаемому иного вреда, не связанного с нарушением его физической неприкосновенности, угрозы совершения всех перечисленных действий, а равным образом – аналогичные действия и угрозы в отношении близких для принуждаемого лица.

Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (в части принуждения к участию в указанных мероприятиях, ст. 149 УК РФ).

Принуждение к участию в публичных мероприятиях является преступлением, если оно совершено должностным лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия или с угрозой его применения.

Данный запрет сформулирован законодателем не вполне удачно, поскольку при буквальном его толковании не ясно, относится ли фраза «с применением насилия или с угрозой его применения» к действиям только должностного лица (наряду с использованием служебного положения) или в целом к принуждению. Исходя из п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях»¹ и доктринального толкования² преступным является как принуждение с использованием должностным лицом служебного положения, так и принуждение, осуществляемое любым лицом с применением насилия или угрозой его применения.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

² См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. С. 87; Шевелева С.В. Принуждение как общественно опасное деяние // Lex Russica. 2017. № 12. С. 75.

Соответственно запрет ч. 1 ст. 149 УК РФ может быть изложен следующим образом: «Незаконное воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них либо склонение к участию в них путем физического принуждения или путем принуждения, примененного должностным лицом с использованием своего служебного положения».

Вымогательство (ст. 163 УК РФ) и принуждение к совершению сделки (ст. 179 УК РФ).

Предписаниями ст. 163 УК РФ запрещается вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Требование является разновидностью принуждения, поскольку предполагает возможность и намерение склоняющего возложить на склоняемого в какой-либо форме ответственность за неподчинение требованию. Такое понимание не противоречит выдержкам из толковых словарей: требование – это настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме¹, настойчивая просьба, приказ², выраженная в решительной, категорической форме просьба, распоряжение³.

Обозрение законодательно закрепленных способов вымогательства позволяет утверждать, что криминообразующими для данного преступления являются все разновидности принуждения: физическое, психическое, имущественное. Однако, как и в случае с диспозицией ст. 133 УК РФ,

¹ Толковый словарь Кузнецова // GUFU.ME. Словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/требование> (дата обращения: 31.01.2023).

² Толковый словарь Ефремовой // GUFU.ME. Словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/требование> (дата обращения: 31.01.2023).

³ Толковый словарь Ожегова // GUFU.ME. Словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/требование> (дата обращения: 31.01.2023).

законодательно определенный перечень способов вымогательства чрезмерно длинный и одновременно с этим не охватывает все общественно опасные виды воздействия¹. Так, не меньшую общественную опасность представляет, например, уничтожение документов и иных неимущественных ценностей или угроза соответствующих действий.

Данный пробел может быть ликвидирован, если объективную сторону преступления описать с помощью термина «принуждение», отказавшись от перечисления его разновидностей. Это в свою очередь будет отвечать общеправовому правилу создания уголовно-правовых предписаний – «экономичность, емкость, компактность изложения нормативного материала в УК РФ»² и способствовать разрешению проблем «громоздкости» и «казуистификации» уголовно-правовых запретов³.

Таким образом, ч. 1 ст. 163 УК РФ целесообразно изложить следующим образом: «1. Вымогательство, то есть склонение к передаче чужого имущества или права на чужое имущество, либо к совершению иных действий имущественного характера путем принуждения».

Аналогичные изменения рекомендуются в ст. 179 УК РФ «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения» (ч. 1 ст. 179 УК РФ: «1. Склонение к совершению сделки или к отказу от ее совершения путем принуждения при отсутствии признаков вымогательства»).

Отказ от перечисления способов принуждения в диспозициях рассмотренных статей позволяет значительно сократить длину предписаний и одновременно повысить эффективность уголовно-правовой защиты.

¹ См.: Борисова О.В. Вымогательство и похищение документов // Уголовное право. 2017. № 1. С. 12-16.

² Хутов К.М., Поликарпова И.В. Теоретические правила создания уголовно-правовых предписаний // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 40.

³ См.: Соловьев О.Г., Гончарова Ю.О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1(55). С. 76-83.

Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (в части склонения к оказанию влияния, ст. 184 УК РФ).

Предписанием ч. 1 ст. 184 УК РФ запрещается передача спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, либо принуждение или склонение таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях. Поскольку принуждение выступает разновидностью способов склонения, указание на принуждение целесообразно исключить из ч. 1 ст. 184 УК РФ.

Принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ).

В диспозиции ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний» законодатель оставил перечень способов принуждения открытым, что, с одной стороны, выглядит предусмотрительным¹, а с другой стороны указывает на нецелесообразность существования данного перечня. При конструировании рассматриваемого запрета необходимо учитывать, что принуждение к даче показаний, осуществляемое должностными лицами правоохранительной системы, может быть законным. Например, предупреждение свидетеля об уголовной ответственности по своей сути, несомненно, является угрозой (условным психическим принуждением), однако подобная мера является законной и

¹ См.: Бакушина В.С., Рахматулин З.Р. Иные незаконные действия как признак принуждения к даче показаний: вопросы уголовно-правовой оценки // Modern Science. 2020. № 1-3. С. 28-31.

должностное лицо обязано ее применить в соответствии с процессуальными нормами. В связи с этим в диспозиции ст. 302 УК РФ следует указать именно на незаконное принуждение. Диспозиция ч. 1 ст. 302 УК РФ может иметь следующий вид: «1. Незаконное склонение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний, совершенное путем принуждения следователем, лицом, производящим дознание, или иным сотрудником правоохранительного органа, а равно другим лицом с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа».

Принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ч. 2 ст. 309 УК РФ).

Запрещенным является принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких.

В данном случае довольно странным выглядит набор предлагаемых законодателем способов совершения преступления. В числе криминообразующих фигурируют способы, относящиеся к физическому, имущественному и психическому принуждению. В то же время, как и в запретах, изложенных в ст. 133, 163, 179 УК РФ, законодатель оставил без внимания ряд способов, которые не уступают (или незначительно уступают) по своей опасности закрепленным способам. К таковым, например, относятся причинение (угроза причинения) физической боли (без вреда здоровью), уничтожение документов, иных неимущественных ценностей, угроза увольнения. Каких-либо разумных причин отказываться от включения подобных действий в число способов рассматриваемого состава преступления не усматривается. Их отсутствие – скорее, законодательный недочет, а не продуманная криминологическая мера.

Поэтому представляется целесообразным расширить «охват» способов данного состава преступления и изложить диспозицию ч. 2 ст. 309 УК РФ в следующей редакции: «2. Склонение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода путем принуждения, а равно склонение указанных лиц к уклонению от дачи показаний путем принуждения».

Таким образом, ранее предложенный набор признаков и классификация способов склонения позволяет достигнуть унификации при формулировании запретов склоняющего воздействия в Особенной части уголовного законодательства, сокращение длины соответствующих предписаний, а также добиться логической стройности и смысловой завершенности этих запретов, что в совокупности существенно повышает качество уголовного закона. Следовательно, все вновь вводимые законодателем в Особенную часть УК РФ запреты склоняющего воздействия целесообразно конструировать согласно вышеизложенным рекомендациям.

Основные выводы по параграфу

Благодаря разработке признаков и классификации способов склонения появляется возможность усовершенствовать уголовно-правовое регулирование склоняющего воздействия, что находит отражение в трех концептуальных положениях: 1) выбор склонения как единственного родового понятия для обозначения склоняющего воздействия; 2) введение термина «склонение» во все запреты склоняющего воздействия, установленные Особенной частью УК РФ, в которых в настоящее время нет указания на родовое понятие склоняющего воздействия; 3) форматирование указанных законодателем способов совершения преступления в статьях Особенной части УК РФ, запрещающих склоняющее воздействие.

Так, законодатель наряду с термином «склонение» использует в Особенной части УК РФ термин «вовлечение» для обозначения родового понятия склоняющего воздействия. Представляется верной доктринальная позиция, в соответствии с которой реальные отличия между терминами «склонение» и

«вовлечение» отсутствуют, они обозначают одно и то же понятие, а их одновременное использование в уголовном законе следует считать юридико-технической ошибкой – синонимией. Следовательно, термин «вовлечение» может быть научно обоснованно заменен на термин «склонение» во всех запретах склоняющего воздействия, содержащихся в Особенной части УК РФ. Например, ст. 151 УК РФ необходимо поименовать как «Склонение несовершеннолетнего к совершению антиобщественных действий», а диспозицию ч. 1 ст. 151 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Склонение несовершеннолетнего к систематическому употреблению (распитию) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, к занятию бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Аналогичные изменения рекомендуются ко внесению в ст. 151², ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ.

Кроме того, во все запреты склоняющего воздействия, установленные Особенной частью УК РФ, в которых нет указания на родовое понятие склоняющего воздействия, а присутствуют лишь отдельные способы такого воздействия, должен быть введен термин «склонение». Например, в ч. 1 ст. 147 УК РФ вместо слов «принуждение к соавторству» следует использовать слова «склонение к соавторству путем принуждения». Данный принцип изменений применим также к ст. 120, ст. 127¹ (в части вербовки), ст. 133, ст. 149 (в части принуждения к участию в мероприятиях), ст. 163, ст. 179, ст. 240 (в части принуждения к продолжению занятия проституцией), ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 333, ст. 359 (в части вербовки) УК РФ. Подобное правотворческое решение необходимо для того, чтобы обозначить для правоприменителя принадлежность каждого такого запрета к запретам склонения и одним термином ввести в конструкцию составов преступлений всю ранее представленную систему признаков склонения.

Благодаря разработанной классификации способов склонения появляется возможность переформулировать указанные законодателем способы совершения преступления во многих статьях Особенной части УК РФ, запрещающих

склоняющее воздействие. Например, ч. 1 ст. 133 УК РФ может быть изложена следующим образом: «1. Склонение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем имущественного или психического принуждения»; ч. 1 ст. 179 УК РФ – «1. Склонение к совершению сделки или к отказу от ее совершения путем принуждения при отсутствии признаков вымогательства». За счет предлагаемого решения, во-первых, унифицируется подход к изложению способов склоняющего воздействия в положениях Особенной части УК РФ, во-вторых, достигается экономия текста уголовного закона. Подобный принцип законодательных изменений применим также к ст. 120, ст. 127¹, ст. 149, ст. 163, ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 359 УК РФ.

Все вновь вводимые законодателем в Особенную часть УК РФ запреты склоняющего воздействия целесообразно конструировать в соответствии с изложенными рекомендациями.

§ 3. Коллизии запретов склоняющего воздействия (склонения), предусмотренных в Общей и Особенной частях действующего российского уголовного законодательства

При обращении к проблемам коллизий в уголовном праве возникает вопрос о соотношении коллизии и конкуренции запретов. Этимологическое происхождение понятий «коллизия» и «конкуренция» не позволяет обнаружить существенных различий между ними¹. Тем не менее «кардинальное отличие этих явлений друг от друга состоит в том, что если коллизия норм права, как правило, представляет собой дефект в работе законодателя, то конкуренция норм права есть необходимый способ связи норм права. Конкурирующие связи норм права являются неизбежным элементом любой системы права и существуют во всех отраслях права. Это, например, связи между нормами Особенной и Общей частей, соотношение основных и квалифицированных видов составов преступлений в

¹ См.: Гущина Н.А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы // Современное право. 2016. № 5. С. 6.

Уголовном кодексе РФ»¹. Указанный подход следует поддержать с некоторым уточнением. Конкуренция правовых норм – это «управляемое» противоречие, которое сознательно допущено законодателем, если правила его разрешения непосредственно закреплены в законе или с очевидностью следуют из смысла закона. Например, в уголовном законе непосредственно не закреплено, что конкуренция квалифицированного и особо квалифицированного состава преступления разрешается в пользу особо квалифицированного состава, а конкуренция квалифицированного и привилегированного состава преступления – в пользу привилегированного состава. Однако необходимость подобных решений продиктована очевидной логикой, поскольку в противном случае утрачивается смысл конструирования соответствующих составов преступления. Если же при допущенном законодателем противоречии (двойственности регулирования) выбор нормативно-правового предписания не очевиден, что затрудняет применение закона², имеет место коллизия. Данный подход разделяется А.Ю. Буяковым: «Юридическая коллизия – это обусловленное объективными и субъективными факторами общественного развития формальное противоречие между нормами права, порождающее трудности в правореализации... Коллизии выражаются в том, что перед правоприменительным субъектом стоит вопрос: какой из существующих правовых норм следует руководствоваться... Существование конкуренции норм обусловлено самой природой правового регулирования. Конкуренция возникает при необходимости конкретизации правовых норм, имеющих абстрактный характер к определенному виду общественных отношений»³.

Исходная проблема, рассматриваемая в настоящем параграфе, заключается в том, что в действующем законе запрет подстрекательства к совершению

¹ Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 9.

² Кузнецов А.П. Коллизии уголовного законодательства как фактор снижения его качества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 182.

³ Буяков А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7, 33, 39.

преступления (ч. 4 ст. 33 УК РФ) вступает в коллизию с отдельными запретами склонения, выраженными составами преступления в Особенной части УК РФ.

Некоторые составы преступлений создают коллизию с подстрекательством в небольшой части своего запрета. К таковым относится, например, состав вымогательства (ст. 163 УК РФ). Если субъект преступления предъявляет требования о передаче чужого имущества, заведомо не принадлежащего и адресату этих требований, то его действия могут рассматриваться как подстрекательство к хищению при условии, что им с достаточной точностью определены и осознаются признаки предлагаемого хищения. Подобные коллизии объективно присущи уголовному закону, не являются правотворческой ошибкой и относительно редко проявляются в правоприменительной практике. Устранение таких коллизий без усложнения (смысловой перегрузки) предписаний Особенной части УК РФ затруднительно и потому нецелесообразно. Однако в целях унификации и упрощения правоприменительной практики можно рекомендовать единое правило их разрешения.

Для выработки правила актуальными представляются следующие рассуждения: «Коллизия предполагает противоречие, рассогласование норм. В ситуации противоречия предписаний Особенной части предписаниям Общей части уголовного права справедливость правила о приоритетном применении именно специальной нормы (т.е. предписания Особенной части) не является уж столь однозначной. Скорее наоборот, учитывая отмеченное регулятивное воздействие предписаний Общей части на предписания части Особенной, коллизия должна разрешаться в пользу положений Общей части уголовного права»¹.

В данном утверждении спорным выглядит лишь приравнивание специальной нормы к норме Особенной части УК РФ. Действительно, в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная

¹ Жук М.С. Коллизии норм Общей и Особенной частей уголовного закона // Российский судья. 2013. № 6. С. 20.

ответственность наступает по специальной норме. Проблема применения этого предписания заключается в том, что во многих случаях при наличии коллизии норм уголовного закона нельзя однозначным образом соотнести их как общую и специальную. К таким случаям как раз относится вымогательство имущества, не принадлежащего потерпевшему от вымогательства. Нельзя утверждать, что состав вымогательства с большей точностью описывает действия субъекта, чем запрет подстрекательства к хищению в определенной форме. Нельзя утверждать и обратное. С одной стороны, состав вымогательства конкретизирует способ склоняющего воздействия, фактически сужая его до принуждения. С другой стороны, запрет подстрекательства в сочетании с составом хищения конкретизирует источник получения имущества, возраст и вменяемость склоняемого лица. Схожая проблема квалификации усматривается в случае принуждения свидетеля, достигшего 16-летнего возраста, к даче заведомо для него ложных показаний. Помимо наиболее очевидного запрета, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ, в коллизию вступает подстрекательство к даче заведомо ложных показаний (ч. 4 ст. 33 ст. 307 УК РФ).

Указанная проблема проявляется следующим образом. Квалифицируя деяние, специалист пытается соотнести нормы по системе «общая норма – специальная норма», и, если этого сделать не получается, с большой вероятностью применяет понятие идеальной совокупности (ч. 2 ст. 17 УК РФ). Так, В.В. Хилюта полагает, что в случае вымогательства имущества, не принадлежащего потерпевшему от вымогательства, имеет место не коллизия с необходимостью выбрать один запрет, а совокупность вымогательства и подстрекательства к хищению¹. Однако достаточных оснований для такого вывода не усматривается, поскольку имущественный вред в результате действий вымогателя причиняется один раз – только законному владельцу имущества. В данном случае при квалификации необходимо выбрать одну норму: ст. 163 УК

¹ См.: Хилюта В.В. Квалификация действий вымогателя и потерпевшего от вымогательства // Уголовное право. 2012. № 3. С. 68-69.

РФ или ч. 4 ст. 33 УК РФ со статьей, предусматривающей ответственность за хищение.

Поддерживая ранее приведенное утверждение М.С. Жука, рассматриваемые коллизии следует предложить разрешать в пользу подстрекательства к преступлению. С учетом данного правила, вероятно, возникнет необходимость в пересмотре некоторых санкций статей Особенной части УК РФ. Так, некорректным оказывается соотношение санкций ч. 2 ст. 309 УК РФ и ч. 1 ст. 307 УК РФ. Дача заведомо ложных показаний наказывается значительно мягче, чем принуждение к даче ложных показаний. С действием коллизионного предписания принуждение лица, достигшего 16-летнего возраста, к даче заведомо ложных показаний подлежит квалификации как подстрекательство к даче заведомо ложных показаний, что предполагает менее строгую санкцию. Подобное рассогласование санкций говорит о неадекватной оценке характера общественной опасности деяния, выраженной, по крайней мере, в одной из санкций: ст. 307 или ч. 2 ст. 309 УК РФ. Примечательно, что специалистами неоднократно и безрезультатно заявлялось о необходимости ужесточить наказание за дачу заведомо ложных показаний¹. Это не совпадение, а результат закономерности, которая заложена в самой концепции соучастия: наказуемость действий соучастников всех видов должна определяться на основе одной и той же санкции (что, однако, не препятствует индивидуализации наказания, исходя из характера и степени участия в совершении преступления). Таким образом, предлагаемое правило разрешения коллизий не порождает проблему неадекватной наказуемости, а лишь проявляет ее. Подобный результат отвечает современным требованиям по обеспечению мониторинга дефектности нормативно-правовых актов².

¹ См.: Додонов В.Н. Усилить спрос за лжесвидетельство // Законность. 2006. № 5. С. 27-28; Мищенкова И.А. Почему ст. ст. 307, 308, 309 УК РФ не работают? // Законность. 2007. № 3. С. 41-43; Новиков С.А. Наказание за лжесвидетельство: дискуссионные вопросы // Российский следователь. 2006. № 5. С. 10-12; Смолин С.В. Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо ложный донос // Российский следователь. 2009. № 9. С. 13-16.

² См.: Баранов В.М. Мониторинг дефектности нормативно-правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 79-88.

Однако несоизмеримо бóльшую проблему представляют собой составы преступлений, которые создают явную коллизию с подстрекательством в значительной части своего запрета – ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ. Согласно результатам проведенного в ходе исследования анкетирования, степень сложности интерпретации уголовно-правовых запретов, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282² УК РФ, оценивается научными специалистами как «выше среднего». По шкале от 1 до 10 данные запреты получили следующие средние баллы:

- ч. 1 ст. 205¹ УК РФ – 6,5;
- ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ – 6,6;
- ч. 1¹ ст. 212 УК РФ – 6,4;
- ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ – 6,7;
- ч. 1¹ ст. 282² УК РФ – 6,7.

Указанные составы преступлений иногда именуют специальными видами подстрекательства¹. Уголовный закон не содержит предписаний, которые бы позволяли однозначно подтвердить или опровергнуть данный вывод. И все же за неимением прямых указаний представляется правильным считать перечисленные составы преступлений самостоятельными уголовно-правовыми запретами, не связанными с подстрекательством. Поэтому такие признаки как двухсторонняя субъективная связь, особый момент юридического окончания, требование к субъектному составу, к преодолимости воздействия, присущие подстрекательству, не входят в число признаков данных запретов. Например, если лицо склоняет другое лицо, не достигшее 14-летнего возраста, к совершению террористического акта или склоняет взрослого, но путем непреодолимого принуждения, то указанные действия образуют состав преступления, предусмотренный ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, но не являются подстрекательством к террористическому акту. Однако это не означает, что подобные действия

¹ См., напр.: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: Норма, 2015. С. 101; Чучаев А.И., Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления: спорные вопросы трактовки // Российский следователь. 2006. № 9. С. 20.

не запрещены предписаниями института соучастия. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнителем признается, в том числе, лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств. Поэтому указанные действия склоняющего также образуют состав преступления, предусмотренный ст. 205 УК РФ, несмотря на то, что «действия непосредственного причинителя (невиновного агента) не имеют уголовно-правового значения и не подлежат самостоятельной оценке»¹. Таким образом, вне зависимости от того, признавать ли перечисленные выше запреты специальными видами подстрекательства или рассматривать их как автономные уголовно-правовые запреты, выраженные самостоятельными составами преступления, границы уголовно-правового запрета от их наличия в уголовном законе не изменяются. Если мысленно исключить их из системы уголовно-правового регулирования, то соответствующие деяния могут быть квалифицированы со ссылкой на Общую часть УК РФ как подстрекательство к преступлению или как опосредованное исполнение преступления.

В таком случае возникает вопрос о цели существования данных запретов в современном кодифицированном уголовном законе. С учетом принципа «невозможности дублирования норма уголовного права»² единственное обоснованное предположение сводится к тому, что законодатель стремился обеспечить назначение более строгого наказания по сравнению с тем, которое могло быть назначено при квалификации соответствующих деяний с учетом предписаний Общей части УК РФ. С точки зрения социальных потребностей подобная мера вполне оправдана³, т.к. указанные деяния действительно

¹ Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовая оценка факта совершения преступления двумя лицами // Российское правосудие. 2018. № S1. С. 168.

² Новикова Е.А. Системность оснований криминализации в уголовном праве // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки. 2017. № 5. С. 171-174.

³ См.: Лозовицкая Г.П., Лапулина Н.Н. Современные аспекты криминализации деяний террористической направленности в системе преступлений против общественной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 175-178; Черных Е.Е., Кузьменко В.С., Петрянин А.В. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направление,

представляют повышенную общественную опасность. Однако принятое правотворческое решение нельзя признать верным.

Во-первых, цель усиления уголовной репрессии зачастую не достигается. Так, изучение судебной практики приводит к выводу о том, что состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, не позволяет адекватно усилить уголовную ответственность. Данный вывод основан на изучении 68 приговоров федеральных судов Российской Федерации (Приволжский федеральный округ), вынесенных в период с 01.01.2015 до 31.12.2020. В изученных приговорах содеянное осужденным квалифицировано по совокупности преступлений – по ст. 150 УК РФ и еще одной статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление, в которое был вовлечен несовершеннолетний (далее – основное преступление). Назначенное наказание по совокупности двух преступлений сопоставлялось с санкцией статьи, предусматривающей ответственность за основное преступление:

- в 46 (68%) приговорах окончательное наказание составило $1/2$ или менее $1/2$ верхнего предела наиболее строгого вида наказания за основное преступление;

- в 5 (7%) приговорах окончательное наказание, назначенное по совокупности преступлений, составило более $1/2$, но менее $2/3$ верхнего предела наиболее строгого вида наказания за основное преступление;

- в 13 (19%) приговорах окончательное наказание, назначенное по совокупности преступлений, составило $2/3$ или более $2/3$ верхнего предела наиболее строгого вида наказания за основное преступление, но не превысило его;

- в 4 (6%) приговоре окончательное наказание, назначенное по совокупности преступлений, превысило верхний предел наиболее строгого вида наказания за основное преступление.

Похожие данные получены при обзоре судебной практики федеральных судов общей юрисдикции на территории всей РФ – 190 приговоров, вынесенных судами в период с 01 января 2009 г. по 31 декабря 2014 г.¹:

- в 107 (56%) приговорах окончательное наказание, назначенное по совокупности преступлений, составило 1/2 или менее 1/2 верхнего предела наиболее строгого вида наказания за основное преступление;

- в 45 (24%) приговорах окончательное наказание, назначенное по совокупности преступлений, составило более 1/2, но менее 2/3 верхнего предела наиболее строгого вида наказания за основное преступление;

- в 24 (13%) приговорах окончательное наказание, назначенное по совокупности преступлений, составило 2/3 или более 2/3 верхнего предела наиболее строгого вида наказания за основное преступление, но не превысило его;

- в 14 (7%) приговорах окончательное наказание, назначенное по совокупности преступлений, превысило верхний предел наиболее строгого вида наказания за основное преступление.

Абсолютно некорректной представляется наказуемость некоторых преступлений террористического характера. Согласно действующей редакции уголовного закона за подстрекательство к террористическому акту без квалифицирующих обстоятельств (ч. 1 ст. 205 УК РФ) назначается наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет; за подстрекательство к террористическому акту с квалифицирующими обстоятельствами (ч. 2 ст. 205 УК РФ) – в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет; за подстрекательство к террористическому акту с особо квалифицирующими обстоятельствами (ч. 3 ст. 205 УК РФ) – в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет или в виде пожизненного лишения свободы. Однако с учетом введенной законодателем ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ склонение другого лица к террористическому акту должно наказываться лишением свободы на срок от 8 до 15 или пожизненным лишением

¹ См.: Кокунов А.И. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: целесообразность законодательной конструкции // Приволжский научный вестник. 2015. № 8. С. 41-44.

свободы независимо от наличия или отсутствия квалифицирующих обстоятельств, указанных в ч. 2, 3 ст. 205 УК РФ. Тем самым за совершение различных по характеру общественной опасности деяний законом устанавливается одинаковое наказание. Кроме того, наказание в виде лишения свободы на определенный срок в санкции ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ менее строгое, чем предусматривает даже простая санкция ч. 1 ст. 205 УК РФ, в то же время помимо лишения свободы на определенный срок санкция ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ предусматривает пожизненное лишение свободы. Трудно предложить разумные объяснения подобному регулированию. Указанная проблема была отмечена Н.И. Сальниковой¹. Аналогичные проблемы обнаруживаются при рассмотрении санкций ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ.

Во-вторых, цель усиления уголовной репрессии может быть достигнута с помощью обычных для этого средств – корректировки санкций статей Особенной части уголовного закона и правил назначения наказания, изложенных в Общей части уголовного закона². Так, не усматривается препятствий к тому, чтобы увеличить пределы установленных видов наказания за совершение ряда преступлений в случае, если законодатель приходит к выводу о необходимости усилить уголовную репрессию. Ужесточение санкции распространится и на лиц, склоняющихся к совершению таких преступлений.

Другое эффективное правотворческое решение – формализация назначения наказания, то есть закрепление в Общей части уголовного закона правил, модифицирующих санкцию за совершение преступления, по типу предписаний ст. 62, 65, 66, 68 УК РФ. Потенциал данного метода, особенно в направлении ужесточения уголовной ответственности, законодателем в полной мере не

¹ См.: Сальникова Н.И. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем - преступление террористического характера? // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 45-47.

² См.: Гаврилов Б.Я. Об ограничении судейского усмотрения при назначении уголовного наказания // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 22; Кузнецов А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 17-18; Милюков С.Ф. Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 26-29.

реализован¹. К запретам склонения указанный метод также может быть применен. Например, законодатель в силах определить в качестве обстоятельств, отягчающих наказание – «склонение несовершеннолетнего к совершению преступления» и «склонение лица к преступлению террористического характера»; далее установить, что при наличии данных обстоятельств срок или размер наиболее строгого вида наказания не может составлять менее одной третьей части максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение данного преступления. Однако подобные изменения целесообразно реализовывать в комплексе с иными научными предложениями относительно формализации назначения наказания. В противном случае возникает вопрос о справедливости выделения только названных обстоятельств – ведь в ч. 1 ст. 63 УК РФ указано множество обстоятельств, которые, по всей видимости, представляют не меньшую общественную опасность (например, совершение преступления с особой жестокостью). Также необходимо будет разрешить вопрос о том, следует ли умножать карательный эффект при наличии в действиях подсудимого одновременно нескольких предусмотренных обстоятельств. Сформулированные выше нормы приведены лишь в целях продемонстрировать возможный путь решения проблемы, не претендуя на роль готовой законодательной меры.

В-третьих, создание подобных коллизий закономерно приводит к затруднению правоприменительной деятельности. В 2021 году автором проведен опрос 40 специалистов (научных работников в сфере уголовного права и криминологии – приложение 4), в ходе которого поставлены вопросы о квалификации действий лица, одновременно обнаруживающих признаки подстрекательства к преступлению и признаки одного из специальных составов преступлений: ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 2 ст. 361 УК РФ (5 вопросов). По каждому вопросу предложено 3 варианта ответа: 1) по статье, содержащей специальный запрет; 2) по ч. 4 ст. 33 УК РФ и соответствующей

¹ См.: Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. С. 726-771.

«основной» статье УК РФ (например, террористический акт); 3) по совокупности. Большинство специалистов (в среднем 66%) выбрало первый вариант квалификации. Однако такой показатель далек от правовой определенности. Кроме того, на последующий вопрос об оценке сложности состоявшихся пяти решений почти половина респондентов (47,5%) ответила, что они требуют проработки, и правильность их неочевидна; 37,5% респондентов ответили, что они требуют проработки, но можно прийти к однозначно верному решению; только для 15% респондентов решения дались легко как интуитивно понятные.

В целом, относительно составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ, следует отметить, что не удается найти ни одного свидетельства в научной литературе о том, что введенные законодателем нормы были действительно востребованы. В связи с этим проявляются проблемы отсутствия четкого юридического оформления идеи законопроекта¹, отсутствия убедительно сформулированной цели криминализации², а также проблема качества составления пояснительных записок к проектам федеральных законов РФ³.

¹ См.: Баранов В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 18; Баранов В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2 (134). С. 10; Баранов В.М. Идея законопроекта как средство ранней диагностики качества современного российского законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 148-151; Соловьев О.Г. Инструментарий правотворческой техники нуждается в законодательном оформлении // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 10. С. 95-98; Соловьев О.Г. О нормативном закреплении основных требований и правил законодательной техники // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4(14). С. 43-46.

² Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 116.

³ См.: Тихонова С.С. Пояснительные записки к проектам федеральных законов Российской Федерации: проблема качества составления // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. 2014. № 1-2 (18-19) С. 336-340; Тихонова С.С. Концепция уголовного закона как отражение современных направлений уголовной политики: юридико-технические требования к содержанию и оформлению в виде пояснительной записки к законопроекту // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции и перспективы: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2013. С. 233-245.

Тексты пояснительных записок к соответствующим законопроектам содержат общие суждения об общественной опасности рассматриваемых деяний и не представляют подробного обоснования, в чем именно заключается несовершенство ранее действовавшего закона и почему нельзя решить поставленные задачи с помощью традиционных средств (корректировка санкции, введение правил назначения наказания). Так, в пояснительной записке к проекту федерального закона № 230595-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму (об усилении ответственности за вовлечение в организацию и финансирование преступлений террористического характера)» в обоснование законодательных мер указано следующее: «Необходимость реализации законодательной инициативы обусловлена тем, что терроризм превратился в весьма прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым «рынком труда» и приложения капиталов, со своими правилами и моралью, не совместимыми ни с какими общечеловеческими и демократическими ценностями»¹. Несмотря на отрицательный отзыв Верховного Суда РФ², в котором указывалось на необоснованность предлагаемых мер, соответствующий закон был принят. Важный вывод был сделан в отрицательном заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ по проекту федерального закона № 97528-3 «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации (в части борьбы с терроризмом)»: «Предлагаемое проектом дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 205¹ не только создаст неоправданную конкуренцию уголовно-правовых норм, но и

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 230595-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7> (дата обращения: 31.01.2023).

² Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 3-ВС-2860/17 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7> (дата обращения: 31.01.2023).

приведет к ослаблению ответственности за рассматриваемые деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения»¹.

В то же время ущерб, причиненный системности отечественного уголовного закона, вызвал негативный отклик в научном сообществе: «Вообще, похоже, введение подобных статей осуществляется, что называется, «на злобу дня», под которое позже подводится «научное» обоснование. Появление в Особенной части УК РФ статей, диспозиции которых фактически дублируют положения ст. 33 УК РФ, применительно к определенным преступлениям делает бессмысленным существование института соучастия»². В тех или иных формулировках проблема отмечалась многими современными исследователями³.

¹ Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 05.06.2002 № 2.2-1/3335 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/97528-3> (дата обращения: 31.01.2023).

² Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 221.

³ См.: Архипова М.В., Редькина Е.А. Отражение норм института соучастия в статьях Особенной части УК РФ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 3. С. 10; Белова Н.В., Трухачев В.В. О тенденции «разбалансирования» Общей и Особенной частей уголовного закона // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов под ред. В.В. Трухачева. Воронеж, 2014. Вып. 9. С. 11-20; Волков К.А. «Нормы аватары» в уголовном законе: понятие и проблемы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). М., 2016. С. 107-108; Гладких В.И. О некоторых проблемах уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). М., 2016. С. 100-101; матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Проспект, 2020. С. 127-128; Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10, 20; Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. С. 13, 124; Тихонова С.С. Декодификация уголовного законодательства России: реальность или перспектива // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10 (77). С. 167-169; Тихонова С.С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 171-174; Трефилов А.А. Нарушение баланса между общими и специальными нормами в российском уголовном праве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). М., 2016. С. 110; Хлебушкин А.Г. Институт соучастия, кодификация уголовного закона и проблемы криминализации // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: матер. VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 237-238.

Изложенное позволяет предложить концептуальное правило¹: запреты Особенной части кодифицированного уголовного закона не должны подменять собой предписания его Общей части об ответственности за подстрекательство к совершению преступления.

Применительно к действующему уголовному закону России данное правило требует признания утратившим силу ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282² УК РФ, сокращения диспозиций ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ и ч. 1 ст. 281¹ УК РФ до слов «финансирование терроризма» и «финансирование диверсии» соответственно, а также исключению из ч. 2 ст. 361 УК РФ слов «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение». Именно эта мера является разумной и востребованной для поддержания системности отечественного уголовного закона.

¹ См.: Верина Г.В. Наука уголовного права, концепция, концептуальные основы российского уголовного законодательства: сущность и соотношение понятий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4 (117). С. 171.

Основные выводы по параграфу

Следует различать конкуренцию норм и правовые коллизии. Конкуренция правовых норм – это «управляемое» противоречие, которое сознательно допущено законодателем, если правила его разрешения непосредственно закреплены в законе или с очевидностью следуют из смысла закона. Если же при допущенном противоречии (двойственности регулирования) выбор нормативно-правового предписания не очевиден, что затрудняет применение закона, имеет место коллизия.

Запрет подстрекательства к преступлению вступает в коллизию с отдельными запретами склонения, выраженными с помощью составов преступления. Некоторые составы преступлений создают коллизию с подстрекательством только в определенной части своего запрета. Подобные коллизии объективно присущи уголовному закону, не являются правотворческой ошибкой и относительно редко проявляются в правоприменительной практике. Разрешать их целесообразно в пользу запрета подстрекательства.

Серьезную проблему представляют собой составы преступлений, которые создают коллизию с подстрекательством в значительной части своего запрета – ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ. С их помощью законодатель, вероятно, стремился обеспечить назначение более строгого наказания по сравнению с тем, которое могло быть назначено при квалификации соответствующих деяний со ссылкой на предписания Общей части УК РФ. Однако подобный подход, во-первых, зачастую не обеспечивает достижение поставленной цели, во-вторых, причиняет ущерб системности отечественного уголовного закона, в-третьих, предполагает создание коллизий и приводит к затруднению правоприменительной деятельности. Назначение более строгого наказания может быть обеспечено корректировкой санкций статей Особенной части отечественного кодифицированного уголовного закона и правил назначения наказания, изложенных в его Общей части, в том числе за счет внедрения результатов современных научных разработок по формализации назначения наказания.

Наличие в Особенной части УК РФ перечисленных составов преступлений причиняет значительный ущерб системности уголовного закона.

Запреты Особенной части кодифицированного уголовного закона не должны подменять собой предписания его Общей части об ответственности за подстрекательство к совершению преступления. Это правило требует признания утратившими силу ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282² УК РФ, сокращения диспозиций ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ и ч. 1 ст. 281¹ УК РФ до слов «финансирование терроризма» и «финансирование диверсии» соответственно, а также исключению из ч. 2 ст. 361 УК РФ слов «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующий отечественный кодифицированный уголовный закон содержит запреты склоняющего воздействия (склонения):

- запрет подстрекательства к совершению преступления, изложенный в Общей части УК РФ (ч. 4 ст. 33 УК РФ);

- 30 запретов, предусмотренных Особенной частью УК РФ, что находит отражение в ч. 1 ст. 110¹, ст. 120, ч. 1 ст. 127¹, ст. 133, ст. 147, ст. 149, ст. 150, ст. 151, ст. 151², ст. 163, ст. 179, ч. 1 ст. 184, ч. 1, 2 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ст. 221, ст. 226, ст. 229, ст. 230, ст. 230¹, ст. 240, ч. 2 ст. 242, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 333, ст. 359, ч. 2 ст. 361.

Для обозначения родового понятия склоняющего воздействия в уголовном законодательстве целесообразно использовать однокомпонентный термин «склонение». Склонение предлагается понимать как персонифицированное, ментальное, конкретизированное, инициативное, результативное побуждающее воздействие на физическое лицо в целях совершения им определенного деяния.

Склонение обладает совокупностью объективных и субъективных признаков. К объективным признакам относятся: 1) персонифицированность воздействия; 2) ментальность воздействия; 3) конкретизированность воздействия; 4) инициативность воздействия; 5) результативность воздействия. К субъективным признакам следует отнести: 1) прямой умысел; 2) специальную цель – добиться совершения склоняемым деяния в соответствии с презентуемой моделью поведения.

Способы склонения подлежат классификации. В качестве первого критерия классификации целесообразно выбрать наличие непосредственного влияния на объем благ склоняемого лица. На основе указанного критерия различается мотивирование, то есть действие склоняющего, в результате которого изменяется объем благ склоняемого, и информирование, то есть предоставление информации о варианте поведения без непосредственного влияния на объем благ склоняемого со стороны склоняющего.

Мотивирование подлежит классификации в зависимости от направленности (негативная или позитивная) на принуждение и поощрение. Принуждение основано на причинении вреда. Поощрение, напротив, основано на предоставлении каких-либо благ, то есть на вознаграждении в любой форме.

Информирование по аналогичному критерию разделяется на предостережение (негативное информирование) и завлечение (позитивное информирование). Предостережение – это информирование о том, что отказ совершить предлагаемое деяние повлечет причинение склоняемому вреда, но не со стороны склоняющего. Завлечение – это информирование о том, что совершение предлагаемого деяния выгодно склоняемому, но не в связи с вознаграждением, получаемым от склоняющего.

Принуждение, поощрение, предостережение и завлечение в зависимости от характера блага, с которым связано воздействие, может быть подразделено на физическое, имущественное или психическое.

Кроме того, принуждение и поощрение (и каждый их вид, обозначенный ранее в зависимости от характера блага) подразделяется на реальное и условное. Так, реальное принуждение – это причинение вреда в целях побудить склоняемого к совершению определенного деяния, а условное принуждение – это угроза причинения вреда в тех же целях. Соответственно, реальное поощрение – это предварительное вознаграждение, а условное поощрение – обещание вознаграждения в будущем, при условии совершения планируемого деяния.

Не являются способами склонения обман, притворное старание удержать от совершения деяния, умолчание и бездействие.

Проблемы уголовно-правового регламентирования склоняющего воздействия, которые наблюдались в кодифицированном дореволюционном и советском отечественном законодательстве, характерны и для современного уголовного закона России. Среди них необходимо отметить:

- 1) отсутствие единства терминологии, используемой для обозначения родового понятия склоняющего воздействия, а также для обозначения способов такого воздействия;

2) отсутствие унифицированного подхода к определению момента юридического окончания склоняющего воздействия;

3) наличие коллизий между запретами склоняющего воздействия, содержащимися в общей и в особенной частях кодифицированных актов уголовного законодательства.

Подстрекательство как разновидность склонения обладает рядом дополнительных признаков по сравнению с базовым понятием: 1) склонение к участию в совершении умышленного преступления; 2) юридическое окончание совместно совершаемого преступления; 3) двухсторонняя субъективная связь между подстрекателем и подстрекаемым.

При оценке подстрекательского воздействия необходимо учитывать, что преступность деяния подстрекаемого лица определяется не только диспозициями статей Особенной части УК РФ, но и иными предписаниями уголовного закона. В частности, не является подстрекательством склонение к совершению деяния при наличии для склоняемого обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе физического или психического принуждения (ст. 40 УК РФ). Воздействие, в результате которого лицо лишается объективной возможности действовать иным образом или перестает осознавать фактический характер своих действий, следует выводить за пределы понятия «принуждение». Такое лицо не совершает волевое деяние и не может нести уголовную ответственность, исходя из понятия преступления. Принуждение следует признавать непреодолимым, если в результате его применения лицо лишается субъективной возможности реализовать иной вариант поведения в силу несоответствия своих психофизиологических качеств характеру и интенсивности принуждающего воздействия.

В современной юридической литературе понятие «провокация» используется для описания различных деяний, в том числе, обладающих признаками склонения. Целесообразно выделить 2 вида провокации-склонения:

- неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой допущено

склонение лица к совершению преступления (служебная провокация преступления);

- склонение другого лица к совершению преступления, осуществляемое вне контроля со стороны правоохранительных органов в целях последующего использования факта совершения преступления во вред склоняемому лицу (частная провокация преступления).

Благодаря разработке признаков и классификации способов склонения появляется возможность усовершенствовать уголовно-правовое регулирование склоняющего воздействия, что находит отражение в трех концептуальных положениях:

1) выбор склонения как единственного родового понятия для обозначения склоняющего воздействия;

2) введение термина «склонение» во все запреты склоняющего воздействия, установленные Особенной частью УК РФ, в которых в настоящее время нет указания на родовое понятие склоняющего воздействия;

3) форматирование указанных законодателем способов совершения преступления в статьях Особенной части УК РФ, запрещающих склоняющее воздействие.

Так (относительно первого положения), законодатель наряду с термином «склонение» использует в Особенной части УК РФ термин «вовлечение» для обозначения родового понятия склоняющего воздействия. Представляется верной доктринальная позиция, в соответствии с которой реальные отличия между терминами «склонение» и «вовлечение» отсутствуют, они обозначают одно и то же понятие, а их одновременное использование в уголовном законе следует считать юридико-технической ошибкой – синонимией. Следовательно, термин «вовлечение» может быть научно обоснованно заменен на термин «склонение» во всех запретах склоняющего воздействия, содержащихся в Особенной части УК РФ. Например, ст. 151 УК РФ необходимо поименовать как «Склонение несовершеннолетнего к совершению антиобщественных действий», а диспозицию ч. 1 ст. 151 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Склонение

несовершеннолетнего к систематическому употреблению (распитию) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, к занятию бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Аналогичные изменения рекомендуются ко внесению в ст. 151², ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ.

Согласно второму положению во все запреты склоняющего воздействия, установленные Особенной частью УК РФ, в которых нет указания на родовое понятие склоняющего воздействия, а присутствуют лишь отдельные способы такого воздействия, должен быть введен термин «склонение». Например, в ч. 1 ст. 147 УК РФ вместо слов «принуждение к соавторству» следует использовать слова «склонение к соавторству путем принуждения». Данный принцип изменений применим также к ст. 120, ст. 127¹ (в части вербовки), ст. 133, ст. 149 (в части принуждения к участию в мероприятиях), ст. 163, ст. 179, ст. 240 (в части принуждения к продолжению занятия проституцией), ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 333, ст. 359 (в части вербовки) УК РФ. Подобное правотворческое решение необходимо для того, чтобы обозначить для правоприменителя принадлежность каждого такого запрета к запретам склонения и одним термином ввести в конструкцию составов преступлений всю ранее представленную систему признаков склонения.

Третье положение – благодаря разработанной классификации способов склонения появляется возможность переформулировать указанные законодателем способы совершения преступления во многих статьях Особенной части УК РФ, запрещающих склоняющее воздействие. Например, ч. 1 ст. 133 УК РФ может быть изложена следующим образом: «1. Склонение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем имущественного или психического принуждения»; ч. 1 ст. 179 УК РФ – «1. Склонение к совершению сделки или к отказу от ее совершения путем принуждения при отсутствии признаков вымогательства». За счет предлагаемого решения, во-первых, унифицируется подход к изложению способов склоняющего воздействия в положениях Особенной части УК РФ, во-

вторых, достигается экономия текста уголовного закона. Подобный принцип законодательных изменений применим также к ст. 120, ст. 127¹, ст. 149, ст. 163, ст. 302, ч. 2 ст. 309, ст. 359 УК РФ.

Все вновь вводимые законодателем в Особенную часть УК РФ запреты склоняющего воздействия целесообразно конструировать в соответствии с изложенными концептуальными рекомендациями.

Запрет подстрекательства к преступлению вступает в коллизию с отдельными запретами склонения, выраженными с помощью составов преступления. Некоторые составы преступлений создают коллизию с подстрекательством только в определенной части своего запрета. Подобные коллизии объективно присущи уголовному закону, не являются правотворческой ошибкой и относительно редко проявляются в правоприменительной практике. Разрешать их целесообразно в пользу запрета подстрекательства.

Серьезную проблему представляют собой составы преступлений, которые создают коллизию с подстрекательством в значительной части своего запрета – ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ. С их помощью законодатель, вероятно, стремился обеспечить назначение более строгого наказания по сравнению с тем, которое могло быть назначено при квалификации соответствующих деяний со ссылкой на предписания Общей части УК РФ. Однако подобный подход, во-первых, зачастую не обеспечивает достижение поставленной цели, во-вторых, причиняет ущерб системности отечественного уголовного закона, в-третьих, предполагает создание коллизий и приводит к затруднению правоприменительной деятельности. Назначение более строгого наказания может быть обеспечено корректировкой санкций статей Особенной части отечественного кодифицированного уголовного закона и правил назначения наказания, изложенных в его Общей части, в том числе за счет внедрения результатов современных научных разработок по формализации назначения наказания.

Наличие в Особенной части УК РФ перечисленных составов преступлений причиняет значительный ущерб системности уголовного закона.

Запреты Особенной части кодифицированного уголовного закона не должны подменять собой предписания его Общей части об ответственности за подстрекательство к совершению преступления. Это правило требует признания утратившим силу ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282² УК РФ, сокращения диспозиций ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ и ч. 1 ст. 281¹ УК РФ до слов «финансирование терроризма» и «финансирование диверсии» соответственно, а также исключению из ч. 2 ст. 361 УК РФ слов «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение».

Тема настоящего исследования имеет перспективы дальнейшей разработки по следующим направлениям.

Первое направление – криминологическое исследование способов склоняющего воздействия. Используя в качестве основы представленную многоуровневую классификацию способов склоняющего воздействия, можно попытаться научным путем определить, применение каких из них представляет большую или меньшую опасность – как в общем случае, так и применительно к конкретным видам преступного поведения (составам преступлений). При решении данной задачи помимо классификационных критериев уместно учитывать и диапазон интенсивности воздействия внутри каждой классификационной группы. Например, физическое принуждение может быть связано с посягательством на жизнь или здоровье, или физическую неприкосновенность принуждаемого либо его близких; имущественное принуждение – с посягательством на основные средства к существованию, жилище или иное имущество. Кроме того, имеет значение размерно-количественная характеристика воздействия (например, степень тяжести вреда здоровью, размер ущерба или вознаграждения). Указанный анализ в свою очередь позволит выработать правотворческие рекомендации по уточнению набора способов склоняющего воздействия при конструировании тех или иных составов преступлений, скорректировать наказуемость соответствующих деяний.

Второе направление – исследование проблем внутренних коллизий между уголовно-правовыми запретами организации преступления и пособничества

в совершении преступления (с одной стороны) и отдельными запретами, выраженными в Особенной части УК РФ (например, ч. 3, 4 ст. 205¹, ч. 3, 4 ст. 281¹ УК РФ). Подобная разработка методологически и концептуально может быть основана на подходах, продемонстрированных в параграфе 3 главы 2 настоящего исследования, и включать в себя в числе прочего следующие компоненты:

- построение перечня запретов Особенной части УК РФ, которые, вероятно, вступают в коллизию с запретами организации преступления и пособничества в совершении преступления;

- соотнесение объемов запретов для проверки того, является ли коллизия полной (преобладающей) или точечной (ситуационной);

- анализ причин, по которым законодатель допустил полные коллизии (при наличии таковых);

- выработка предложений по разрешению или устранению обнаруженных коллизий.

Третье направление – исследование проблем внутренних коллизий между уголовно-правовыми запретами приготовления к преступлению и покушения на преступление (с одной стороны) и отдельными запретами, выраженными в Особенной части УК РФ. В частности, определенные опасения вызывают усеченные составы преступлений, «в рамках которых оконченность преступления вообще сведена на стадии приготовления или покушения на преступление»¹ – ст. 208, 209, 210 УК РФ. Данное направление методологически также может оказаться близким к ранее указанному, однако требует проведения коллизионного анализа на основе учения о стадиях совершения преступления, с учетом криминалистического и уголовно-процессуального аспектов.

¹ Грузинская Е.И., Пронина М.П. Презумпции и фикции как средства юридической техники в уголовном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3(38). С. 322.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ**Действующие нормативно-правовые и интерпретационные акты РФ**

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 04.10.2022, № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) [Текст] // Рос. газета. – 1993. – 25 дек., Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 2022. – 06 окт. – № 0001202210060013.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СЗ РФ. – 2008. – № 24, ст. 2892.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 18.03.2023, № 82-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954; 2023. – № 12, ст. 1895.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 18.03.2023, № 81-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 52, ст. 4921; 2023. – № 12, ст. 1894.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2002 № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 19.12.2022, № 545-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 3; 2022. – № 52, ст. 9375.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (с изм. и доп. от 29.12.2022, № 592-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» [Текст] // ЗС РФ. – 1995. – № 47, ст. 4472; 2023. – № 1 (ч. I), ст. 39.

7. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2022, № 638-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] // СЗ РФ. – 1995. – № 33, ст. 3349; 2023. – № 1 (ч. I), ст. 85.

8. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2022, № 621-ФЗ) «О Следственном комитете Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2011. – № 1, ст. 15; 2023. – № 1 (ч. I), ст. 68.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (с изм. и доп. от 16.05.2017, № 17) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8; 2017. – № 7.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (с изм. и доп. от 28.10.2021, № 32) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11; 2021. – № 12.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (с изм. и доп. от 28.10.2021, № 32) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8; 2021. – № 12.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (с изм. и доп. от 03.11.2016, № 41) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4; 2017. – № 1.

13. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 № 24 (с изм. и доп. от 24.12.2019, № 59) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9; 2020. – № 3.

14. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных

с применением законодательства о публичных мероприятиях» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 8.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.

Отечественные нормативно-правовые и интерпретационные акты, утратившие силу

17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [Текст]. – СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – [4], IV, 898, XVII с.

18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов [Текст]. – Петроград, 1916. – 521 с.

19. Уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. [Текст]. – СПб., 1903. – 22 с.

20. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Текст] // СУ РСФСР. – 1922. – № 15, ст. 153.

21. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Текст] // СУ РСФСР. – 1926. – № 80, ст. 600.

22. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 [Текст] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 591.

23. Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 25.06.1974 № 2 (с изм. и доп. от 15.12.1987, № 7) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/7670/> (дата обращения 31.01.2023).

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4.

Монографии

25. Андрианов, В.К. Закономерности уголовного права: монография [Текст] / Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 344 с.

26. Арутюнов, А.А. Соучастие в преступлении: монография [Текст] / А.А. Арутюнов. – М.: Статут, 2013. – 408 с.

27. Власенко, Н.А. Язык права: монография [Текст] / Н.А. Власенко. – Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1997. – 173 с.

28. Занина, М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография [Текст] / М.А. Занина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 144 с.

29. Звечаровский, И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца: монография [Текст] / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 88 с.

30. Иванчин, А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография [Текст] / А.В. Иванчин / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2020. – 352 с.

31. Иногамова-Хегай, Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография [Текст] / Л.В. Иногамова-Хегай. – М.: Норма, 2015. – 288 с.

32. Капинус, О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: монография [Текст] / О.С. Капинус. – М.: Буквовед, 2006. – 400 с.

33. Кауфман, М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение: монография [Текст] / М.А. Кауфман. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 344 с.

34. Ковалев, М.И. Понятие «преступление» в советском уголовном праве: монография [Текст] / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1987. – 208 с.

35. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении: монография [Текст] / М.И. Ковалев. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 204 с.

36. Козлов, А.П. Понятие преступления: монография [Текст] / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 819 с.
37. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность: монография [Текст] / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
38. Козлов, А.П. Учение о стадиях преступления: монография [Текст] / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 353 с.
39. Козлов, А.П. Единичные и множественные преступления: монография [Текст] / А.П. Козлов, А.П. Севастьянов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. – 915 с.
40. Кругликов, Л.Л. Унификация в уголовном праве: монография [Текст] / Л.Л. Кругликов, Л.Е. Смирнова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 312 с.
41. Лохвицкий, А.В. Курс русского уголовного права [Текст] / А.В. Лохвицкий. – СПб.: Скоропечатная Шрейера Ю.О., 1871. – 705 с.
42. Мадьярова, А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: монография [Текст] / А.В. Мадьярова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 405 с.
43. Максуров, А.А. Пробелы в уголовном законодательстве: теория и практика установления и устранения [Текст] / А.А. Максуров. – М: РУСАЙНС, 2021. – 120 с.
44. Максуров, А.А. Уголовная ответственность за психическое насилие в России и за рубежом [Текст] / А.А. Максуров. – М: РУСАЙНС, 2023. – 82 с.
45. Маркунцов, С.А. Базовые положения теории уголовно-правовых запретов: монография [Текст] / С.А. Маркунцов. – М.: Юриспруденция, 2013. – 252 с.
46. Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении [Текст] / А.И. Марцев. – Омск: Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 2000. – 136 с.
47. Ошибки в квалификации преступлений [Текст] / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: Изд-во РГУП, 2020. 424 с.

48. Панько, К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография [Текст] / К.К. Панько. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 272 с.

49. Панько, К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве: монография [Текст] / К.К. Панько. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 312 с.

50. Шаргородский, М.Д. Вопросы общей части уголовного права (законодательство и судебная практика) [Текст] / М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 256 с.

Учебники, учебные и научно-практические пособия, комментарии

51. Власенко, Н.А. Языковые и графические средства законодательной техники [Текст] / Н.А. Власенко // Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – С. 147-163.

52. Законотворчество в Российской Федерации: науч.-практ. и учеб. пособие [Текст] / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2000. – 604 с.

53. Иванов, Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник. В 2 т. [Текст] / Н.Г. Иванов. В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2019. – Т. 1. – 559 с.

54. Иванов, Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник. В 2 т. [Текст] / Н.Г. Иванов. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 1. – 275 с.

55. Иванов, Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник. В 2 т. [Текст] / Н.Г. Иванов. В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 2. – 234 с.

56. Иванов, Н.Г. Уголовное право. Особенная часть: учебник. В 2 т. [Текст] / Н.Г. Иванов. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 1. – 383 с.

57. Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть: учебник. В 2 т. [Текст] / Н.Г. Иванов. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 2. – 241 с.

58. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. (постатейный) [Текст] / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. – М., 2015. – Т. 1. – 792 с.

59. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. (постатейный) [Текст] / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. – М., 2015. – Т. 2. – 704 с.

60. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) [Текст] / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – 912 с.

61. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – 736 с.

62. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) [Текст] / под ред. В.М. Лебедева. – М., 2017. – Т. 1. – 316 с.

63. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) [Текст] / под ред. В.М. Лебедева. – М., 2017. – Т. 2. – 371 с.

64. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) [Текст] / Под ред. В.М. Лебедева. – М., 2017. – Т. 3. – 298 с.

65. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. (постатейный) [Текст] / под ред. В.М. Лебедева. – М., 2017. – Т. 4. – 278 с.

66. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / под ред. В.М. Лебедева. 13-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – 1069 с.

67. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. [Текст] / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 10-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 1. – 248 с.

68. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. [Текст] / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 10-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 2. – 334 с.

69. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. [Текст] / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 10-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 3. – 481 с.

70. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 9-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – 995 с.

71. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 1264 с.

72. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / под ред. А.И. Чучаева. – М., 2013. – 672 с.

73. Курс российского уголовного права. Общая часть [Текст] / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001. – 767 с.

74. Курс уголовного права. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. В.Т. Томина. – М., 2016. – 815 с.

75. Маркушин, А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник [Текст] / А.Г. Маркушин. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – 306 с.

76. Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] / под ред. В.М. Лебедева. – М., 2005. – 928 с.

77. Познышев, С.В. Общая часть уголовного права [Текст] / С.В. Познышев. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1912. – 665 с.

78. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 224 с.

79. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие [Текст] / под ред. А.В. Галаховой. – М., 2014. – 736 с.

80. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1: Преступление и наказание [Текст] / под ред. А.И. Коробеева. – СПб., 2008. – Т. 1. – 1133 с.

81. Практическая энциклопедия: юридические сведения [Текст] / под ред. М.Ф. Ходасеевича, М.Н. Гернета. – М.: Книгоиздательство «Польза», 1906. – 319 с.

82. Савельев, Д.В. Соучастие в преступлении. Преступная группа: учебное пособие [Текст] / Д.В. Савельев. – Екатеринбург, 2007. – 52 с.

83. Сверчков, В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник [Текст] / В.В. Сверчков. 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2019. – 603 с.

84. Сверчков, В.В. Уголовное право: учебник [Текст] / В.В. Сверчков. 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2019. – 603 с.

85. Сверчков, В.В. Уголовное право: учебник [Текст] / В.В. Сверчков. 5-е изд.: перераб. и доп. – М., 2017. – 497 с.

86. Семернева, Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие [Текст] / Н.К. Семернева. – Екатеринбург, 2010. – 185 с.

87. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: науч.-практ. пособие [Текст] / под ред. А.В. Галаховой. – М., 2006. – 560 с.

88. Таганцев, Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. юстиции в Государственном совете и журналов - особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного совета [Текст] / Н.С. Таганцев. – СПб., 1904. – 1122 с.

89. Тихонова, С.С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций [Текст] / С.С. Тихонова. – Н.Н.: Деком, 2008. – 244 с.

90. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник [Текст] / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. – М., 2017. – 384 с.

91. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник [Текст] / под ред. Н.Г. Кадникова. – М., 2006. – 912 с.

92. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник [Текст] / под ред. А.И. Чучаева. – М., 2013. – 704 с.

93. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник [Текст] / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2015. – 1184 с.

94. Уголовное право. Общая часть: учебник. В 2 т. [Текст] / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серegiной, С.И. Улезько. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 1. – 248 с.

95. Уголовное право России. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2009. – 496 с.

96. Уголовное право России. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – 751 с.

97. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М., 2012. – 879 с.

98. Уголовное право. Особенная часть (в схемах и определениях): учебное пособие [Текст] / под ред. А.П. Кузнецова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. прав. акад., Ин-та ФСБ России, 2008. – 408 с.

99. Уголовное право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. [Текст] / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серegiной, С.И. Улезько. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 1. – 373 с.

100. Уголовное право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. [Текст] / под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серegiной, С.И. Улезько. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 2. – 442 с.

101. Уголовное право. Особенная часть: учебник. В 2 т. [Текст] / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – Т. 2. – 499 с.

102. Уголовное право: учебник. В 2 т. [Текст] / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2019. – Т. 1. – 410 с.

103. Уголовное право: учебник. В 2 т. [Текст] / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2019. – Т. 2. – 499 с.

104. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник [Текст] / под ред. А.И. Чучаева. – М., 2013. – 704 с.

105. Уголовное право России. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2019. – 704 с.

106. Уголовное право России. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. О.С. Капинус. – М., 2017. – 539 с.

107. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. В 2 т. [Текст] / под ред. О.С. Капинус. – М., 2017. – Т. 1. – 437 с.

108. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. В 2 т. [Текст] / под ред. О.С. Капинус. – М., 2017. – Т. 2. – 504 с.

109. Экономическая теория: учебник / под ред. Г.А. Маховикова, Г.М. Гукасян, В.В. Амосова. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – 443 с.

110. Юридическая техника: курс лекций / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2015. – 830 с.

Статьи в научных журналах и сборниках

111. Авдеева, М.В. Уголовно-правовая норма и уголовно-правовой запрет [Текст] / М.В. Авдеева // Законодательство и экономика. – 2012. – № 6. – С. 42-49.

112. Александров, А.С. К вопросу о сущности уголовного судопроизводства [Текст] / А.С. Александров, И.А. Александрова // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2002. – № 2. – С. 65-70.

113. Александров, А.С. Язык и судебная истина [Текст] / А.С. Александров, И.А. Александрова // Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 36-74.

114. Александрова, И.А. Связь уголовного права и уголовного судопроизводства [Текст] / И.А. Александрова, Р.А. Бостанов // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 356-357.

115. Александрова, И.А. Уголовный процесс как форма образования «уголовного права» на наказание преступника [Текст] / И.А. Александрова, А.В. Ляпунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 414-418.

116. Александрова, И.А. Ответы на вопросы уголовно-правовой догматики относительно организации противодействия преступлениям в сфере экономики [Текст] / И.А. Александрова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 3 (51). – С. 84-88.

117. Александрова, И.А. Уголовное право и политика [Текст] / И.А. Александрова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 60-65.

118. Алексеева, А.П. Некоторые направления усиления ответственности за склонение к потреблению аналогов наркотических средств или психотропных веществ [Текст] / А.П. Алексеева, О.Н. Ничуговская // Общественная

безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1. – С. 46-50.

119. Алехин, В.П. Подстрекатель в террористической деятельности [Текст] / В.П. Алехин // Общество и право. – 2008. – № 1. – С. 137-139.

120. Архипова, М.В. Отражение норм института соучастия в статьях Особенной части УК РФ [Текст] / М.В. Архипова, Е.А. Редькина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 3. – С. 10-17.

121. Арямов, А.А. К вопросу о кризисе института состава преступления в отечественном уголовном праве [Текст] / А.А. Арямов // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2020. – № 2. – С. 3-11.

122. Аюсинов, А.Е. Особенности субъективной стороны преступной провокационной деятельности [Текст] / А.Е. Аюсинов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 241-244.

123. Бабаев, М.М. Концентрация уголовной репрессии: проблемы теоретического понимания и практики воплощения [Текст] / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Научный портал МВД России. – 2011. – № 1(13). – С. 22-31.

124. Бабаев, М.М. Уголовное право как провокация: механизм и последствия [Текст] / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Научный портал МВД России. – 2013. – № 3(23). – С. 3-14.

125. Байрамкулов, А.М. О некоторых проблемах определения общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 110¹ УК РФ [Текст] / А.М. Байрамкулов, Д.А. Ковлагина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 19-23.

126. Бакушина, В.С. Иные незаконные действия как признак принуждения к даче показаний: вопросы уголовно-правовой оценки [Текст] / В.С. Бакушина, З.Р. Рахматулин // Modern Science. – 2020. – № 1-3. – С. 28-31.

127. Баранов, В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования [Текст] / В.М. Баранов // Юридическая наука и

практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 1 (17). – С. 15-29.

128. Баранов, В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление [Текст] / В.М. Баранов // Журнал российского права. – 2008. – № 2 (134). – С. 9-17.

129. Баранов, В.М. Идея законопроекта как средство ранней диагностики качества современного российского законодательства [Текст] / В.М. Баранов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 148-151.

130. Баранов, В.М. Инновационные юридические проекты в фокусе неудач (innovation failures): доктрина, практика, техника [Текст] / В.М. Баранов // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 85-100.

131. Баранов, В.М. Мониторинг дефектности нормативно-правовых актов [Текст] / В.М. Баранов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 79-88.

132. Баранов, В.М. Основные направления модернизации техники современного правотворчества в России [Текст] / В.М. Баранов // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 42-50.

133. Баранов, В.М. Гармонизация правовой системы России: концептуализация категории [Текст] / В.М. Баранов, М.А. Пшеничников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – № 1. – С. 5-21.

134. Баранов, В.М. Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества [Текст] / В.М. Баранов, В.В. Трофимов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2 (30). – С. 9-18.

135. Батыршин, И.И. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: уголовно-правовой анализ [Текст] / И.И. Батыршин, А.П. Севрюков // Антинаркотическая безопасность. – 2015. – № 2. – С. 17-20.

136. Баумштейн, А.Б. Кодификация концептуальных начал уголовного права в Уголовном уложении 1903 года [Текст] / А.Б. Баумштейн // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: матер. VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 20-23.

137. Безверхов, А.Г. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности [Текст] / А.Г. Безверхов // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 4-11.

138. Белова, Н.В. О тенденции «разбалансирования» Общей и Особенной частей уголовного закона [Текст] / Н.В. Белова, В.В. Трухачев // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. тр. – Воронеж, 2014. – С. 11-20.

139. Белоусов, С.А. Качество закона и эффективность его применения: пути преодоления негативных последствий законодательного дисбаланса [Текст] / С.А. Белоусов // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 4 (43). – С. 11-17.

140. Благов, Е.В. Об основании уголовной ответственности [Текст] / Е.В. Благов // Lex Russica. – 2019. – № 1(146). – С. 97-107.

141. Благов, Е.В. О законодательных видах соучастия в преступлении [Текст] / Е.В. Благов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 5(136). – С. 187-193.

142. Благов, Е.В. О понятии соучастника преступления [Текст] / Е.В. Благов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 9. – С. 114-123.

143. Блинов, А.Г. Понятие уголовно-правового механизма и его назначение [Текст] / А.Г. Блинов // Современное право. – 2012. – № 11. – С. 98-103.

144. Блинов, А.Г. Предупреждение преступлений и его уголовно-правовое содержание [Текст] / А.Г. Блинов // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2018. – № 1 (25). – С. 171-176.

145. Борисова, О.В. Вымогательство и похищение документов [Текст] / О.В. Борисова // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 12-16.

146. Борков, В.Н. Отграничение провокатора от подстрекателя, даже если это одно и то же лицо [Текст] / В.Н. Борков // Законность. – 2021. – № 3. – С. 46-49.

147. Бугера, Н.Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России [Текст] / Н.Н. Бугера // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3. – С. 35-40.

148. Бытко, С.Ю. О некоторых спорных вопросах соучастия [Текст] / С.Ю. Бытко, Е.В. Курочка // Правовая культура. – 2008. – № 2. – С. 122-134.

149. Бытко, Ю.И. Основание криминализации [Текст] / Ю.И. Бытко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 4 (111). – С. 189-194.

150. Бытко, Ю.И. Основание уголовной политики [Текст] / Ю.И. Бытко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2 (115). – С. 146-163.

151. Векленко, В.В. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации [Текст] / В.В. Векленко, Е.Н. Бархатова // Современное право. – 2013. – № 7. – С. 134-137.

152. Верина, Г.В. Наука уголовного права, концепция, концептуальные основы российского уголовного законодательства: сущность и соотнесение понятий [Текст] / Г.В. Верина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 4 (117). – С. 168-176.

153. Верхова, Е.А. Правоприменительные проблемы в вопросах склонения к употреблению наркотических средств и психотропных веществ [Текст] / Е.А. Верхова, А.В. Грищенко // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4 (27). – С. 34-36.

154. Волженкин, Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? [Текст] / Б.В. Волженкин // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 43-45.

155. Волеводз, А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве [Текст] / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 2. – С. 3-6.

156. Волеводз, А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма [Текст] / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 150-160.

157. Волков, К.А. «Нормы аватары» в уголовном законе: понятие и проблемы [Текст] / К.А. Волков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). – М., 2016. – С. 105-109.

158. Воронин, Ю.А. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) [Текст] / Ю.А. Воронин, В.В. Лалац // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 7 (266). – С. 44-48.

159. Гаврилов, Б.Я. К вопросу о провокации преступлений [Текст] / Б.Я. Гаврилов, С.А. Боженок // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 44-50.

160. Гаврилов, Б.Я. Об ограничении судебного усмотрения при назначении уголовного наказания [Текст] / Б.Я. Гаврилов // Российская юстиция. – 2006. – № 4. – С. 20-22.

161. Герасимов, А.М. Общественная опасность и ее значение в отрасли уголовного права [Текст] / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 4 (123). – С. 136-143.

162. Герасимов, А.М. Соотношение структурных элементов преступления и состава преступления [Текст] / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 3 (134). – С. 186-192.

163. Гладких, В.И. О некоторых проблемах уголовного законодательства [Текст] / В.И. Гладких // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). – М., 2016. – С. 98-101.

164. Голикова, А.В. Стандартизация поведения и уголовное право [Текст] / А.В. Голикова // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных

вызовов обществу: сб. тр. по матер. всерос. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (16 октября 2020 г.). – Саратов: Изд-во СГЮА, 2021. – С. 39-44.

165. Голоднюк, М.Н. Дискуссионные вопросы понятия «вовлечение» как конструктивного признака ст. 150 УК РФ [Текст] / М.Н. Голоднюк, Э.Б. Лазарев // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2009. – № 6. – С. 55-61.

166. Горенко, М.Г. К вопросу о законодательном определении подстрекателя как соучастника преступления [Текст] / М.Г. Горенко // Российский следователь. – 2022. – № 11. – С. 12-14.

167. Григорьева, Л.В. О научном подходе в уголовно-правовой оценке действий экстремистской направленности [Текст] / Л.В. Григорьева // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 99-105.

168. Григорьева, Л.В. Перспективы развития института физического и психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния [Текст] / Л.В. Григорьева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 4 (135). – С. 115-121.

169. Грузинская, Е.И. Законодательная техника в уголовном праве: основное содержание, границы понятия, значение [Текст] / Е.И. Грузинская, Д.В. Бударина // Российский правовой журнал. – 2020. – № 3(4). – С. 69-73.

170. Грузинская, Е.И. Презумпции и фикции как средства юридической техники в уголовном законодательстве [Текст] / Е.И. Грузинская, М.П. Пронина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3(38). – С. 315-323.

171. Грузинская, Е.И. Юридически-техническое оформление преступлений против мира и безопасности человечества в современном уголовном законодательстве [Текст] / Е.И. Грузинская // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 3-1. – С. 299-305.

172. Грунтов, И.О. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства и склонения к самоубийству [Текст] / И.О. Грунтов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 1. – С. 144-151.

173. Гущина, Н.А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы [Текст] / Н.А. Гущина // Современное право. – 2016. – № 5. – С. 5-8.

174. Дагель, П.С. Теоретические вопросы совершенствования уголовного законодательства [Текст] / П.С. Дагель // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1979. – С. 56-62.

175. Додонов, В.Н. Усилить спрос за лжесвидетельство [Текст] / В.Н. Додонов // Законность. – 2006. – № 5. – С.27-28.

176. Донченко, А.Г. Ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, в современных правовых системах [Текст] / А.Г. Донченко, А.А. Токарева // Lex Russica. – 2018. – № 6 (139). – С. 54-62.

177. Донченко, А.Г. Понятие и сущность сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в российском уголовном праве [Текст] / А.Г. Донченко, А.А. Токарева // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 36-42.

178. Дурманов, Н.Д. Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве [Текст] / Н.Д. Дурманов // Вопросы уголовного права. Сб. 1. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. – С. 34-35.

179. Евдокимов, К.Н. Вопросы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (ст. 280 УК РФ) [Текст] / К.Н. Евдокимов // Российский следователь. – 2022. – № 7. – С. 31-34.

180. Егорова, Н.А. Провокация взятки либо коммерческого подкупа [Текст] / Н.А. Егорова // Российская юстиция. – 1997. – № 8. – С. 26-28.

181. Жаров, С.Н. Об особенностях развития института соучастия в процессе кодификации уголовного права Российской Империи (XVIII – XIX вв.) [Текст] / С.Н. Жаров // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: матер. VIII Российского конгресса уголовного права,

состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 83-86.

182. Жук, М.С. Коллизии норм Общей и Особенной частей уголовного закона [Текст] / М.С. Жук // Российский судья. – 2013. – № 6. – С. 19-21.

183. Зателепин, О.К. Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы их квалификации [Текст] / О.К. Зателепин // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – № 1. – С. 1-4.

184. Зацепин, А.М. Дополнительная квалификация подстрекательства к преступлению [Текст] / А.М. Зацепин // Армия и общество. – 2015. – № 4. – С. 25-28.

185. Звечаровский, И.Э. Влияние неопределенности положений ст. 24 УК РФ на квалификацию преступлений (на примере ст. 263.1 УК РФ) [Текст] / И.Э. Звечаровский, А.Л. Иванов // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 22-24.

186. Иванов, В.Д. Провокация преступления [Текст] / В.Д. Иванов, В.А. Черепяхин // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 29-32.

187. Иванчин, А.В. Альтернативные, интегрированные и иные сложные составы преступлений (проблемы трактовки) [Текст] / А.В. Иванчин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2018. – № 7. – С. 29-38.

188. Иванчин, А.В. Взгляды Л.Л. Кругликова на законодательную технику – одна из «несущих конструкций» Ярославской уголовно-правовой школы [Текст] / А.В. Иванчин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. – № 9. – С. 20-31.

189. Иванчин, А.В. Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики [Текст] / А.В. Иванчин // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 15, № 3(57). – С. 370-377.

190. Иванчин, А.В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) [Текст] / А. В. Иванчин // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 123-127.

191. Иванчин, А.В. Новейшие уголовно-правовые исследования в области юридической техники: опыт критического анализа [Текст] // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2022. – № 11. – С. 14-27.

192. Иванчин, А.В. О взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права (на примере конструирования состава преступления) / А.В. Иванчин [Текст] // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2019. – № 18(18). – С. 36-43.

193. Иванчин, А.В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив [Текст] / А.В. Иванчин // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 2(48). – С. 54-58.

194. Илиджев, А.А. Юридическая природа преступления подстрекателя и их отражение в Особенной части УК РФ [Текст] / А.А. Илиджев // Юристы-Правоведь. – 2021. – № 3 (98). – С. 59-64.

195. Капинус, О.С. Законодательные подходы к ответственности за самоубийство и смежные с ним деяния в России и за рубежом [Текст] / О.С. Капинус // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сб. ст. – М., 2008. – С. 263-274.

196. Капинус, О.С. Практика Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение [Текст] / О.С. Капинус // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 12. – С. 62-70.

197. Каплин, М.Н. Самоубийство потерпевшего и дифференциация уголовной ответственности [Текст] / М.Н. Каплин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2020. – № 9. – С. 108-117.

198. Каплин, М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон [Текст] / М.Н. Каплин // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 111-115.

199. Карташов, С.В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений [Текст] / С.В. Карташов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 64-72.

200. Кашин, О.В. Подкуп как уголовно-правовой феномен: к постановке проблемы [Текст] / О.В. Кашин // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4. – С. 136-139.

201. Кашкаров, А.А. Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность [Текст] / А.А. Кашкаров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 145-151.

202. Кейдунова, Е.Р. Уголовно-правовая оценка побуждения потерпевших к аутодеструктивным действиям [Текст] / Е.Р. Кейдунова, Е.А. Мавренкова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 3 (118). – С. 123-125.

203. Кибальник, А.Г. Обстоятельства, исключающие ответственность в современном международном уголовном праве [Текст] / А.Г. Кибальник // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 124-128.

204. Клебанов, Л.Р. Неправильное представление о непреступности деяния [Текст] / Л.Р. Клебанов // Законность. – 2012. – № 2. – С. 34-39.

205. Клоченко, Л.Н. К вопросу об унификации терминологии, обозначающей психическое насилие, в уголовном праве [Текст] / Л.Н. Клоченко // Российский следователь. – 2013. – № 9. – С. 24-27.

206. Кобзева, Е.В. О физическом и психическом принуждении как обстоятельстве, исключающем преступность деяния [Текст] / Е.В. Кобзева // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-

практ. конф. (30 сентября - 1 октября 2019 г.). – Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. – С. 172-175.

207. Кобзева, Е.В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц [Текст] / Е.В. Кобзева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 4. – С. 66-72.

208. Кобозева, Т.Ю. Социально-правовая характеристика принуждения в уголовном праве России [Текст] / Т.Ю. Кобозева // Журнал российского права. – 2008. – № 9. – С. 77-83.

209. Кокунов, А.И. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: целесообразность законодательной конструкции [Текст] / А.И. Кокунов // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 8. – С. 41-44.

210. Кокунов, А.И. Классификация способов склонения к деянию [Текст] / А.И. Кокунов // Представительная власть - XXI век. – 2017. – № 5-6. – С. 28-33.

211. Кокунов, А.И. Материальный состав преступления как средство обеспечения качества уголовного закона [Текст] / А.И. Кокунов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 105-108.

212. Кокунов, А.И. Преодолимое и непреодолимое принуждение в уголовном праве: критерии разграничения [Текст] / А.И. Кокунов // Представительная власть - XXI век. – 2017. – № 2-3. – С. 19-22.

213. Колоколов, Я.Н. В поисках критериев эффективности аутентического толкования [Текст] / Я.Н. Колоколов // Бюллетень нотариальной практики. – 2010. – № 6. – С. 28-32.

214. Комиссаров, В.С. Провокационно-подстрекательская деятельность лица в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки [Текст] / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2010. – № 9. – С. 3-8.

215. Коновалов, Н.Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера [Текст] / Н.Н. Коновалов // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 216-218.

216. Коняхин, В.П. Квалификация организованной группы по объективным признакам [Текст] / В.П. Коняхин // Вестник академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4. – С. 94-100.

217. Коняхин, В.П. Система институтов Особенной части российского уголовного права и возможные перспективы ее оптимизации [Текст] / В.П. Коняхин, М.С. Жук // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 32-39.

218. Корецкий, Д.А. Уголовно-правовое законотворчество в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм [Текст] / Д.А. Корецкий // Российская юстиция. – 2022. – № 5. – С. 30-34.

219. Коровин, Е.П. Дискуссионные вопросы законодательной регламентации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни [Текст] / Е.П. Коровин, И.Л. Мармута // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 100-104.

220. Коровин, Е.П. К вопросу о моменте окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни [Текст] / Е.П. Коровин, И.Л. Мармута // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 2 (44). – С. 14-18.

221. Коровин, Е.П. Некоторые вопросы квалификации вовлечения в совершение преступлений террористического характера по субъективным признакам [Текст] / Е.П. Коровин // Современная научная мысль. – 2015. – № 2. – С. 185-191.

222. Коровин, Е.П. Некоторые теоретические и практические проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 151² УК РФ [Текст] / Е.П. Коровин // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 56-65.

223. Коровин, Е.П. Особенности субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни [Текст] / Е.П. Коровин // Российский следователь. – 2019. – № 4. – С. 31-35.

224. Коровин, Е.П. Проблемы установления признаков объекта и потерпевшего в преступлении, предусмотренном ст. 151 УК РФ [Текст] /

Е.П. Коровин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 1 (56). – С. 17-19.

225. Коровин, Е.П. Проблемные вопросы субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 151 УПК РФ [Текст] / Е.П. Коровин // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 8 (86). – С. 90-94.

226. Коровин, Е.П. О соотношении норм об уголовной ответственности за организацию террористического и экстремистского сообществ и участие в них [Текст] / Е.П. Коровин, А.Ю. Сичкаренко // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 2 (14). – С. 50-56.

227. Коротков, А.В. Внутрисемейное насилие в пределах ответственности за побои [Текст] / А.В. Коротков, Н.В. Еремина // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2. – С. 208-215.

228. Кострова, М.Б. Теоретическая модель языковой формы нового Уголовного кодекса России [Текст] / М.Б. Кострова // Lex Russica. – 2016. – Т. СІХ. – № 12. – С. 87-103.

229. Кострова, М.Б. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона [Текст] / М.Б. Кострова // Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 41-44.

230. Кочин А.А., Харламов В.С. Особенности квалификации вовлечения ребенка в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151.2 УК РФ) [Текст] / А.А. Кочин, В.С. Харламов // Российский следователь. – 2021. – № 5. – С. 60-63.

231. Кругликов, Л.Л. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики», представленную Решетниковой Д.В. на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.08) [Текст] / Л. Л. Кругликов // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 120-125.

232. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. [Текст] / В.Е. Круковский, И.Н. Мосечкин // О формах нефизического (психологического) насилия в

уголовном законодательстве России // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 165-176.

233. Крылова, Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл [Текст] / Н.Е. Крылова // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 75-82.

234. Кугушева, С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации [Текст] / С.В. Кугушева // Российский следователь. – 2005. – № 10. – С. 25-26.

235. Кузнецов, А.П. Коллизии в праве: теоретическое исследование [Текст] / А.П. Кузнецов // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 190-195.

236. Кузнецов, А.П. Коллизии уголовного и конституционного законодательства [Текст] / А.П. Кузнецов // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: матер. VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 133-138.

237. Кузнецов, А.П. Коллизии уголовного законодательства как фактор снижения его качества [Текст] / А.П. Кузнецов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 182-184.

238. Кузнецов, А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики [Текст] / А.П. Кузнецов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 1 (35). – С. 16-18.

239. Кузнецов, А.П. Уголовное право и современность [Текст] / А.П. Кузнецов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 138-144.

240. Кузнецов, В.И. К вопросу об объективной стороне склонения к потреблению наркотиков [Текст] / В.И. Кузнецов // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 4. – С. 55-64.

241. Кузнецов, В.И. Статья 230 Уголовного кодекса РФ в зеркале мнений российских юристов [Текст] / В.И. Кузнецов // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 3. – С. 55-59.

242. Кузнецова, Н.Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона [Текст] / Н.Ф. Кузнецова // Социалистическая законность. – 1973. – № 9. – С. 29-33.

243. Куманяева, Е.А. Понуждение к действиям сексуального характера [Текст] / Е.А. Куманяева // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1. – С. 242-247.

244. Кухарук, В.В. Проблемы предупреждения распространения допинга нормами уголовного и административного законодательства [Текст] / В.В. Кухарук // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 1 (126). – С. 169-178.

245. Лозовицкая, Г.П. Современные аспекты криминализации деяний террористической направленности в системе преступлений против общественной безопасности [Текст] / Г.П. Лозовицкая, Н.Н. Лапунина // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 3. – С. 175-178.

246. Лопашенко, Н.А. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания [Текст] / Н.А. Лопашенко, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов, Р.О. Долотов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 109-118.

247. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика по принципу "чего изволите?", или уголовный закон как средство решения всех проблем [Текст] / Н.А. Лопашенко // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 1. – С. 44-55.

248. Лопашенко, Н.А. Эффективность уголовного наказания: понятие, виды, критерии и показатели [Текст] // Проблемы уголовного права и криминологии: матер. выездного заседания секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию высших учебных заведений РФ (11-14 сентября 2013 г.) / отв. ред. Г.О. Петрова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – С. 59-77.

249. Ляпунов, Ю.И. Функции состава преступления [Текст] / Ю.И. Ляпунов, Л.Ю. Родина // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 44-48.

250. Макаренко, М.М. Торговля людьми: вопросы квалификации и расследования [Текст] / М.М. Макаренко, М.С. Шуваева, Ю.А. Горлова // Миграционное право. – 2021. – № 1. – С. 28-32.

251. Макаров, С.Д. Квалификация соучастия в преступлении с ненадлежащим субъектом [Текст] / С.Д. Макаров // Российский судья. – 2005. – № 8. – С. 22-25.

252. Малетина, М.А. Соотношение понятий «доведение» и «склонение» в составах о самоубийствах несовершеннолетних по российскому уголовному законодательству [Текст] / М.А. Малетина // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 95-98.

253. Малько, А.В. Глава 4. Концепция правовой политики в современной России как доктринальный документ [Текст] / А.В. Малько // Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности: монография / под общ. ред. Р.В. Пузикова, Я. Зелинского. – Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2016. – С. 83-122.

254. Маркунцов, С.А. К вопросу о видах уголовно-правовых запретов [Текст] / С.А. Маркунцов // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 13-16.

255. Маркунцов, С.А. О соотношении понятий «состав преступления» и «уголовно-правовой запрет» [Текст] / С.А. Маркунцов // Российская юстиция. 2012. – № 7. – С. 19-22.

256. Маркунцов, С.А. О соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма» [Текст] / С.А. Маркунцов // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 122-129.

257. Мацкевич, И.М. Риски запретительного законотворчества [Текст] / И.М. Мацкевич // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 540-544.

258. Милюков, С.Ф. Неоконченное преступление: определение понятия и его толкование [Текст] / С.Ф. Милюков, Т.Н. Дронова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2008. – № 1 (3). – С. 102-114.

259. Милюков, С.Ф. Новейшая литература об уголовной ответственности за неоконченное преступление и нормативных основаниях добровольного отказа от него [Текст] / С.Ф. Милюков, Т.Н. Дронова // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 1 (7). – С. 201-219.

260. Милюков, С.Ф. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него [Текст] / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 4 (40). – С. 45-53.

261. Милюков С.Ф. О некоторых параметрах современной уголовно-правовой политики [Текст] / С.Ф. Милюков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 2. – С. 190-196.

262. Мирозян, В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступлений в УК РФ и зарубежных стран [Текст] / В.Г. Мирозян // Общество и право. – 2009. – № 4. – С. 142-145.

263. Мирозян, В.Г. Основания уголовной ответственности за подстрекательство к совершению преступлений [Текст] / В.Г. Мирозян // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 179-182.

264. Мищенко, И.А. Почему ст. ст. 307, 308, 309 УК РФ не работают? [Текст] / И.А. Мищенко // Законность. – 2007. – № 3. – С. 41-43.

265. Морозов, А.И. Проблемы толкования и применения статьи 150 УК РФ [Текст] / А.И. Морозов // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 54-59.

266. Мусеилов, А.Г. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: особенности правового регулирования и квалификации [Текст] / А.Г. Мусеилов, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2022. – № 7. – С. 56-60.

267. Набоков, В.Д. Уголовная ответственность агента-провокатора [Текст] / В.Д. Набоков // Еженедельная юридическая газета «Право». – 1909. – № 7. – С. 426-435.

268. Нагаева, Т.И. Общий и специальный виды подстрекательства к совершению преступления [Текст] / Т.И. Нагаева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 4. – С. 98-104.

269. Незнамова, З.А. Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм [Текст] / З.А. Незнамова // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 86-92.

270. Новиков, С.А. Наказание за лжесвидетельство: дискуссионные вопросы [Текст] / С.А. Новиков // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 10-12.

271. Новикова, Е.А. Системность оснований криминализации в уголовном праве [Текст] / Е.А. Новикова // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки. – 2017. – № 5. – С. 171-174.

272. Нуркаева, Т.Н. Спорные вопросы толкования нормы об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства [Текст] / Т.Н. Нуркаева, М.А. Артамонова // Научный портал МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 16-22.

273. Нуркаева, Т.Н. Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ: проблемы квалификации и совершенствования законодательства [Текст] / Т.Н. Нуркаева // Вестник Башкирского университета социальных технологий. – 2009. – № 3. – С. 67-72.

274. Ображиев, К.В. Правила квалификации преступлений: тенденции и перспективы развития [Текст] / К.В. Ображиев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 168-172.

275. Ображиев, К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы [Текст] / К.В. Ображиев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. – Т. 2, № 1. – С. 89-96.

276. Ображиев, К.В. Теории соучастия в преступлении и их учет при квалификации деяний соучастников [Текст] / К.В. Ображиев // Уголовная политика и культура противодействия преступности: матер. междунар. науч.-практ. конф. (30 сентября 2016 г.). – Т. 1. – Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2016. – С. 80-88.

277. Остапенко, Т.Ю. Особенности понуждения к действиям сексуального характера [Текст] / Т.Ю. Остапенко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 12. – С. 133-136.

278. Палий, В.В. Соучастие особого рода (*sui generis*): понятие, сущность и основные черты [Текст] / В.В. Палий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10 (98). – С. 81-88.

279. Панько, К.К. Ошибки конструирования и оформления уголовно-правовых запретов [Текст] / К.К. Панько // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Трухачева. – Воронеж, 2014. – Вып. 9. – С. 149-164.

280. Петрянин, А.В. Внутриотраслевые коллизии как следствие реализации ряда новаторских направлений современной уголовной политики [Текст] / А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3. – С. 203-208.

281. Петрянин, А.В. Особенности систематизации и унификации уголовного законодательства [Текст] / А.В. Петрянин // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2016. – № 1(6). – С. 127-130.

282. Петрянин, А.В. Уголовная политика Российской Федерации в области противодействия экстремизму [Текст] / А.В. Петрянин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2(82). – С. 245-250.

283. Питецкий, В.В. Неудавшееся соучастие в преступлении [Текст] / В.В. Питецкий // Российская юстиция. – 2003. – № 4. – С. 51.

284. Плаксина, Т.А. Неудавшееся подстрекательство [Текст] / Т.А. Плаксина // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 46-51.

285. Поляков, А.В. Что есть право? [Текст] / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 6 (305). – С. 199-209.

286. Попова, С.А. Генезис юридической техники: понятие, приемы, средства и конструкции [Текст] / С.А. Попова, Е.И. Грузинская // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 4-1. – С. 360-368.

287. Попова, С.А. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) [Текст] / С. А. Попова, Е.И. Грузинская // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 5-1. – С. 43-50.

288. Пудовочкин, Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 19. – С. 4-8.

289. Пудовочкин, Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2018. – № 8(260). – С. 102-112.

290. Пудовочкин, Ю.Е. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Российское правосудие. – 2018. – № 9. – С. 14-23.

291. Пудовочкин, Ю.Е. Понятие уголовно-правового запрета и проблемы его социально-криминологической обусловленности [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Современные проблемы уголовной политики: матер. III междунар. науч.-практ. конф. (28 сентября 2012 г.) / под ред. А.Н. Ильяшенко. Т. 1. – Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2012. – С. 152-167.

292. Пудовочкин, Ю.Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 1. С. 110-125.

293. Пудовочкин, Ю.Е. Уголовная политика и уголовное право сильного государства / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 2(147). – С. 131-144.

294. Пудовочкин, Ю.Е. Уголовно-правовая оценка факта совершения преступления двумя лицами [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Российское правосудие. – 2018. – № S1. – С. 163-177.

295. Пучнина, М.Ю. Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ст. 110-110² УК РФ [Текст] / М.Ю. Пучнина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 296-300.

296. Рабаданов, А.С. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния [Текст] / А.С. Рабаданов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2011. – № 4. – С. 114-119.

297. Разгильдиев, Б.Т. Некоторые аспекты уголовной ответственность лиц, использующих гипноз, как способ совершения преступления [Текст] / Б.Т. Разгильдиев, А.Б. Дзаурова, А.Д. Ситникова // Аллея Науки. – 2017. – Т. 2. – № 9. – С. 717-720.

298. Разгильдиев, Б.Т. Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Право. Законодательство. Личность. – 2014. – № 2 (19). – С. 116-122.

299. Радачинский, С.Н. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния [Текст] / С.Н. Радачинский // Уголовное право. – 2009. – № 2. – С. 64-69.

300. Радачинский, С.Н. Юридическая природа провокации преступления [Текст] / С.Н. Радачинский // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 59-63.

301. Ровнейко, В.В. Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения [Текст] / В.В. Ровнейко // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2015. – № 2-2. – С. 144-147.

302. Ролик, А.И. Уголовная ответственность за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ [Текст] / А.И. Ролик // Наркоконтроль. – 2011. – № 3. – С. 2-6.

303. Саблина, М.А. Посредственный исполнитель в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации [Текст] / М.А. Саблина // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 41-44.

304. Савинков, А.А. Некоторые меры предупреждения преступности, связанной со склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [Текст] / А.А. Савинков // Российский следователь. – 2018. – № 10. – С. 65-69.

305. Сальников, А.В. Некоторые вопросы установления пределов вменения при соучастии [Текст] / А.В. Сальников, В.Ф. Щепельков // Криминалистика. – 2010. – № 1 (6). – С. 3-7.

306. Сальникова, Н.И. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем – преступление террористического характера? [Текст] / Н.И. Сальникова // Журнал российского права. – 2004. – № 11. – С. 40-47.

307. Саркисян, В.Г. К вопросу о моменте окончания подстрекательства к совершению преступления [Текст] / В.Г. Саркисян // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3-6. – С. – 102-105.

308. Сергеев, Д.Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования [Текст] / Д.Н. Сергеев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 1. – С. 125-133.

309. Серебряков, А.В. К вопросу об обмане как способе вовлечения в совершение преступлений террористического характера [Текст] / А.В. Серебряков // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 129-132.

310. Сквозников, А.Н. О свободе воли и способности к вменению в российской юридической науке в XIX – начале XX веков [Текст] / А.Н. Сквозников // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 87-92.

311. Смолин, С.В. Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо ложный донос [Текст] / С.В. Смолин // Российский следователь. – 2009. – № 9. – С. 13-16.

312. Соловьев, В.С. Вербовка, вовлечение, склонение: проблемы толкования и применения уголовно-правовых терминов [Текст] / В.С. Соловьев // Современные проблемы уголовной политики: матер. VI междунар. науч.-практ. конф. (25 сентября 2015 г.). – Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2015. – С. 219-223.

313. Соловьев, О.Г. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе [Текст] / О.Г. Соловьев, Ю.О. Гончарова // Вестник Ярославского государственного

университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 15, № 1 (55). – С. 76-83.

314. Соловьев, О. Г. Инструментарий правотворческой техники нуждается в законодательном оформлении [Текст] / О.Г. Соловьев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 10. – С. 95-98.

315. Соловьев, О.Г. К вопросу об интерпретационной технике в уголовном праве [Текст] / О.Г. Соловьев // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1(27). – С. 45-48.

316. Соловьев, О.Г. О нормативном закреплении основных требований и правил законодательной техники / О.Г. Соловьев // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 4(14). – С. 43-46.

317. Соловьев, О.Г. Техника применения уголовного права: к вопросу о содержании и границах понятия [Текст] / О.Г. Соловьев // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 2(12). – С. 30-33.

318. Солодовникова, С.В. Проблемные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» [Текст] / С.В. Солодовникова // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 205-213.

319. Соломоненко, И.Г. Соучастие в исполнении незаконного приказа [Текст] / И.Г. Соломоненко // Российская юстиция. – 2000. – № 5. – С. 40-41.

320. Сулейманова, С.Т. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте [Текст] / С.Т. Сулейманова // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 3. – С. 72-78.

321. Сынтин, А.В. К вопросу о целесообразности использования термина «склонение» в статье 230¹ Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] /

А.В. Сынтин // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 433-444.

322. Теслицкий, И.В. Преодолимость психического принуждения и уголовная ответственность [Текст] / И.В. Теслицкий, Е.Г. Луценко // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 151-153.

323. Теслицкий, И.В. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию [Текст] / И.В. Теслицкий // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 50-53.

324. Тихонова, С.С. Декодификация уголовного законодательства России: реальность или перспектива [Текст] / С.С. Тихонова // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 10 (77). – С. 167-169.

325. Тихонова, С.С. К вопросу о соблюдении логического закона тождества при конструировании уголовно-правовых предписаний [Текст] / С.С. Тихонова // Международные юридические чтения: сб. матер. ежегод. науч.-практ. конф. (25 апреля 2008 г.). – Омск: Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 2008. – С. 156-159.

326. Тихонова, С.С. Модель санкций за преступления определенной категории в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы [Текст] / С.С. Тихонова, И.А. Киселева, Я.В. Фроловичев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 130-134.

327. Тихонова, С.С. Концепция уголовного закона как отражение современных направлений уголовной политики: юридико-технические требования к содержанию и оформлению в виде пояснительной записки к законопроекту [Текст] / С.С. Тихонова // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции и перспективы: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2013. – С. 233-245.

328. Тихонова, С.С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ [Текст] / С.С. Тихонова // Юридическая

наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 171-174.

329. Тихонова, С.С. Оценка криминальной ситуации в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: влияние на результат делегированного толкования уголовного закона [Текст] / С.С. Тихонова // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование; Академия генеральной прокуратуры РФ, Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры. – М., 2009. – С. 294-306.

330. Тихонова, С.С. Пояснительные записки к проектам федеральных законов Российской Федерации: проблема качества составления [Текст] / С.С. Тихонова // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. – 2014. – № 1-2 (18-19). – С. 336-340.

331. Тищенко, А.В. Провокация и необходимость ее закрепления в уголовном законодательстве России как обстоятельства, смягчающего наказание [Текст] / А.В. Тищенко // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 8. – С. 165-168.

332. Травников, А.В. Актуальные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления [Текст] / А.В. Травников // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 3 (82). – С. 194-199.

333. Травников, А.В. Вовлечение в преступления экстремистской направленности [Текст] / А.В. Травников // Российский судья. – 2021. – № 9. – С. 38-43.

334. Травников, А.В. Вовлечение как конститутивный признак объективной стороны: понятие и классификация [Текст] / А.В. Травников // Российский следователь. – 2021. – № 8. – С. 51-56.

335. Трайнин, А.Н. Некоторые вопросы учения о соучастии [Текст] / А.Н. Трайнин // Социалистическая законность. – 1957. – № 2. – С. 21-29.

336. Трефилов, А.А. Нарушение баланса между общими и специальными нормами в российском уголовном праве [Текст] / А.А. Трефилов // Уголовное

право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). – М., 2016. – С. 109-111.

337. Уколова, Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства [Текст] / Ю.А. Уколова // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 18-21.

338. Устинова, Т.Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ [Текст] / Т.Д. Устинова // Lex Russica. – 2020. – № 3 (160). – С. 151-159.

339. Устинова, Т.Д. Содействие террористической деятельности: проблемы правоприменения и законодательной конструкции [Текст] / Т.Д. Устинова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 1 (19). – С. 55-61.

340. Ушаков, А.А. О методике юридической техники: к вопросу о принципах и приемах изучения [Текст] / А.А. Ушаков // Ученые записки Пермского университета. – 1963. – № 104. – С. 102-108.

341. Федоров, А.В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга [Текст] / А.В. Федоров // Российский следователь. – 2017. – № 11. – С. 38-43.

342. Хилюта, В.В. Квалификация действий вымогателя и потерпевшего от вымогательства [Текст] / В.В. Хилюта // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 66-70.

343. Хлебушкин, А.Г. Институт соучастия, кодификация уголовного закона и проблемы криминализации [Текст] / А.Г. Хлебушкин // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: матер. VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 236-239.

344. Хутов, К.М. Теоретические правила создания уголовно-правовых предписаний [Текст] / К.М. Хутов, И.В. Поликарпова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – С. 39-42.

345. Цепелев, В.Ф. Уголовное право и уголовная политика: соотношение и взаимодействие [Текст] / В.Ф. Цепелев // Уголовное право: стратегия развития в

XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). – М., 2016. – С. 8-11.

346. Цыркалюк, А.А. О природе доведения до самоубийства [Текст] / А.А. Цыркалюк // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 249-251.

347. Цыркалюк, А.А. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства [Текст] / А.А. Цыркалюк // Российский следователь. – 2011. – № 3. – С. 35-37.

348. Черепяхин, В.А. Некоторые проблемы понятия провокации [Текст] / В.А. Черепяхин // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 3 (51). – С. 224-229.

349. Черных, Е.Е. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направление, перспективы [Текст] / Е.Е. Черных, В.С. Кузьменко, А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 159-164.

350. Честнов, И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме [Текст] / И.Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 3 (284). – С. 22-30.

351. Чечель, Г.И. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом [Текст] / Г.И. Чечель, Л.В. Седых // Уголовное право. – 2009. – № 3. – С. 54-57.

352. Чумакова, И.И. Доведение до самоубийства: особенности субъективной стороны [Текст] / И.И. Чумакова // *Ius Publicum et Privatum*. – 2020. – № 1 (6). – С. 30-33.

353. Чучаев, А.И. Вовлечение в совершение преступления: спорные вопросы трактовки [Текст] / А.И. Чучаев, В.В. Палий // Российский следователь. – 2006. – № 9. – С. 20-23.

354. Шалагин, А.Е. Ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [Текст] / А.Е. Шалагин // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8-2. – С. 210-213.

355. Шарапов, Р.Д. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет [Текст] / Р.Д. Шарапов, М.П. Дидрих // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 6. – С. 81-90.

356. Шевелева, С.В. Границы свободы воли человека при психическом принуждении в виде гипноза [Текст] / С.В. Шевелева // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч.-практ. конф. – Курск: Изд-во ЮЗГУ, 2015. – С. 87-91.

357. Шевелева, С.В. Непреодолимая сила в уголовном праве [Текст] / С.В. Шевелева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 7 (50). – С. 112-118.

358. Шевелева, С.В. О понимании свободы воли в современной уголовно-правовой науке [Текст] / С.В. Шевелева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8-1 (46). – С. 210-212.

359. Шевелева, С.В. О понятии «принуждение» в уголовном праве России [Текст] / С.В. Шевелева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2011. – № 2. – С. 61-64.

360. Шевелева, С.В. О способах юридической фиксации преступного принуждения в уголовном законодательстве [Текст] / С.В. Шевелева // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – № 1 (70). – С. 171-176.

361. Шевелева, С.В. Принуждение как общественно опасное деяние [Текст] / С.В. Шевелева // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 12 (133). – С. 68-83.

362. Шевелева, С.В. Проекция психологических конструкций на толкование свободы воли в уголовном праве [Текст] / С.В. Шевелева // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 385. – С. 144-148.

363. Шевелева, С.В. Свобода воли в истории кодификаций уголовного законодательства (XIX – начало XX в.) [Текст] / С.В. Шевелева // Проблемы

кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: матер. VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 133-138.

364. Шевелева, С.В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления [Текст] / С.В. Шевелева // Lex Russica. – 2014. – № 7. – С. 853-861.

365. Шевелева, С.В. Свобода воли и соучастие в преступлении [Текст] / С.В. Шевелева // Современное общество и право. – 2014. – № 1 (14). – С. 39-45.

366. Шевелева, С.В. Свобода воли и субъективные признаки состава преступления [Текст] / С.В. Шевелева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3 (40). – С. 423-433.

367. Шевелева, С.В. Уголовно-правовое значение субъективного элемента свободы воли [Текст] / С.В. Шевелева // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11 (60). – С. 159-165.

368. Шевелева, С.В. Юридическое значение свободы воли потерпевшего [Текст] / С.В. Шевелева // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (56). – С. 243-251.

369. Шеслер, А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении [Текст] / А.В. Шеслер // Lex Russica. – 2015. – № 6. – С. 30-38.

370. Шкабкин, Г.С. Понятие провокации преступления и провокации взятки в законодательстве и судебной практике [Текст] / Г.С. Шкабкин // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. – М., 2015. – С. 239-243.

371. Шумихин, В.Г. Квалификация провокации отдельных преступлений [Текст] / В.Г. Шумихин // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 2 (28). – С. 142-147.

372. Шумихин, В.Г. Невинное причинение вреда [Текст] / В.Г. Шумихин // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 72-74.

373. Щепельков, В.Ф. Формально-логическая экспертиза уголовного закона [Текст] / В.Ф. Щепельков // Уголовное право. – 2001. – № 3. – С. 51-54.

374. Щукин, А.М. О совершенствовании законодательства об ответственности за склонение к потреблению наркотических веществ, психотропных веществ или их аналогов [Текст] / А.М. Щукин // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2014. – № 1 (2). – С. 16-20.

375. Яни, П.С. «Проверка на честность» или уголовно-правовые основания выявления взяточничества [Текст] / П.С. Яни // Законность. – 2007. – № 1. – С. 32-37.

Диссертации и авторефераты диссертаций

376. Абакаров, З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / З.А. Абакаров. – Саратов, 2006. – 205 с.

377. Александрова, И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И.А. Александрова. – Н. Новгород, 2016. – 60 с.

378. Безбородов, Д.А. Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Д.А. Безбородов. – СПб., 2007. – 56 с.

379. Буяков, А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А.Ю. Буяков. – Саратов, 1999. – 227 с.

380. Васюков, В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Васюков. – СПб., 2008. – 18 с.

381. Веселов, Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Г. Веселов. – Краснодар, 2002. – 198 с.

382. Воскресенский, К.А. Юридическая техника: частные вопросы совершенствования уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / К.А. Воскресенский. – СПб., 2008. – 209 с.

383. Гнилицкая, Д.А. Уголовно-правовые и социокриминологические аспекты ответственности за понуждение женщины к действиям сексуального

характера: статья 133 УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.А. Гнилицкая. – Ростов-на-Дону, 2011. – 210 с.

384. Гузеева, О.С. Системообразующие конституционные основы уголовного права России и механизмы их реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / О.С. Гузеева. – М., 2022. – 48 с.

385. Девятковская, С.В. Физическое или психическое принуждение в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Девятковская. – Ростов-на-Дону, 2011. – 183 с.

386. Дударенко, В.В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Дударенко. – Екатеринбург, 2017. – 24 с.

387. Зарипов, В.Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Г. Зарипов. – М., 2007. – 20 с.

388. Елизаров, И.Е. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205¹ УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Е. Елизаров. – М., 2003. – 21 с.

389. Иванова, М.В. Ответственность и наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.В. Иванова. – Волгоград, 2004. – 201 с.

390. Калугин, В.В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Калугин. – М., 2001. – 151 с.

391. Кобозева, Т.Ю. Преступное принуждение как уголовно-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т.Ю. Кобозева. – М., 2011. – 26 с.

392. Коровин, Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.П. Коровин. – Ростов-н/Д, 2008. – 216 с.

393. Малышева, И.В. Законотворческий риск: понятие, виды, детерминация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Малышева. – Владимир, 2007. – 25 с.

394. Маршакова, Н.Н. Классификация в Российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладной анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.Н. Маршакова. – Н. Новгород, 2006. – 30 с.

395. Мастерков, А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Мастерков. – Владивосток, 2000. – 31 с.

396. Мкртычян, Б.А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Б.А. Мкртычян. – Челябинск, 2003. – 30 с.

397. Нагаева, Т.И. Формы и виды преступного деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Т.И. Нагаева. – М., 2012. – 51 с.

398. Олейникова, Т.А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т.А. Олейникова. – Ростов-н/Д, 2005. – 166 с.

399. Осипьян, А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Осипьян. – Ростов-н/Д, 2004. – 26 с.

400. Палий, В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Палий. – М., 2006. – 188 с.

401. Радачинский, С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / С.Н. Радачинский. – Н. Новгород, 2011. – 51 с.

402. Рыжов, Р.С. Уголовная ответственность соучастников преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р.С. Рыжов. – Рязань, 2003. – 24 с.

403. Сандаковский, Н.А. Уголовно-правовая оценка провокации взятки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.А. Сандаковский. – Барнаул, 2010. – 18 с.

404. Строков, А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Строков. – Н. Новгород. – 2009. – 195 с.

405. Субачев, А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток [Текст] / А.К. Субачев. – 2018. – 215 с.

406. Ткаченко, А.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Ткаченко. – М., 2000. – 224 с.

407. Уколова, Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ю.А. Уколова. – М., 2008. – 24 с.

408. Цыркалюк, А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Цыркалюк. – М., 2011. – 23 с.

409. Чевычелов, В.В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Чевычелов. – Н. Новгород, 2005. – 180 с.

410. Шевелева, С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / С.В. Шевелева. – М., 2015. – 403 с.

411. Шевченко, Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дис... канд. юрид. наук [Текст] / Н.П. Шевченко. – Ставрополь, 2003. – 206 с.

412. Эльмурзаев, Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.И. Эльмурзаев. – М., 2004. – 27 с.

Материалы правоприменительной практики

413. Постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2005 «Дело «Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 7.

414. Постановление Европейского суда по правам человека от 26.10.2006 «Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00) [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 11.

415. Постановление Европейского суда по правам человека от 04.11.2010 «Дело «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) [Текст] // Российская хроника Европейского Суда. – 2011. – № 4.

416. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 года) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 10.

417. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 9.

418. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 604П04пр [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.

419. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2000 № 1048п2000пр [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 8.

420. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2000 № 740п99 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 8.

421. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 08.06.1946 [Текст] // Судейская практика Верховного Суда СССР, 1946. – М., 1948. – Вып. 6 (XXX).

422. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 31.10.2018 № 85-АПУ18-4СП [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=562115#008947606158327726> (дата обращения: 31.01.2023).

423. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.07.2015 № 30-АПУ15-6 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=434469#043610380805950744> (дата обращения: 31.01.2023).

424. Определение Верховного Суда РФ от 11.12.2007 по делу № 89-Д07-32 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=235040#03616605059307261> (дата обращения: 31.01.2023).

425. Определение Верховного Суда РФ от 11.09.2007 № 11-Д07-93 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=236396#006839668270966959> (дата обращения: 31.01.2023).

426. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.03.2005 № 83-О05-5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=247349#06918529404266021> (дата обращения: 31.01.2023).

427. Определение Верховного Суда РФ от 11.09.2007 № 11-Д07-93 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=236396#09229226826767756> (дата обращения: 31.01.2023).

428. Определение Верховного Суда РФ от 18.05.2006 № 35-о06-14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=30046#0> (дата обращения: 31.01.2023).

429. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.03.2005 № 83-О05-5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=247349#00027472269461241705> (дата обращения: 31.01.2023).

430. Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 по делу № 44-У-43 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=124728#003358338451373899> (дата обращения: 31.01.2023).

Электронные ресурсы

431. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.vsrfr.ru>

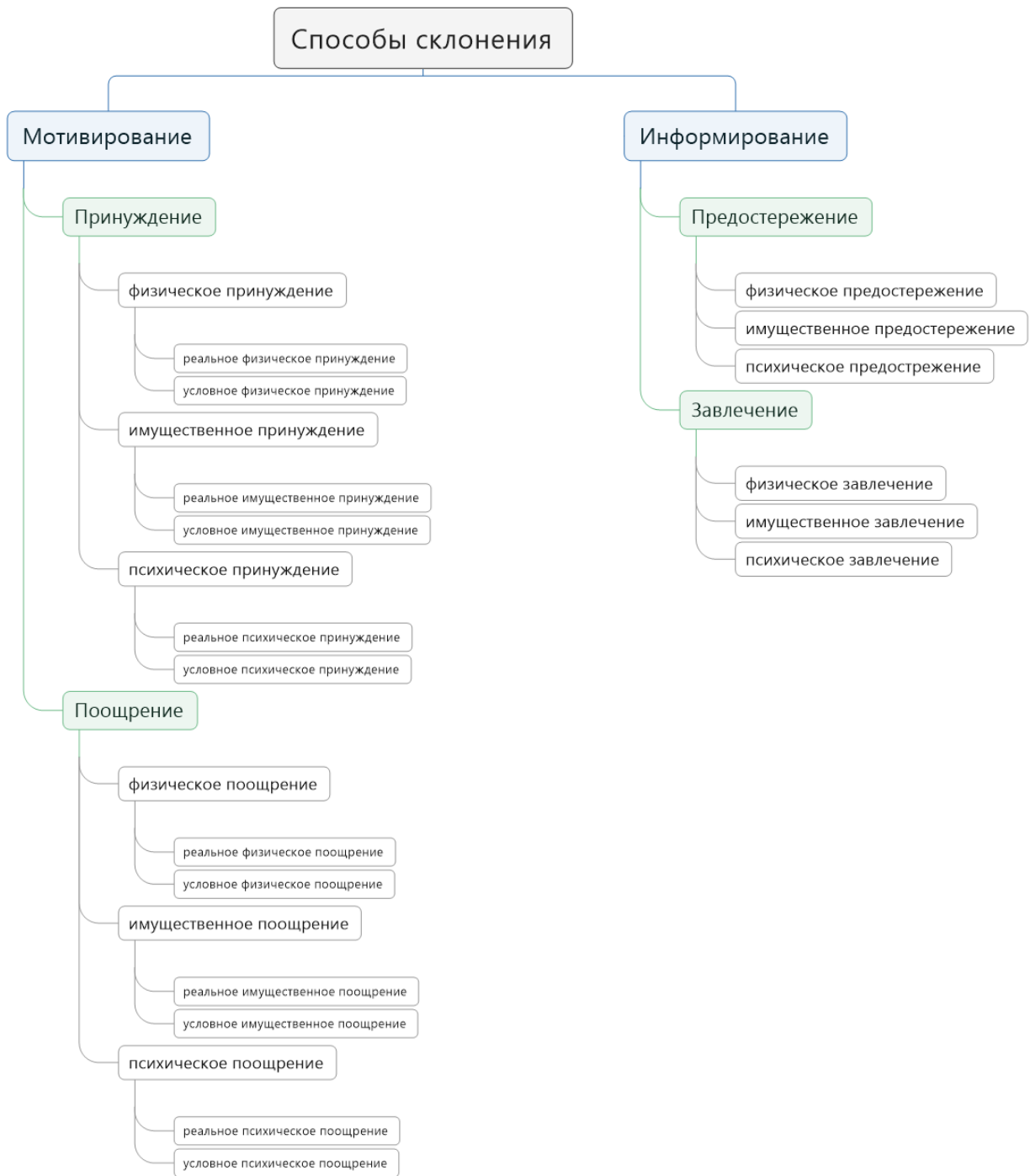
432. Государственная автоматизированная система «Правосудие». Поиск текстов судебных решений. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>

433. Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru>.

434. GUFOME. Словари и энциклопедии. – URL: <https://gufo.me>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Схема способов склоняющего воздействия (склонения)

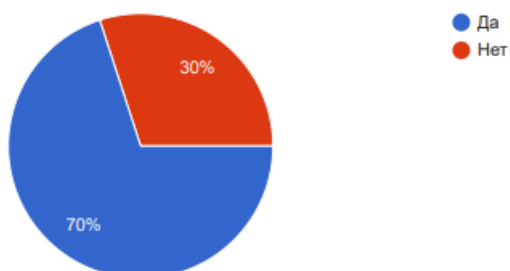
**Приложение 2. Результаты анкетирования
специалистов из числа профессорско-преподавательского состава
научно-образовательных учреждений (2020 г.)**

*Анкетирование проводилось с помощью Интернет-платформы «Google документы» (<https://docs.google.com>, инструмент «Формы»).

Вопрос № 1.

Является ли целесообразным сохранение примерного (неисчерпывающего) перечня способов подстрекательского воздействия в ч. 4 ст. 33 УК РФ?

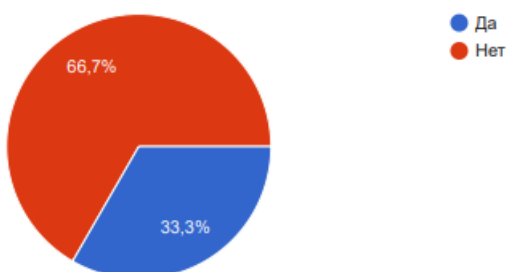
30 ответов

Вопрос № 2.

Является ли целесообразным сохранение законодательного положения о том, что только физическое принуждение может быть непреодолимым (ч. 1 ст. 40 УК РФ)?

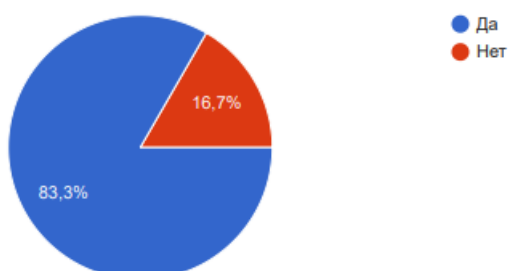
30 ответов

Вопрос № 3.

Можно ли считать принуждением воздействие, в результате которого лицо лишается объективной возможности действовать (например, связывание, запирание)?

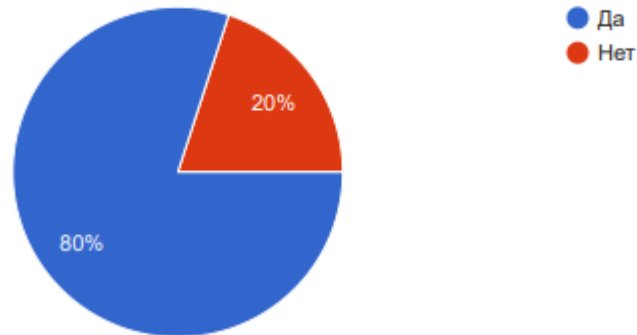
30 ответов

Вопрос № 4.

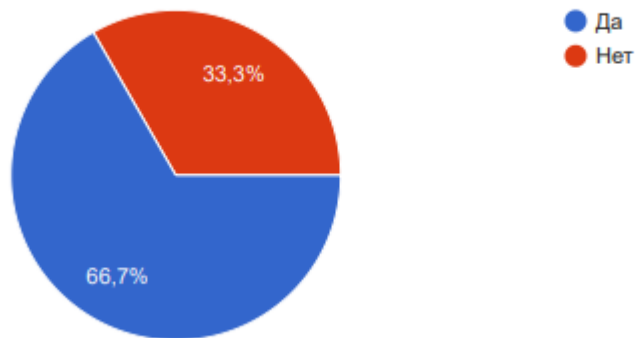
Можно ли считать принуждением воздействие на лицо как на физический объект, в результате которого лицо приводится в состояние неконтролируемого движения?

30 ответов

Вопрос № 5.

Требует ли корректировки законодательное положение о том, что подстрекатель, склонивший другое лицо к совершению преступления, не подлежит уголовной ответственности, если своевременным сообщением органам власти предотвратит доведение преступления до конца, в то время, как склоненное им лицо будет нести ответственность за покушение на преступление (ч. 4 ст. 31 УК РФ)?

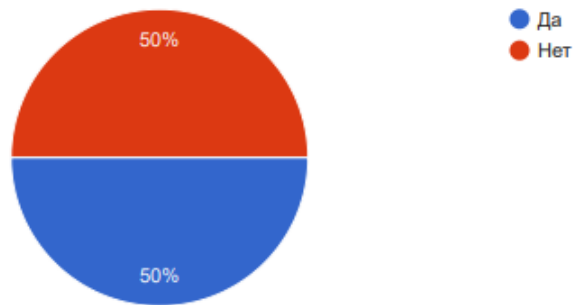
30 ответов

Вопрос № 6.

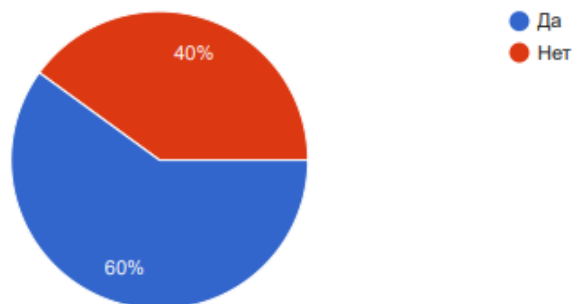
Является ли корректным использование термина «провокация» для конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»?

30 ответов

Вопрос № 7.

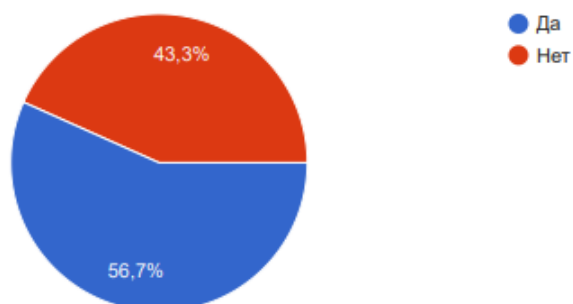
Является ли целесообразным сохранение примерного (неисчерпывающего) перечня способов склонения к самоубийству в ч. 1 ст. 110¹ УК РФ?

30 ответов

Вопрос № 8.

Усматриваете ли Вы отличие в значении уголовно-правовых терминов «принуждение» и «понуждение»?

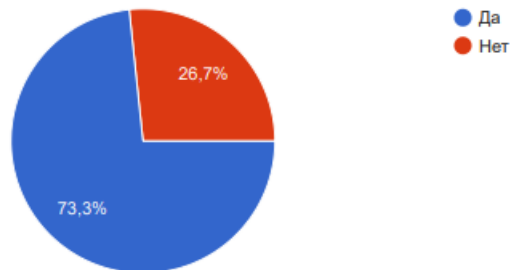
30 ответов

Вопрос № 9.

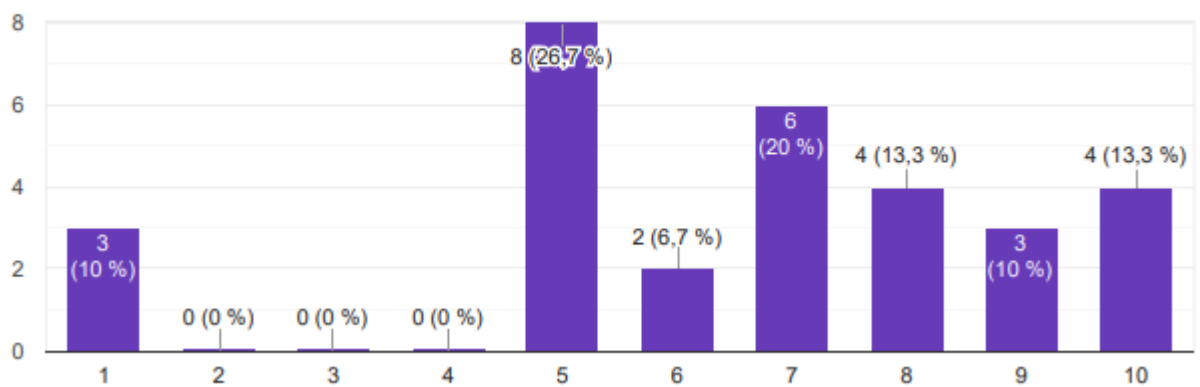
Усматриваете ли Вы отличие в значении уголовно-правовых терминов «склонение» и «вовлечение»?

30 ответов

Вопрос № 10.

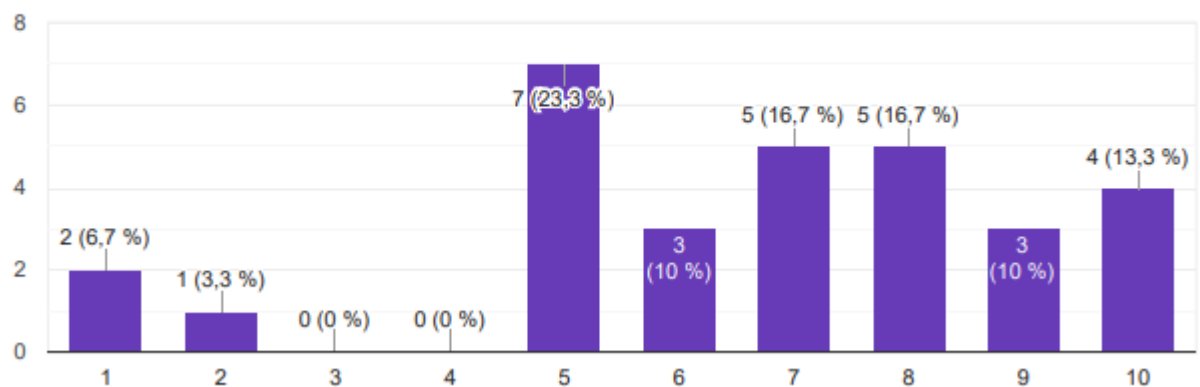
По шкале от 1 до 10 оцените степень сложности правоинтерпретации уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1 ст. 205¹ УК РФ?

30 ответов

Вопрос № 11.

По шкале от 1 до 10 оцените степень сложности правоинтерпретации уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ?

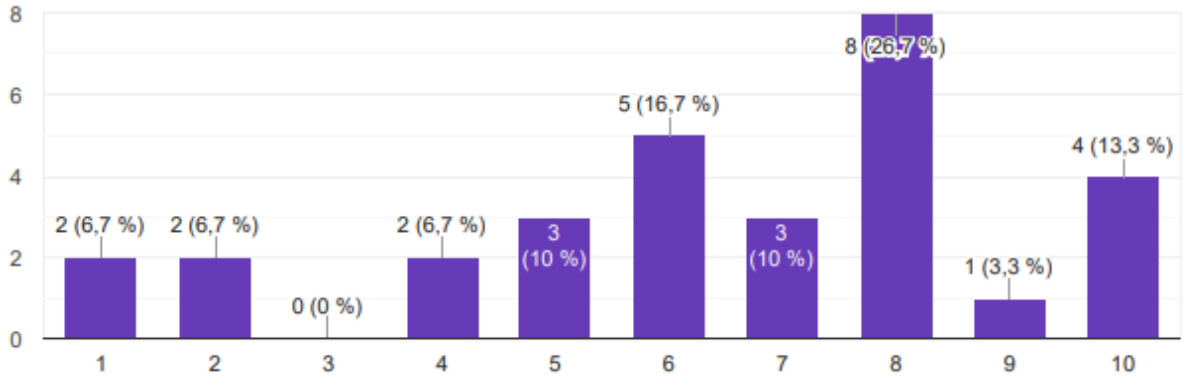
30 ответов

Вопрос № 12.

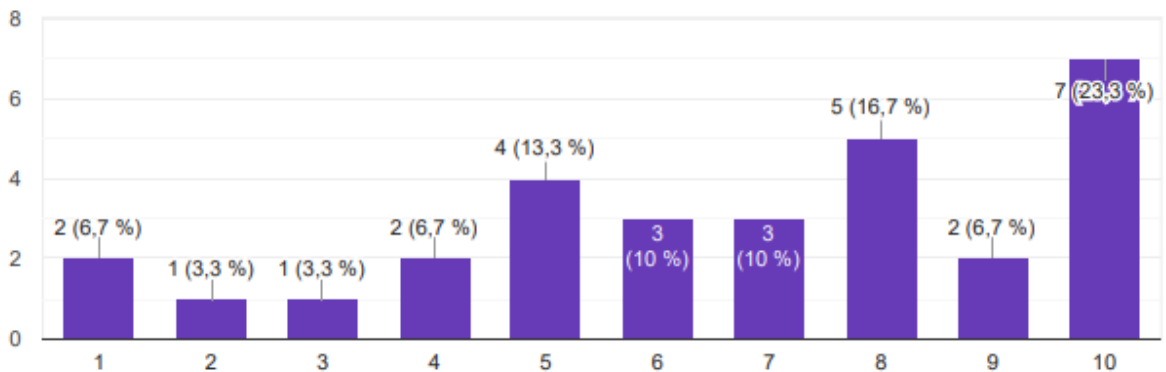
По шкале от 1 до 10 оцените степень сложности правоинтерпретации уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1¹ ст. 212 УК РФ?

30 ответов

Вопрос № 13.

По шкале от 1 до 10 оцените степень сложности правоинтерпретации уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ?

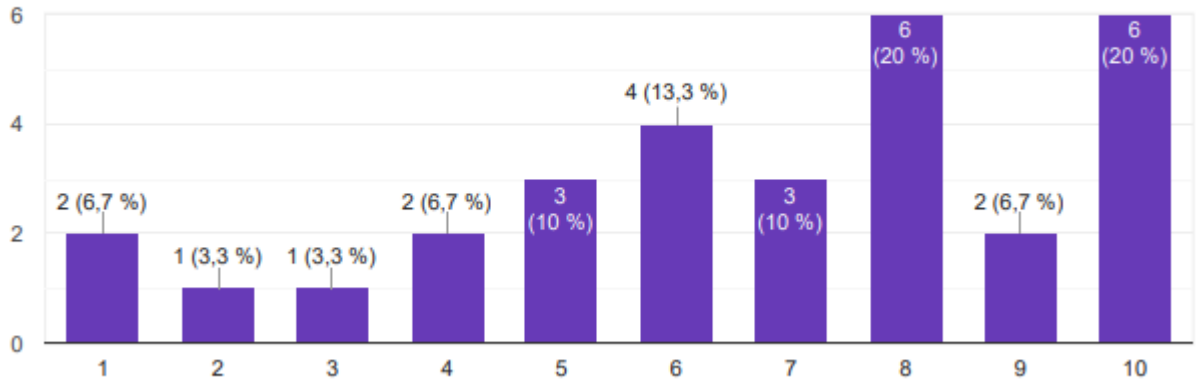
30 ответов

Вопрос № 14.

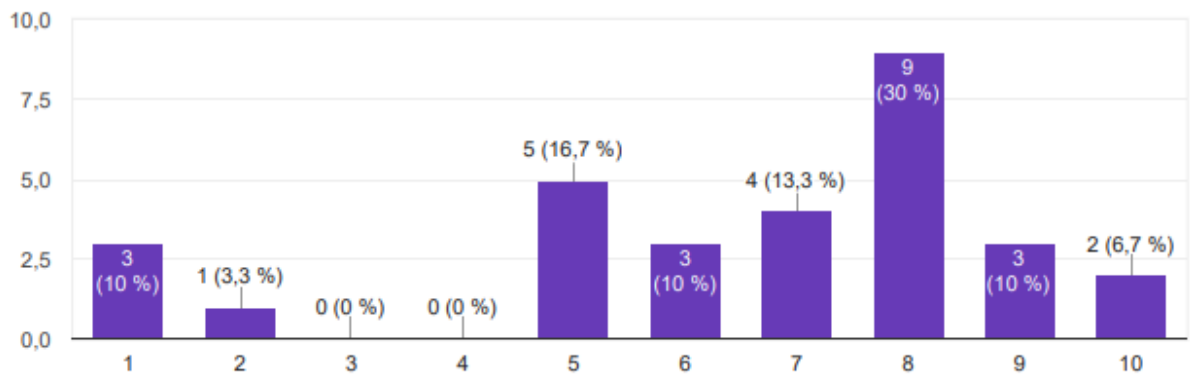
По шкале от 1 до 10 оцените степень сложности правоинтерпретации уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1¹ ст. 282² УК РФ?

30 ответов

Вопрос № 15.

По шкале от 1 до 10 оцените степень сложности правоинтерпретации уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 2 ст. 361 УК РФ?

30 ответов

Приложение 3. Результаты анкетирования практических работников (2020 г.)

*Анкетирование проводилось с помощью Интернет-платформы «Google документы» (<https://docs.google.com>, инструмент «Формы»).

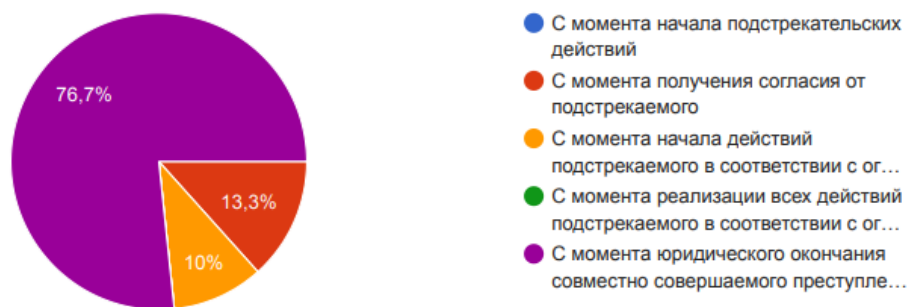
Вопрос № 1.

С какого момента следует считать юридически оконченным (подлежащим квалификации без ссылки на ст. 30 УК РФ) подстрекательство к преступлению?

Варианты ответов:

- 1) с момента начала подстрекательских действий;
- 2) с момента получения согласия от подстрекаемого;
- 3) с момента начала действий подстрекаемого;
- 4) с момента реализации всех действий подстрекаемого;
- 5) с момента юридического окончания совместно совершаемого преступления.

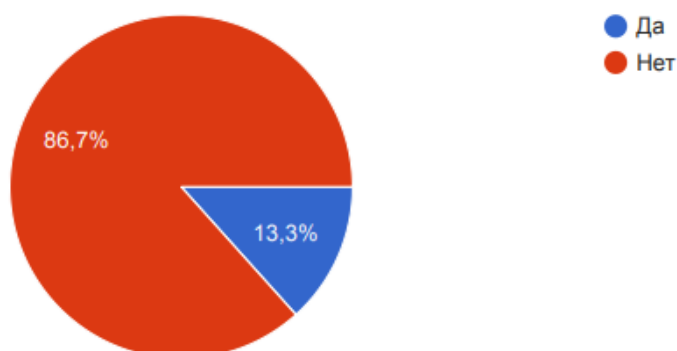
30 ответов

Вопрос № 2.

Является ли целесообразным сохранение законодательного положения о том, что только физическое принуждение может быть непреодолимым (ч. 1 ст. 40 УК РФ)?

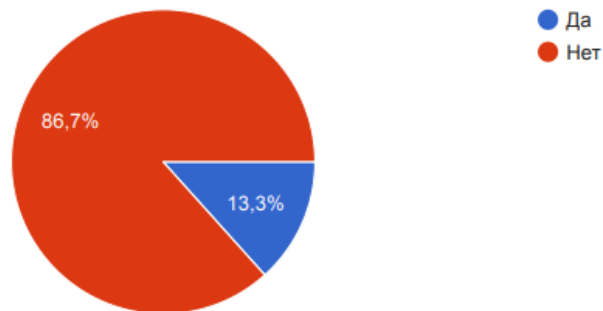
30 ответов

Вопрос № 3.

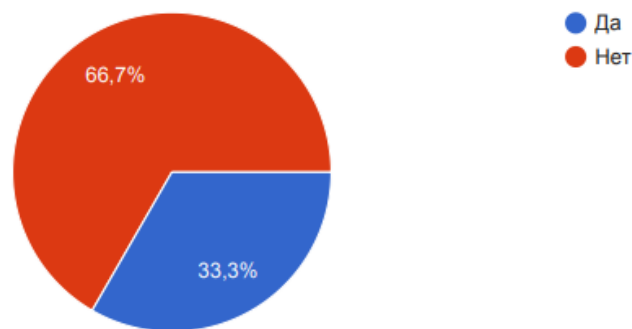
Является ли справедливым законодательное положение о том, что подстрекатель, склонивший другое лицо к совершению преступления, не подлежит уголовной ответственности, если своевременным сообщением органам власти предотвратит доведение преступления до конца, в то время, как склоненное им лицо будет нести ответственность за покушение на преступление (ч. 4 ст. 31 УК РФ)?

30 ответов

Вопрос № 4.

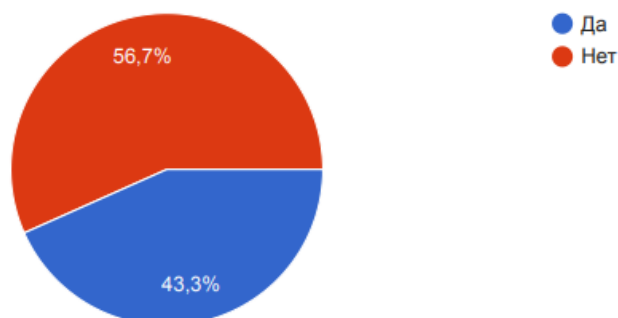
Усматриваете ли Вы отличие в значении уголовно-правовых терминов «принуждение» и «понууждение»?

30 ответов

Вопрос № 5.

Усматриваете ли Вы отличие в значении уголовно-правовых терминов «склонение» и «вовлечение»?

30 ответов

Приложение 4. Результаты анкетирования специалистов из числа профессорско-преподавательского состава научно-образовательных учреждений (2021 г.)

* Анкетирование проводилось с помощью Интернет-платформы «Google документы» (<https://docs.google.com>, инструмент «Формы»). В рисунках (комментариях к диаграммам) написание номеров статей может отличаться от официально принятого по причине технической невозможности введения надстрочных текстовых знаков (например, ч. 1.1 ст. 205.1 – вместо ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ).

Вопрос № 1.

Имеются ли значимые для применения закона отличия между понятием «склонение» (например, склонение к потреблению наркотических средств, ст. 239 УК РФ) и понятием «вовлечение» (например, вовлечение в занятие проституцией, ст. 240 УК РФ)?

Варианты ответов:

- 1) да, я четко понимаю, в чем отличия;
- 2) наверное, да, но в чем именно состоят отличия, указать затрудняюсь;
- 3) нет, законодатель просто использует синонимичные слова для формулирования разных статей.

40 ответов

Вопрос № 2.

Имеются ли значимые для применения закона отличия между понятием «принуждение» (например, принуждение к даче показаний, ч. 2 ст. 309 УК РФ) и понятием «понууждение» (например, понуждение к действиям сексуального характера, ст. 133 УК РФ)?

Варианты ответов:

- 1) да, я четко понимаю, в чем отличия;
- 2) наверное, да, но в чем именно состоят отличия, указать затрудняюсь;
- 3) нет, законодатель просто использует синонимичные слова для формулирования разных статей.

40 ответов

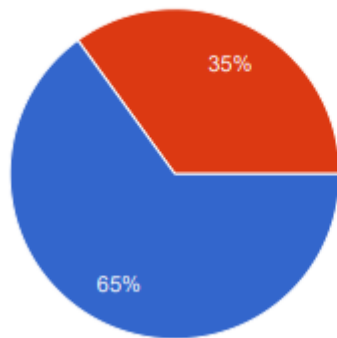
Вопрос № 3.

Как бы Вы отнеслись к предложению унифицировать момент юридического окончания всех преступлений, связанных с побуждением другого лица что-либо сделать (например, все эти преступления считать оконченными в момент, когда побуждаемый приступил к действию)?

Варианты ответов:

- 1) скорее положительно, поскольку это было бы удобно для понимания и придало системности закону;
- 2) скорее отрицательно, поскольку каждое преступление обладает своей спецификой, исходя из которой целесообразно устанавливать момент юридического окончания.

40 ответов

- Скорее положительно, поскольку это было бы удобно для понимания и придало системности закону
- Скорее отрицательно, поскольку каждое преступление обладает своей спецификой, исходя из которой целесообразно устанавливать момент юридического окончания

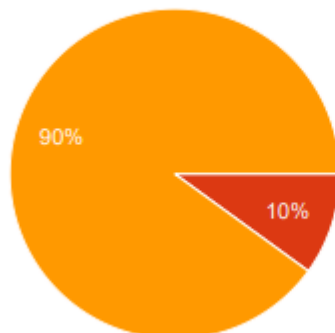
Вопрос № 4.

Как бы Вы квалифицировали действия взрослого лица, которое предложило 15-летнему угнать автомобиль, после чего они вместе реализовали данное предложение?

Варианты ответов:

- 1) по соответствующей части 150 УК РФ;
- 2) по соответствующей части ст. 166 УК РФ;
- 3) по совокупности указанных преступлений.

40 ответов

- По соответствующей части ст. 150 УК РФ
- По соответствующей части ст. 166 УК РФ
- По совокупности указанных преступлений

Вопрос № 5.

Если исключить из Уголовного кодекса РФ статью 150, то с точки зрения достижения целей уголовного наказания:

- 1) это повлечет явно негативные последствия, поскольку лица, совершившие подобные преступления, во многих или в некоторых случаях останутся безнаказанными;
- 2) это повлечет негативные последствия, поскольку лица, совершившие подобные преступления, во многих или в некоторых случаях хоть и понесут ответственность, но меньшей строгости, чем требуется;
- 3) принципиально ничего не изменится, поскольку суд практически во всех случаях имеет возможность назначить справедливое наказание за «основное» преступление (например, за угон).

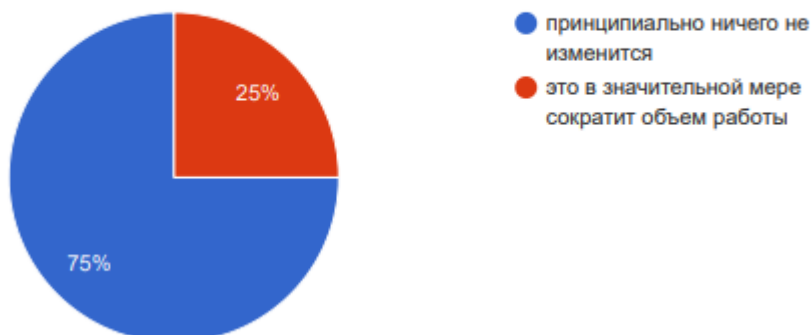
40 ответов

Вопрос № 6.

Если исключить из Уголовного кодекса РФ статью 150, то с точки зрения экономии трудовых ресурсов правоприменителя (следователя, государственного обвинителя, суда) при работе с соответствующими делами:

- 1) принципиально ничего не изменится;
- 2) это в значительной мере сократит объем работы.

40 ответов

Вопрос № 7.

Как бы Вы квалифицировали действия лица, по заказу которого осуществлен захват заложника?
Варианты ответов:

- 1) по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ («Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205², частями первой и второй статьи 206, статьей 208, частями первой - третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений»);
- 2) как подстрекательство к захвату заложника (ч. 4 ст. 33 и соответствующая часть ст. 206 УК РФ);
- 3) по совокупности указанных преступлений.

40 ответов

Вопрос № 8.

Как бы Вы квалифицировали действия лица, которое путем угроз расправой над близкими заставило другого совершить террористический акт?

Варианты ответов:

- 1) по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ («Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризм»);
- 2) как подстрекательство к террористическому акту (ч. 4 ст. 33 и соответствующая часть ст. 205 УК РФ);
- 3) по совокупности указанных преступлений.

40 ответов

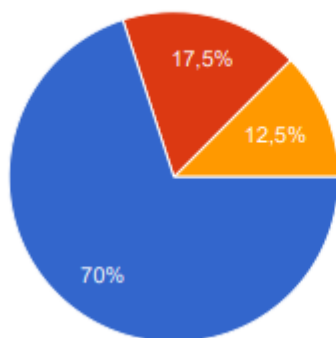
Вопрос № 9.

Как бы Вы квалифицировали действия лица, которое уговорило знакомого участвовать в массовых беспорядках?

Варианты ответов:

- 1) по ч. 1¹ ст. 212 УК РФ (Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков);
- 2) как подстрекательство к участию в массовых беспорядках (ч. 4 ст. 33 ч. 2 ст. 212 УК РФ);
- 3) по совокупности указанных преступлений.

40 ответов

- По ч. 1.1 ст. 212 УК РФ (Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков)
- Как подстрекательство к участию в массовых беспорядках (ч. 4 ст. 33 ч. 2 ст. 212 УК РФ)
- По совокупности указанных преступлений

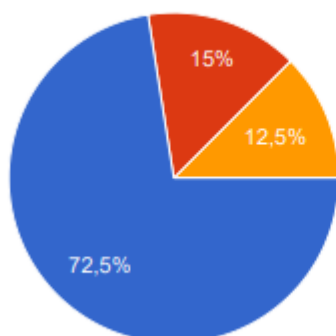
Вопрос № 10.

Как бы Вы квалифицировали действия лица, которое за вознаграждение склонило другого к участию в экстремистском сообществе?

Варианты ответов:

- 1) по ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ («склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества»);
- 2) как подстрекательство к участию в экстремистском сообществе (ч. 4 ст. 33 ч. 2 ст. 282¹ УК РФ);
- 3) по совокупности указанных преступлений.

40 ответов

- По ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ (Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества)
- Как подстрекательство к участию в экстремистском сообществе (ч. 4 ст. 33 ч. 2 ст. 282.1 УК РФ)
- По совокупности указанных преступлений

Вопрос № 11.

Как бы Вы квалифицировали действия лица, которое путем обещаний предоставить убежище склонило другого совершить акт международного терроризма?

Варианты ответов:

- 1) по ч. 2 ст. 261 УК РФ («склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов, либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий»);
- 2) как подстрекательство к акту международного терроризма (ч. 4 ст. 33 и соответствующая часть ст. 361 УК РФ);
- 3) по совокупности указанных преступлений.

40 ответов

Вопрос № 12.

Предыдущие 5 решений (в целом, преимущественно):

- 1) дались легко, закон интуитивно понятен;
- 2) требуют проработки, но можно прийти к однозначно верному решению;
- 3) требуют проработки, и правильность решения не очевидна.

40 ответов

Вопрос № 13.

Как бы Вы отнеслись к продолжению исключить из Уголовного кодекса РФ запреты «склонение, вербовка или иное вовлечение» (ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ)?

Варианты ответов:

- 1) это недопустимо, я четко понимаю, почему;
- 2) наверное, не стоит этого делать, но почему – указать затрудняюсь;
- 3) полагаю, что это было бы верным правотворческим решением.

40 ответов

Приложение 5. Таблица рекомендуемых изменений в УК РФ

Текст действующего УК РФ	Возможная редакция	Суть изменений
<p><i>Статья 33. Виды соучастников преступления.</i></p> <p>4. Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.</p>	<p><i>Статья 33. Виды соучастников преступления.</i></p> <p>4. Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к участию в совершении преступления путем принуждения, поощрения, предостережения или завлечения.</p>	<p>Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 110¹. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства.</i></p> <p>1. Склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства.</p>	<p><i>Статья 110¹. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства.</i></p> <p>1. Склонение к совершению самоубийства при отсутствии признаков доведения до самоубийства.</p>	<p>Исключается примерный перечень способов.</p>
<p><i>Статья 120. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации.</i></p> <p>1. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения.</p>	<p><i>Статья 120. Склонение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации.</i></p> <p>1. Склонение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное путем физического принуждения.</p>	<p>1. Вводится термин «склонение».</p> <p>2. Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 127¹. Торговля людьми.</i></p> <p>1. Покупка-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение.</p>	<p><i>Статья 127¹. Торговля людьми.</i></p> <p>1. Покупка-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно склонение человека к выполнению какой-либо работы в целях дальнейшей его эксплуатации, либо перевозка, передача, укрывательство или получение человека в тех же целях.</p>	<p>1. Вводится термин «склонение».</p> <p>2. Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 133. Понуждение к действиям сексуального характера.</i></p> <p>1. Понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).</p>	<p><i>Статья 133. Склонение к действиям сексуального характера.</i></p> <p>1. Склонение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем имущественного или психического принуждения.</p>	<p>1. Изменяется название.</p> <p>2. Вводится термин «склонение»</p> <p>3. Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 147. Нарушение изобретательских и патентных прав.</i></p> <p>1. Незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти деяния причинили крупный ущерб.</p>	<p><i>Статья 147. Нарушение изобретательских и патентных прав.</i></p> <p>1. Незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или склонение к соавторству путем принуждения, если эти деяния причинили крупный ущерб.</p>	<p>Вводится термин «склонение».</p>
<p><i>Статья 149. Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования</i></p>	<p><i>Статья 149. Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования</i></p>	<p>1. Вводится термин «склонение».</p> <p>2. Корректируются</p>

<p>или участию в них. Незаконное воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них либо принуждение к участию в них, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия или с угрозой его применения.</p>	<p>или участию в них. Незаконное воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них либо склонение к участию в них путем физического принуждения или путем принуждения, примененного должностным лицом с использованием своего служебного положения.</p>	<p>способы.</p>
<p><i>Статья 150. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.</i> 1. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.</p>	<p>Исключить.</p>	<p>Исключается статья.</p>
<p><i>Статья 151. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.</i> 1. Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.</p>	<p><i>Статья 151. Склонение несовершеннолетнего к совершению антиобщественных действий.</i> 1. Склонение несовершеннолетнего к систематическому употреблению (распитию) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, к занятию бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.</p>	<p>Термин «вовлечение» заменяется термином «склонение».</p>
<p><i>Статья 151². Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.</i> 1. Склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий.</p>	<p><i>Статья 151². Склонение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.</i> 1. Склонение несовершеннолетнего к совершению противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства или к совершению антиобщественных действий.</p>	<p>1. Термин «вовлечение» заменяется термином «склонение». 2. Исключается примерный перечень способов. 3. Исключается часть диспозиции.</p>
<p><i>Статья 163. Вымогательство.</i> 1. Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.</p>	<p><i>Статья 163. Вымогательство.</i> 1. Вымогательство, то есть склонение к передаче чужого имущества или права на чужое имущество, либо к совершению иных действий имущественного характера путем принуждения.</p>	<p>1. Вводится термин «склонение». 2. Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 179. Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения.</i> 1. Принуждение к совершению сделки или</p>	<p><i>Статья 179. Склонение к совершению сделки или к отказу от ее совершения.</i> 1. Склонение к совершению сделки или к</p>	<p>1. Изменяется название. 2. Вводится термин «склонение».</p>

<p>к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства.</p>	<p>отказу от ее совершения путем принуждения при отсутствии признаков вымогательства.</p>	<p>3. Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 184. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.</i> 1. Передача спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, либо принуждение или склонение таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях</p>	<p><i>Статья 184. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.</i> 1. Передача спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, либо склонение таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях</p>	<p>Исключается способ.</p>
<p><i>Статья 205¹. Содействие террористической деятельности.</i> 1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205.2, частями первой и второй статьи 206, статьей 208, частями первой - третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений. 1¹. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма.</p>	<p><i>Статья 205¹. Содействие террористической деятельности.</i> 1. Исключить. 1¹. Финансирование терроризма.</p>	<p>1. Исключается часть статьи. 2. Исключается запрет «склонение, вербовка, иное вовлечение...»</p>
<p><i>Статья 212. Массовые беспорядки.</i> 1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение действий, предусмотренных частью первой настоящей статьи.</p>	<p>Исключить.</p>	<p>Исключается часть статьи.</p>

<p><i>Статья 240. Вовлечение в занятие проституцией.</i> 1. Вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией</p>	<p><i>Статья 240. Склонение к занятию проституцией.</i> 1. Склонение к занятию проституцией или склонение путем принуждения к продолжению занятия проституцией.</p>	<p>1. Термин «вовлечение» заменяется термином «склонение». 2. Вводится термин «склонение».</p>
<p><i>Статья 242. Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов.</i> 2. Распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.</p>	<p><i>Статья 242. Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов.</i> 2. Распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо склонение несовершеннолетнего к участию в обороте порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.</p>	<p>Термин «вовлечение» заменяется термином «склонение».</p>
<p><i>Статья 281¹. Содействие диверсионной деятельности.</i> 1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных преступлений, а равно финансирование диверсии.</p>	<p><i>Статья 281¹. Содействие диверсионной деятельности.</i> 1. Финансирование диверсии.</p>	<p>Исключается запрет «склонение, вербовка, иное вовлечение...»</p>
<p><i>Статья 282¹. Организация экстремистского сообщества.</i> 1¹. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества.</p>	<p>Исключить.</p>	<p>Исключается часть статьи.</p>
<p><i>Статья 282². Организация деятельности экстремистской организации.</i> 1¹. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации.</p>	<p>Исключить.</p>	<p>Исключается часть статьи.</p>
<p><i>Статья 302. Принуждение к даче показаний.</i> 1. Принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа</p>	<p><i>Статья 302. Склонение к даче показаний.</i> 1. Незаконное склонение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний, совершенное путем принуждения следователем, лицом, производящим дознание, или иным сотрудником правоохранительного органа, а равно другим лицом с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа.</p>	<p>1. Изменяется название. 2. Вводится термин «склонение». 3. Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 309. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу.</i> 2. Принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно</p>	<p><i>Статья 309. Подкуп или склонение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу.</i> 2. Склонение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода путем</p>	<p>1. Изменяется название. 2. Вводится термин «склонение». 3. Корректируются способы.</p>

<p>принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких.</p>	<p>принуждения, а равно склонение указанных лиц к уклонению от дачи показаний путем принуждения.</p>	
<p><i>Статья 333. Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы.</i> 1. Сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения.</p>	<p><i>Статья 333. Сопротивление начальнику или склонение его к нарушению обязанностей военной службы.</i> 1. Сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или склонение его к нарушению этих обязанностей путем принуждения с применением насилия или с угрозой его применения.</p>	<p>1. Изменяется название. 2. Вводится термин «склонение». 3. Корректируются способы.</p>
<p><i>Статья 359. Наемничество.</i> 1. Вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях.</p>	<p><i>Статья 359. Наемничество.</i> 1. Склонение человека к выполнению работы в качестве наемника, либо обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях.</p>	<p>Вводится склонение. Корректируется способ «вербовка».</p>
<p><i>Статья 361. Акт международного терроризма.</i> 2. Финансирование деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных деяний.</p>	<p><i>Статья 361. Акт международного терроризма.</i> 2. Финансирование деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных деяний.</p>	<p>Исключается запрет «склонение, вербовка, иное вовлечение...»</p>